

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

В.Г. РАСТЯННИКОВ

УЗБЕКИСТАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ
В АГРОСФЕРЕ:
АНОМАЛИИ
XX ВЕКА**

Москва 1996

Исследование подготовлено при участии
И.В. ДЕРЮГИНОЙ

В. Г. Растянников. Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М., Редакционно-издательский отдел Института востоковедения РАН, 1996. — 168 стр.

Каковы были те глубинные деформации в механизме экономического роста, которые, накапливаясь из года в год, в конечном счете взорвали изнутри великую державу? Автор исследует эту острейшую для всех стран СНГ проблему на примере экономической динамики в агросфере Узбекистана XX века; им шаг за шагом, хотя и в сжатом виде, выявляются "факторы эрозии", вызвавшие трансформацию положительного потенциала экономического роста в его зеркально-отрицательный аналог. Особое внимание при этом обращается на фактор власти как доминантный регулятор экономических процессов в псевдотоварном хозяйстве, место и функциональную роль аграрной экономики Республики в общесоюзном разделении труда, распределительные процессы и их макроэкономические и социальные результаты. Краткий очерк экономической реформы, обозначившейся в агросфере Республики с начала 90-х годов, завершает работу. В книге содержится емкая статистическая информация, охватывающая восьмидесятилетний период аграрной истории Узбекистана.

Книга издается в авторской редакции

ISBN 5-89282-009-2

© Институт востоковедения РАН, 1996

© В.Г. Растянников, И.В. Дерюгина, 1996

© Оформление. И.В. Дерюгина, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

Некоторые вводные замечания.....	5
1. Экономический рост в агросфере в условиях рынка (последние годы)	13
2. Экспансия хлопковой монокультуры	18
3. Зернопроизводящий сектор аграрной экономики versus хлопковая монокультура	29
4. Ирригационный потенциал и его использование: цена экономических и экологических издержек	44
5. Динамика избыточных трудовых ресурсов в агросфере.....	49
6. Экономический рост по законам Зазеркалья	55
7. Кое-что о распределении (и перераспределении) валового дохода, образующегося в сельском хозяйстве (на примере хлопководства)	70
8. Индустриализация versus хлопковая монокультура (несостоявшаяся промышленная революция)	85
9. Феномен мельчайшего хозяйства: “прорастающий спаситель”?	90
10. Формирование “зоны бедности”	99
Вместо заключения: у истоков становления рыночной модели экономического роста	106
Примечания	117
Приложение. Статистические таблицы.....	143

V.G. Rastyannikov

UZBEKISTAN

Anomalies in Agricultural Growth Through the XXth Century

A short synopsis.

What were the deep-rooted distortions in the mechanism of economic growth, which accumulated year in and year out and ultimately blew up the great power from inside? The author studies this burning question, so acute for all countries of Commonwealth of Independent States region, taking the economic dynamics of Uzbekistan agrosphere through the XXth century as a base of his analysis. He displays, step by step, in an abridged form, the “factors of erosion”, that were responsible for the positive potential of economic growth transforming into its mirror-like negative analogue. A special reference is made to the factor of power as a dominant force in the governing economic processes in a non-market (pseudomarket) economy. The problems of functional role of Uzbekistan farming system within the framework of social division of labour of the former USSR are discussed extensively, as well as the problems of distribution (and redistribution) of agricultural incomes, with macroeconomic and social consequences resulting therefrom. The work is concluded with an essay on economic reform that has been pronounced in the Republic’s agrosphere since early 90s.

The study is provided with rich statistical information, covering the eighty-year period of Uzbekistan agrarian history.

НЕКОТОРЫЕ ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Предлагаемая вниманию читателя книга — историко-экономического характера. В ней предпринимается попытка проследить, по необходимости кратко, как складывалась на протяжении последних семи — восьми десятилетий, предшествовавших распаду СССР, современная модель экономического роста в агросфере одного из “окраинных” районов СССР — Узбекистана, какие типологические черты эта модель приобрела под всеохватывающим влиянием коммунистического общественного порядка (или, может быть, точнее сказать — как последний преломился в экономическом росте, сформировав адекватную себе — в экономической сфере — модель роста).

Экономическая динамика, рассматриваемая на протяжении длительного исторического времени, когда источником ее оценок являются процессы, происходящие в главенствующей сфере экономической деятельности народа — такой, например, Республики бывшего Союза ССР, как Узбекистан, — позволяет весьма ярко, по нашему мнению, высветить многие из тех глубинных факторов “формационной эрозии”, которые, накапливаясь из года в год, формировали и укрепляли силы, в конечном итоге взорвавшие изнутри великую державу и вызвавшие исторически “неожиданный”, внезапный ее распад.

Выбор исторического подхода к исследованию экономического процесса “работает” и на перспективу. Ибо здесь мы исходим из правила: только детальное знание нашего ближайшего экономического прошлого позволяет нам лучше понять — “от какого наследства мы отказываемся” (и, напротив, что и в каких пределах “мы” “принимаем” из него для “будущего”), каковы должны быть принципы стратегии экономического роста в эпоху перехода народного хозяйства к новой его модели, в эпоху, которую переживают ныне практически все страны СНГ, Узбекистан в том числе.

В известном смысле модель экономического роста, сформировавшаяся в агросфере Узбекистана, уникальна по своему характеру. Чтобы адекватно оценить ее содержательную сторону, полезно напомнить о некоторых качественных определенностях фундаментального характера, присущих агросфере Республики.

Узбекистан относится к группе тех стран, где как первоначальное формирование ряда важнейших исходных предпосылок **современного** экономического роста, так и сама экономическая динамика в агросфере происходили в рамках и под воздействием “землесберегающего” технологического способа производства (ТСП); предполагающий приоритет экономии земли как фактора производства, находящегося в минимуме, в противовес экономии в использовании рабочей силы как фактора, имеющегося в избытке, данный ТСП уже сам по себе (“по определению”)¹ ставит мощные ограничители на пути преобразовательных тенденций, порождаемых **современным** экономическим ростом. И, действительно, этот ТСП, как мы увидим впоследствии, определял ряд существенных параметров экономического роста в агросфере Узбекистана, в той или иной (болезненно чувствительной) форме давал себя знать на протяжении всего советского периода истории Республики.

С утверждением в стране коммунистического общественного порядка в механизме экономического роста в Узбекистане произошла существенная, детерминантного характера, метаморфоза. В самом деле, в отличие от механизма роста в условиях рыночной экономики, при коммунистическом порядке экономические рычаги влияния на производство, генерируемые рынком, в определяющих звеньях экономического процесса были замещены внеэкономическими регулятивами (включая и те, которые суть не что иное, как методы “голового” внеэкономического принуждения); рыночный же “остаток” регулятивов экономического процесса в таких условиях утрачивал свою действенную силу. Порожденные себе сущей властью (см. ниже), эти внеэкономические регулятивы вызвали к жизни явление - невозможное в условиях рыночной экономики, - явление, которое можно было бы охарактеризовать “квазитоварной экономической системой”. Именно такого типа экономическая система сформировалась в Узбекистане (как и в других республиках бывшего СССР) со времени “сплошной” коллективизации хозяйства его агросферы.

Данная экономическая система, будучи “наложена” на “землесберегающий” ТСП, породила особые механизмы торможения и искажения экономического процесса (если за “эталон” принять его “рыночную норму”), такие, которые, действуя на протяжении длительного исторического времени, в конечном итоге превращали положительный потенциал роста в его отрицательный аналог.

Агросфера Узбекистана отличается и яркими индивидуальными чертами. Детерминантная из них — хлопковая монокультура. За годы советской власти последняя, опираясь, как на трамплин, на предшествующую (до 1917г.) рыночную специализацию земледелия, выросла в явление беспрецедентного — в современной мировой истории — масштаба, захватив под “свое крыло” подавляющую

часть производственных ресурсов агросферы — трудовых, природных, созданных трудом человека, или — иначе — “цивилизацией” (К.Маркс). Ее динамика — наглядное свидетельство исторической закономерности, пережитой (или переживаемой до сих пор) обществами многих развивающихся стран: многолика в своих проявлениях, многофункциональная по последствиям своего воздействия, монокультура выступает как целостный (органичный) феномен, “встроенный” в механизм экономического роста; подобная циклопу Полифему по версии Вергилия (“Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй”)², она накладывает неизгладимую печать на воспроизводство социума, оказавшегося в поле ее притяжения. И, действительно, ее влияние пронизывало всю социальную и экономическую жизнь узбекского общества на протяжении всего советского периода его истории.

В предлагаемый вниманию читателя анализ экономического роста как органичный момент концептуальной основы работы вводится понятие “власть”, описывающее детерминантный — при коммунистическом порядке — фактор роста. В связи с этим необходимо вкратце пояснить, какую смысловую нагрузку и в какой интерпретации несет это понятие в контексте данной работы.

Хотя исследование большой (и больной для бывших “социалистических” обществ) проблемы о сущности общественного способа производства, утвердившегося под маской “социализма” в ряде стран мира, в политэкономическом ракурсе еще только начинается, наше обществоведение, однако, уже располагает некоторыми емкими концепциями, раскрывающими содержание данной проблемы. Что касается автора, наибольший для него интерес в рамках заявленной темы представляет разработанная А.И.Фурсовым концепция “кратократии”³, закладывающая, как думается, один из наиболее плодотворных подходов к решению упомянутой проблемы.

Обратим внимание на следующие три черты, образующие органичное единство, которые, по А.И. Фурсову, в первую очередь характеризуют данный тип власти. Во-первых, эта власть **гомогенна** по своей природе: “Власть в обществе советского типа утрачивает свой политический характер и превращается во всеохватывающую, неспециализированную, стирающую грани и границы между всеми сферами общества и всеми частными типами власти (власть. — В.Р.)”; она трансформирует последние и себя самое “в такое явление, как общественно-однородная (социально-гомогенная) власть”⁴. Во-вторых, в силу своей специфики она носит **“функциональный характер”**, т.е. “она непосредственно не связана содержательно ни с одной структурой, но может внедряться в любую структуру, устраняя ее специфическое содержание и превращая ее в структурную ячейку самой себя, т.е. функциональной

социально-гомогенной власти”⁵. Продолжая эту мысль, автор заключает: “Иными словами, основа власти здесь — не какая-то частная сфера общества, а общество в целом, в котором стерты границы между сферами-частями и соответствующими им формами власти. А потому здесь — это власть вообще, как таковая, социально-гомогенная власть-насилие. Таковую власть следует назвать **кратократией — власть власти, власть насилия, не ограниченная никакими законами, а общество — кратократическим** (подчеркнуто мною. — В.Р.)”.

Наконец, в-третьих, кратократия не только отрицает государство (“По сути кратократия есть первый пример системного отрицания государственности в XX в.”), функционально замещая его самой собою, она есть одновременно и **первичное отношение собственности**: “кратократия обладает прежде всего не надстроечными, а базисными характеристиками, она — агент первичных и типологически единственных производственных отношений, отношений собственности”⁶.

При кратократии, в соответствии с предложенной А.И. Фурсовым концепцией, господствующий общественный способ производства обладает, очевидно, такими определяющими качествами. При нем двумя взаимодействующими социальными фигурами являются, с одной стороны, именно кратократия, в каком бы обличии (государственном, “партийном”, или, например, хозяйственном) она ни выступала, а с другой, — полифункциональный работник, т.е. работник, взятый во всем спектре своего общественного бытия (именно — как персонификатор [псевдо]самостоятельного индивидуального хозяйства, т.е. обладающего видимостью собственности на применяемые им средства производства; как коллективный производящий агент [псевдо]самостоятельного коллективного хозяйства, т.е. имплицитно владеющего собственными средствами производства, в действительности отчужденными у него кратократией; наконец, как индивидуальный работник, в качестве производящего индивида лишенный индивидуальной собственности на используемые им средства производства, но имплицитно реализующий свое [юридическое] право собственности как единичная частица совокупного, общественного работника, через него и посредством его). При этом в противоположность, например, идеал-типической (Марксовой) модели капитализма, при которой свободнорыночный обмен свободных товаровладельцев — капита-листа, обладающего средствами производства, с одной стороны, и рабочего, обладающего “специфическим товаром” — рабочей силой, с другой, образует основу самореализации общественного способа производства, основанного на капитале, — отчуждение не только “внешней”, но и “внутренней воли” производителя (В.В. Кры-

лов)⁷, т.е. **его внеэкономическое принуждение**, проявляющееся системно и в многообразных формах, или, иначе — **десубъективация производящего субъекта посредством власти**, образует базисное условие функционирования основанного на себе сущей власти общественного способа производства. Реализация данного способа производства предполагает бестоварную (псевдотоварную) экономику, при детерминированных кратократией (т.е. иных, нежели при рыночной экономике, искусственно установленных) пропорциях обмена.

По характеру отчуждения воли производителя и типу механизма присвоения кратократия сродни “азиатскому способу производства” (при котором детерминантной общественной силой выступает “власть- собственность”), но как целостный феномен она отличается от него принципиально. Возникает кратократия на ином (индустриальном) витке спирали развития мировых производительных сил и в иной социальной и экономической “среде обитания”, именно — созданной капитализмом как мировой системой; в пределах этой “особой, уникальной социальной системы, которая существует как единство двух социальных зарядов — положительного и отрицательного”, кратократия представляет “отрицательный заряд” — “системный антикапитализм”⁸.

Здесь уместно сделать существенно важную оговорку, непосредственно касающуюся Узбекистана в бытность его одной из республик СССР. Кратократия - вовсе не власть “центра”, властвующего, помимо прочего, над регионами, которые в экономической науке принято характеризовать “периферийными” (или “окраинными”) районами (хотя такого рода разделение политического и экономического пространства может при кратократии действительно вызывать не менее тяжкие — для “периферии” — последствия, чем при экономических системах, основанных на принципах рыночной экономики). Как раз наоборот — по своим содержательным характеристикам, механизму реализации своей сущности кратократия — универсально однородна, одинакова на всем пространстве, оказавшемся под ее господством, — и в “центре”, и на “периферии” (А.И. Фурсов использует понятие “изоморфизм власти” при объяснении причин однородности, одинаковости кратократии в существенно различающихся — по качественным параметрам систем господствующих производительных сил — частях кратократической зоны мира). Хотя ее локальные проявления и могут носить печать многообразных национально-особенных и иных местных обстоятельств.

Поэтому (но и не только поэтому) тот деформирующий весь экономический быт общества эффект, который кратократия вносит на “периферию” охваченного ее господством пространства, не может (и не должен) интерпретироваться

как результат якобы негативного влияния одного этноса (этнической группы, совокупности таких групп) как социальной и культурной целостности на другой этнос (этническую группу, совокупность таких групп); например, влияния многонационального русского (с “титульной” — русской — национальностью в качестве объединяющего начала) этноса, ушедшего дальше по пути экономического прогресса (в частности, втянувшегося в активный процесс современного, т.е. основывающегося на индустриальных производительных силах, экономического роста), на этнос, менее продвинувшийся по этому пути и болезненное адаптировавшийся к факту включенности в более широкую экономическую систему, детерминировавшую направления и механизмы общественного разделения труда в его хозяйстве, — этнос, населявший территорию “окраинного” Туркестана, впоследствии давший жизнь Узбекской ССР в составе СССР, а после его распада — независимой Республике Узбекистан.

Дело, как это доказывается всем опытом жизни советского общества, обстояло принципиально иначе — между исторически сложившимися на территории бывшего СССР этносами (этническими группами и т.д.) имело место в советский период их истории активное цивилизационное, взаимообогащающее взаимодействие. Более того, именно кратократия внесла особый — позитивный — вклад в процесс осовременивания на “окраинах” Союза форм культурного общения. Она дала мощный импульс развитию на “окраинах” современной системы просвещения, охватившей большую часть населения; она же создала здесь сеть современных (светских) институтов межчеловеческого общения (включая, например, и такие, как “дома пионеров”, спортивные комплексы общения и т.п.) и т.д. Осовременивание духовной и социальной сфер жизни общества, внедрение в массовое сознание ряда ценностей более широкого, современного мира уже само по себе означало безусловный прогресс для “окраинных” этносов. (Это обстоятельство тоже нельзя “сбросить со счетов” при общей оценке воздействия кратократии на подпавшее под ее власть “периферийное” общество. Данная проблема, однако, находится за пределами темы настоящей работы и требует специального исследования.)

Заслуживает особого упоминания информационная база представляемой книги. Ее “строительным” материалом послужили преимущественно статистические данные, опубликованные в разное время официальными статистическими ведомствами России, СССР, Узбекистана. Сгруппированные в тематические ряды по отвечающим проблематике работы принципам, они по многим рассматриваемым проблемам охватывают историческое время с 10-х — 20-х годов XX в. до начала 90-х годов, т.е. практически весь советский период истории Узбекистана. Возможно, не лишним будет здесь

специально отметить, что однородность данных статистического ряда (и вытекающая отсюда их сопоставимость по отдельным временным интервалам), при том, что они отражают состояние объекта за столь значительное время, позволяет наиболее полно (в “сквозном” ракурсе) оценить экономическую динамику со всеми ее “зигзагами”, “взлетами” и “падениями” — как на макрохозяйственном уровне, так и на уровне отдельного наблюдаемого объекта (отрасли, группы хозяйств, урожайности, “рентабельности” и т.д.).

Основная часть статистического материала в форме тематических таблиц вынесена в “Приложение”. Возможно, в некоторых случаях приведенные статистические сведения покажутся чрезмерно детальными, “мелкими”. Кроме вполне объяснимого желания “не утаить” какой-либо показатель, стремления быть предельно объективными, мы предполагаем также такую возможность: заинтересованный читатель, опираясь на ряды статистических данных, составленные по определенной системе, выработает и свои собственные оценки экономического процесса на различных его исторических этапах. В этом смысле представленная в “Приложении” статистика (подкрепленная статистическими сведениями, содержащимися в основном тексте) может иметь вполне самостоятельное значение. Иначе говоря, чтение этой работы, как бы парадоксально это ни звучало, есть в то же время постоянный (хотя и заочный) диалог с авторами, выдвижение читательских интерпретаций и уточнений авторских оценок динамики исследуемых объектов.

Но, увы, существуют и серьезные ограничители доказательной потенции представленного статистического материала.

Один из них — безусловная методологическая слабость самой статистической базы. Бестоварная (псевдотоварная) экономика, утвердившаяся в огромной стране, не требовала системной оценки экономической динамики четко выверенным и апробированным на “капиталистическом Западе” набором рыночных категорий. Как раз напротив — эти-то категории, как якобы отражающие экономическую динамику “ушедшего” (капиталистического) мира, подлежали забвению в первую очередь из “наследия буржуазного прошлого”, замене их псевдорыночными суррогатами. В разработке статистической базы упор был сделан на натуральные (физические) показатели воспроизводимого в обществе продукта. Это обстоятельство, конечно, не могло не найти отражения в приведенном в работе своде статистических показателей. Статистические сведения, касающиеся рыночного (или более широко — подверженного ценовой оценке) блока проблем, авторам приходилось добывать по крупицам, причем в ряде случаев совсем не из официальных документов. (Особенно полезными здесь оказались публикации МВФ.)

Другой ограничитель — вторжение идеологической доминанты в разработку как общесоюзной, так и местных статистических баз. Советская кратократия творила собственный “статистический мир”: “подправляла” одни данные, задавала параметры другим⁹, и вместе с тем даже “изымала из обращения” (“закрывала”) целые блоки важнейших, ставших по тем или иным причинам “неудобными”, статистических сведений (с этим мы также познакомимся на страницах этой книги). Все это требовало критического подхода к анализу статистических данных, отобранных для книги, в частности — с целью обратить внимание читателя на возможные искажения значения того или иного показателя.

Поэтому оценивать доказательную силу (способность) нашей, унаследованной от советского прошлого (или, если быть более точным, — унаследованной от рубежа 20-х — 30-х годов), статистики необходимо с учетом обоих упомянутых обстоятельств.

Выносимая на суд читателя работа не носит характера целостного логико-исторического исследования. Однако представленные в ней очерки, будучи связаны между собой единой идеей, использованием однопорядкового фактического материала, ориентированы, по замыслу авторов, на то, чтобы отразить восьмидесятилетнюю динамику экономического роста именно как целостный процесс. Завершается наш обзор драматических событий, происходивших в агросфере Узбекистана в советский период его истории, временем (1992—1993 гг.), обозначившим начало той эпохи, когда уже отчетливо обнаружились контуры нового, пореформенного (“переходного”, как это принято теперь называть), этапа эволюции аграрного хозяйства Республики. (Краткий очерк его проблем читатель найдет в разделе “Вместо заключения”).

*

*

*

Концептуальная разработка темы книги принадлежит В.Г. Растянникову. Им же написаны “Введение”, разделы 1—10, “Вместо заключения”; И.В. Дерюгиной подготовлены графики (разделы 2,3), статистические таблицы (“Приложение”).

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В АГРОСФЕРЕ В УСЛОВИЯХ РЫНКА (ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ)

Сперва — несколько слов об особенностях диверсификации сельского хозяйства Туркестана (а Узбекистан представлял собой наиболее крупную — и по числу занятых в агросфере людей, и по величине воспроизводимого сельскохозяйственного продукта — часть этого региона) накануне его “социалистической реконструкции”.

Начало эпохе перехода к современному экономическому росту положила в Туркестане культура хлопчатника, внедренная на его почву еще в 80-х годах XIX века. Побуждаемая промышленным бумом в России (и, соответственно, весьма выгодными для производителей рыночными ценами), культура быстро прогрессировала. Благодаря разработке и постепенному распространению современных (по стандартам того времени) технологий возделывания хлопчатника (организация семеноводческого дела, ориентированного на улучшение сортов как “русского”, так и активно внедрявшегося с начала века “американского” хлопка, начавшееся применение искусственных удобрений, освоение усовершенствованных орудий труда, улучшение ирригационного хозяйства, подкрепляемое государственными инвестициями и т.д.) весьма значительно поднялась урожайность хлопчатника: в конце 80-х годов XIX в. (1888г.) она составляла в Туркестане лишь 7.3 ц/га¹⁰, а к середине 10-х годов (1913—1915 гг.) выросла до 13 ц/га (см. табл.1), т.е. превысила современный уровень (1985—1990 гг.) урожайности этой культуры у таких крупных ее производителей, как Индия (более чем вдвое) и Бразилия¹¹. К 1913 г. посевы хлопчатника заняли пятую часть (!) всей посевной площади Туркестана (см. табл.1).

Таким образом, посредством развития именно хлопкового хозяйства Туркестан включался в общероссийское общественное разделение труда, причем, что важно отметить, этот процесс осуществлялся в обстановке складывавшегося общенационального рынка, на основе действия рыночных сил, при определенных мерах протекционистского характера со стороны государства, стремившегося

обрести для “своей” (частнокапиталистической) промышленности, расположенной в “центре” империи, собственную прочную сырьевую базу. (На этой почве впоследствии формировалась концепция о “российском колониализме”, нашедшем пристанище в “окраинных” районах империи.)

Ведущей отраслью торгового земледелия определялись функциональные роли всех других отраслей сельского хозяйства. Самая крупная из них—зерновая—в середине 20-х годов еще в значительной степени была обременена отношениями полунатурального хозяйства. Особенность, однако, состояла в том, что зернопроизводящий сектор сельского хозяйства зачастую выполнял функцию непосредственного (в натуральной форме реализуемого) обеспечения его экономических агентов (как трудящихся крестьян-хозяев, так и предпринимателей из байских и иных групп богатых землевладельцев) наличными продовольственными ресурсами, при высокой общей ориентированности хозяйства на производство для рынка — посредством развития другой, экономически главенствующей — рыночной культуры — хлопчатника. Отсюда—и “полунатуральность” “второстепенной” культуры. Действительно, товарность зернового производства, как можно судить по данным зернового баланса, рассчитанного тогдашним ЦСУ под руководством П.И. Попова, составляла в республиках Туркестана (Узбекистан, включая Таджикскую АССР, и Туркменистан) в начале второго пятилетия 20-х годов (1925/26—1926/27 гг.) лишь 24%¹² (чистая доля зерна, ухидившая из крестьянского хозяйства), против 13% (так называемая “внедеревенская товарность”, т.е. чистая доля зерна, реализуемого на рынке, в том числе в форме поставок зерна государству, за пределами деревни) в СССР в целом в 1923—1926 гг.¹³. Зерна, производившегося в отрасли, было достаточно, чтобы полностью удовлетворить потребности в этом продукте только сельского населения; гипотетически ни единого грамма зерна не могло быть выделено для города (примерно 1/5 часть населения тогдашнего Туркестана). Недостаток зерна восполнялся его импортом из России, который покрывал в эти годы 25.2% зерновых потребностей (фактического потребления) региона. Таким образом, по меньшей мере в области потребления и производства сельскохозяйственной продукции к середине 20-х годов в Туркестане сложился весьма объемный межотраслевой обмен, **детерминированный рынком и далеко выходящий за границы региона**. Именно эти два фактора определяли динамику экономического роста в агросфере Туркестана того времени. (О том, с какими тяжкими для Узбекистана последствиями большевики “разовьют” данный тип межотраслевого обмена, сломав десятилетиями складывавшуюся на базе рыночных детерминант систему внутренних межотраслевых соотношений аграрного производства, подробнее будет сказано ниже.)

Более того, по сравнению со всеми другими регионами тогдашней РСФСР, Туркестан к середине 20-х годов в наибольшей степени был захвачен влиянием рынка в области зернового потребления: по данным “Баланса народного хозяйства” П.И. Попова и его коллег, в 1923/24 г. купленное на рынке зерно покрывало 31% всего зернового потребления крестьянских хозяйств (против 18% в таковых хозяйствах в целом по РСФСР и 26% — в ее потребляющей полосе). А в 1925/26—1926/27 гг. в совокупном потреблении зерна в обеих только что образовавшихся республиках Туркестана зерно, купленное на рынке (российском и местном), составляло 44,2%¹⁴.

Детерминируемое законами рынка, земледелие (не животноводство!) отличалось высокой структурной мобильностью, при этом изменения в структуре производства целиком определялись положением дел в хлопководстве, в частности рыночными ценами на хлопок. Так, за период “хлопкового бума” 10-х годов (1911/12 — 1915/16 гг.) производство хлопка-волокна в Средней Азии увеличилось сразу на 60% (с 190 тыс.т до 302 тыс.т); только за 1913—1915 гг. посевы хлопчатника выросли на 19% (а в главном хлопкопроизводящем районе — Ферганском — на 22%)¹⁵. В основном это “увеличение площади происходило ... за счет сокращения посевов других растений, главным образом пшеницы и ячменя ...”¹⁶. В последующие годы мы наблюдаем прямо противоположные процессы.

П.И. Попов и его коллеги в своем “Балансе” обратили внимание на то, что в начале 20-х годов “расстройство транспорта и снабжения (хлопкопроизводящих районов страны хлебом. — *В.Р.*) побудили хлопководов перекопать хлопковые плантации на пшеничные поля”¹⁷. К этому необходимо добавить, что сильнейший удар, вызвавший “катастрофическое падение хлопководства”, нанесла хозяйству Туркестанского края, помимо других причин, как свидетельствует Р.Х.Аминова, политика заниженных цен на хлопок (они оказались в 1.5 — 2 раза ниже “себестоимости”)¹⁸, осуществлявшаяся властями Советского Туркестана в годы продразверстки и “военного коммунизма” в России¹⁹. В результате площади посевов хлопчатника в СССР опустились в 1922 г. до 8% (самая низкая точка падения производства хлопка в тогдашнем российском государстве) от уровня 1916 г.; но в 1924 г., когда было разморожено и стало набирать обороты влияние рыночного механизма, они поднялись уже до 59%, а в 1926 г. — до 83% от уровня 1916 г., при этом наиболее быстро процесс восстановления хлопкового хозяйства происходил в Туркестане (65.1% всего союзного клина хлопковых полей в 1924 г., 69,4% — в 1926 г.; в 1930 г. на республики Средней Азии приходилось 82,0% валового сбора хлопка-сырца в СССР²⁰. Ко второй половине 20-х годов, периоду пика НЭПа в России, удельный вес посевов хлопчатника в Туркестане даже превысил довоенную норму, составив несколько более 1/5 всей посевной площади региона (см.табл.1).

Такой волнообразный тип динамики ведущей отрасли хозяйства выявляет следующие типологические особенности экономического роста в агросфере Туркестана ко времени “социалистической реконструкции” его экономики. Во-первых, мы наблюдаем здесь исключительно высокую скоротечность процесса восстановления хозяйственного ядра земледелия, специализирующегося на производстве хлопчатника — главной торговой культуры, при естественно сложившейся (рыночной) модели экономического роста в агросфере. Во-вторых, на фоне высокой рыночной специализации в земледельческом хозяйстве выделяется культура (в данном случае — зерновая — пшеница), принимающая на себя функции мобильного амортизатора рыночных неурядиц (своего рода резерв экономического роста). В-третьих, это — способность нормально (высоко) специализированного рыночного хозяйства переключать ресурсы с производства культуры, экономически менее выгодной, на производство культуры, обеспечивающей более высокую экономическую отдачу, сразу как только изменяются рыночные условия.

Можно упомянуть, например, о достаточно высоком (по стандартам того времени) уровне урожайности в зерновом производстве Туркестана в 1923/24—1926/27 гг., уровне, более высоком, нежели средний по Европейской России, причем урожайность зерновых оказалась в Туркестане наибольшей как раз в тот период времени, когда площадь хлопковых посевов была наименьшей (см. табл.1), что свидетельствовало не только о большом накопленном техническом опыте, но и о высокой экономической культуре туркестанских земледельцев-товаропроизводителей.

Лишь полвека спустя(!) кратократия путем невероятных усилий смогла добиться в общественном хозяйстве Узбекистана — главном зернопроизводящем районе бывшего Туркестанского края — средней урожайности зерновых, которая была характерна для дехканского и мелкого предпринимательского хозяйства Туркестана середины 20-х годов (см. табл.1), т.е. восстановила те утраты, которые зерновое хозяйство края понесло в период, названный в истории “эпохой социалистического строительства”. А о том, что речь могла идти здесь именно о мелком по преимуществу хозяйстве, убедительно свидетельствует показатель среднего уровня товарности зернового производства в регионе (напомним — он составлял 24%).

Высокой степени развития торгового земледелия, конечно, соответствовала и высокая интенсивность формирования капиталистического сектора хозяйства (в данном случае — в его “байском облачении”). По данным тогдашнего ЦСУ, в августе 1926 г. на 100 крестьянских хозяйств приходилось в Туркестане 10,63 срочных наемных рабочих (в Узбекской ССР — 9,87 рабочих), против 6,1 таких рабочих в целом по РСФСР; большая насыщенность

крестьянских хозяйств сроковыми рабочими отмечалась только в Северо-Кавказском крае (11,86 рабочих на 100 хозяйств)²¹.

До революции капиталистическое хозяйство складывалось и в иной форме — форме, получившей название в советской литературе “рассеянной мануфактуры”²². Крупные торговые фирмы Туркестана и даже Москвы вступали в непосредственные отношения с производителями хлопка, предоставляли им кредиты (“выдавали задатки”) под урожай на покупку семян, продовольствия и др. “Долги”, естественно, “сильно обременяли нашего хлопководов”. Кредиты обычно возвращались “в размере 50%” (а в 1915 г., из-за резко повысившихся хлопковых цен, даже “в размере 2/3 полученных сумм”)²³. Остальная часть кредита покрывалась натурой — продукцией хлопководов по заранее обусловленной (т.е. низкой) цене²⁴. (Впоследствии такие [или близкие к ним] формы организации мелкого хозяйства мы обнаруживаем повсеместно в развивающихся странах.)

Описывая данную форму включения крестьянского хозяйства в капитализм (и хозяйства среднеазиатских хлопководов, в частности), А.В.Чаянов отметил, что “торговый капитализм”, подчас выступающий “в форме весьма крупных торговых предприятий”, «развивая систему кабального кредита, превращает организацию сельскохозяйственного производства чуть ли не в особый вид раздаточной конторы, построенной на “системе выжимания пота”». Именно данная организация мелкого хозяйства “пролагает первые пути проникновения в деревню капиталистических отношений”²⁵. Такая система организации с утверждением советской власти в первую очередь заменялась государственными (властными) аналогами “системы выжимания пота” (но об этом см. ниже).

В период расцвета НЭПа, после всех перипетий гражданской войны, сельское хозяйство Туркестана, по-видимому, не растеряло накопленного в нем потенциала экономического роста, потенциала (по меркам тогдашнего уровня технического прогресса в России) достаточно развитого, и — что особенно важно — способного к адекватной саморегуляции на базе рыночных ценностей. Этому потенциалу соответствовал контингент экономических агентов, представленный, помимо прочего, крестьянскими хозяйствами, сформировавшимися в полноценных товаропроизводителей и получившими в период НЭПа определенную “степень свободы” (рыночной).

2. ЭКСПАНСИЯ ХЛОПКОВОЙ МОНОКУЛЬТУРЫ.

Как следует из предыдущего изложения, прочные основы хозяйства монокультурного типа были заложены в Узбекистане еще до Октябрьского переворота, сохранены они были и в период НЭПа (точнее — восстановлены к его концу). Но при этом динамика данного хозяйства определялась законами рынка (разрушения в хлопководстве, происшедшие на рубеже 10-х — 20-х годов под воздействием вторжения “власти насилия” в процесс производства в агросфере, лишь более ярко высветили детерминантную роль в воспроизводстве хлопкового хозяйства именно рыночного механизма). Соответственно этими же законами регулировались межотраслевые отношения в агросфере, поддерживались межотраслевые балансы производства и потребления в Республике.

Утвердившаяся в Узбекистане (как и по всей стране) в оболочке партийной и советской власти кратократия вызвала две большие метаморфозы в агросфере Республики. На рубеже 20-х — 30-х годов она раздавила “рынок стоимости и рыночной цены”, заменив его псевдорынком — государственной монополией (единственный покупатель на рынке), опиравшейся на всеохватывающую систему внеэкономического принуждения производителя (введение принудительной учетной цены, неэквивалентный обмен, в данном случае — обмен, пропорции которого определялись “властью насилия”, и т.д.); и она показала “всему миру” (что, впрочем, делала едва ли не до конца

80-х годов), что такое “подлинный скачок” в развитии монокультуры, якобы послуживший экономическим фундаментом “строительства” “нового общества” в Республике (ниже мы скажем подробнее, с каким ущербом для жизненного уровня народа Узбекистана был сопряжен властный беспредел, творившийся кратократией в хозяйстве агро-сферы Республики). Политическим (властным) орудием, понуждавшим аграрную экономику к этому “скачку”, стало “детище” кратократии в агросфере — система коллективизи-

рованного хозяйства с ее механизмом внеэкономического принуждения в реализации производственных и общественных связей, формировании жизненных стандартов трудящегося населения.

Именно коллективизация как способ принудительной организации бестоварной (точнее: псевдотоварной) аграрной экономики позволила, начиная с 30-х годов, осуществить широкомасштабный и, конечно, “планомерный” поворот от определяемого рыночным спросом варианта развития хлопководческого хозяйства Узбекистана к беспрецедентной, волею власти осуществляемой **концентрации ресурсов агросферы на возделывании единственной — на долгие годы — культуры — хлопчатника**. Такая концентрация взорвала хрупкие межотраслевые балансы в агропроизводстве. В результате коллективизация позволила реализовать принцип доминирования “общенародных” (общесоюзных) интересов над “местническими” (локальными), “узконациональными” — за счет и в ущерб последним²⁶. Иначе говоря, колхозная форма организации сельскохозяйственного труда сыграла роль, если сказать словами К.Маркса, “повивальной бабки” при включении местного хозяйства агросферы в утверждавшуюся систему “социалистического” разделения труда — в масштабах всего необъятного Советского Союза. И в этом состояла важнейшая, помимо других, сугубо периферийной природы, функция возникшей колхозной системы в народном хозяйстве Республики.

Чтобы выполнить эту функцию на почве Узбекистана, колхозная форма организации труда должна была обладать качеством особого рода. Каким же? В задачу настоящей работы не входит обсуждение столь фундаментальной проблемы, как социальная сущность колхозной системы, ее многостороннее воздействие на социальную и экономическую жизнь общества. Считаю, однако, уместным упомянуть о следующем обстоятельстве, используя здесь подход с позиций близкой по духу представлениям автора о социально-экономическом процессе при коммунистическом общественном порядке концепции А.Оболонского²⁷.

В Узбекистане, как и повсюду в огромной стране, колхозная система стала самым массовым оплотом и адекватным выражением “системоцентризма”, т.е. типа социальной организации общества, при котором, помимо прочего, происходит **отчуждение личного интереса производителя**, этого “локомотива” экономического прогресса, неизбежного стимула к интенсивному производительному труду, — интереса, соотносящегося с рыночными регуляторами экономической деятельности и посредством их реализуемого, — **от производства**; этот интерес растворяется в безликом (безадресном) “общественном” интересе, носителем которого как ценности высшего порядка в сфере экономической деятельности

при “системоцентризме” и является (квази)коллективное хозяйство. Слова из очень популярной в прошлом песни — “и все кругом — колхозное, и все кругом — мое” — весьма точно передают мысль о якобы имеющей быть тождественности “общественного” и “личного” интересов, о неотличии одного от другого, о будто бы происшедшем их слиянии, иначе — о втискивании потенций экономически эффективного труда, основанных на проявляющемся в многообразных формах личном интересе, во все нивелирующий “системоцентристский” обруч колхозной (в дальнейшем — колхозно-совхозной) формы производства, лишенной мотивации к такому труду.

В этом смысле коллективизация как процесс тотальной ликвидации частной собственности производителя, отбросила назад, практически **полностью заблокировала процесс формирования хозяйства “персоноцентристского”** (А.Оболонский) типа²⁸ (поднимавшегося в Туркестане в течение первых трех десятилетий XX века и постепенно завоевывавшего все большее экономическое пространство), т.е. хозяйства, по определению долженствующего выполнять в процессе экономического роста самостоятельную, рынком контролируемую, **субъектную роль** и, соответственно, обладать прямой и обратной связью с другими субъектными участниками процесса. (Такое хозяйство, *inter alia*, образует самую широкую экономическую основу становления гражданского общества.) Доминантной формой стала его антитеза — хозяйство “системоцентристского” типа, причем в его разновидности, основывающейся на общественной (выступающей в юридической оболочке “коллективной”, но экономически реализующейся в пользу себе сущей власти, т.е. фактически отчужденной от производителя) собственности и предполагающей в качестве “среды обитания” созданный античастнособственническими преобразовательными акциями кратократии вакуум бестоварных (псевдотоварных) отношений; данная же форма отношений удушает саму возможность формирования обратных (контролирующих) связей в хозяйственной деятельности, утверждая гипертрофию прямых. Словом, это уникальный, не имеющий аналога в мировой истории, “экономический системоцентризм”.

Но именно данный тип организации экономической деятельности при коммунистическом общественном порядке создает адекватные для кратократии возможности, если воспроизвести здесь крылатое латинское изречение — *utende et abutende* [употреблять и злоупотреблять] и тем самым условия осуществлять корпоративный (представленный как “общенародный” или, что одно и то же, — “общесоюзный”) интерес — в противовес локальному и за его счет. Без учета всесилья “власти насилия”, ее способности принуждать факт беспрецедентного размаха экспансии

монокультуры в **бестоварной (псевдотоварной) экономике** понять просто невозможно, точно так же, как невозможно понять и те уродливые черты, которые монокультура приобретает в ходе этой экспансии, добавим к этому — и причины ее “свертывания”, едва всесилие “власти насилия”, даже ее отдельной фракции, ослабевает. Обо всем этом речь пойдет в других разделах работы.

А пока рассмотрим параметры “материальной основы” — производственного потенциала — хлопковой монокультуры в их долгосрочной динамике.

Со времен коллективизации можно отследить несколько этапов в распространении культуры хлопчатника на полях Узбекистана. Экспансия культуры развивалась, в отдельные исторические периоды — импульсами, под влиянием одновременно действующих (хотя и с изменяющейся силой интенсивности в разные временные интервалы экономического процесса) многообразных факторов, включая такие, как технико-экономические возможности производства (например, доступность природных ресурсов- плодородных земель, обеспеченных постоянным поливом); вызванные к жизни кратократическим типом социальной организации общества “политические” (основывающиеся на “голой” власти) регулятивы экономического процесса, в том числе “внешние” для самого Узбекистана (например, понудительные требования “центра” Державы об опережающем развитии добычи “белого золота”) и их интериоризированное “внутреннее” продолжение (например, способность местной власти принуждать, направляя процесс экономического роста в “правильное”, по меркам кратократической шкалы ценностей, русло); наконец, чисто экономические факторы влияния (доступность инвестиционных ресурсов, ценовые рычаги влияния и др.) и т.д. При этом, что закономерно, в **экстенсивной фазе роста** экспансия проявлялась преимущественно в бурном (скачкообразном) приросте площадей, занятых под хлопчатником, в то время как с переходом хлопководства в **интенсивную фазу роста**, напротив, наиболее весомый результат роста достигался преимущественно (а ко времени заката СССР — исключительно) путем концентрации созданных трудом человека ресурсов производства на форсировании этой отрасли хозяйства.

Экстенсивная фаза роста в хлопководческом хозяйстве. Первый мощный “скачок” последнего в его пространственной экспансии, происшедший на рубеже 20-х—30-х годов (по времени он совпал с годами первой пятилетки), был вызван коллективизационным насилием над дехканством и крестьянством Узбекистана со стороны кратократии и порожденным им “трудовым энтузиазмом” коллективизированных производителей (официально показанный прирост площади под хлопчатником за четыре года составил аж 68%!²⁹ См. табл.2): большая страна переходила к индустриализации и остро нуждалась в хлопке — Большом хлопке³⁰.

На продолжение “скачка” ресурсов уже не хватало. Было очевидно, что инициаторы “скачка” далеко “забежали вперед” в своем рвении “дать стране Большой хлопок”: предвоенное десятилетие завершилось возникновением тенденции к восстановлению нарушенного отраслевого равновесия в сельском хозяйстве (подробнее см. раздел 3), наметилось даже сокращение площади под хлопчатником (см. табл.2), которое, впрочем, компенсировалось приростом (лишь статистически обозначенным?) урожайности хлопка-сырца: официально показанная величина последней в конце 30-х годов, совпавших с периодом особого расцвета террористической “борьбы народа” против “врагов народа” на ниве “бурного строительства социализма”, несколько превзошла даже уровень урожайности культуры накануне Октябрьского переворота (см. табл.1).

Повторную волну такого же типа (скачок — откат или застой), хотя и в более смягченном виде, в динамике посевной площади под хлопчатником мы обнаруживаем в 40-х — 50-х годах (в фазе “скачка” 1940—1953 гг. прирост площади под хлопчатником составлял лишь 20%, но с 1945 г. по 1953 г.— 46%; см. табл.2). Монокультура накапливала силы к новому броску.

Главным историческим итогом этих двух волн в пространственной экспансии культуры хлопка было то, что последняя заметно преуспела в овладении природными ресурсами агросферы Узбекистана: в 50-х годах ее **доля в посевной площади Республики устойчиво и значительно превышала одну треть**, против одной пятой в 10-х — 20-х годах. (см. табл.1).

Но подлинный расцвет хлопкопроизводящего хозяйства начался с приходом к власти в Республике в конце 50-х годов нового политического руководства во главе с Ш.Р. Рашидовым. Действительно, на 60-ые годы приходится наиболее мощный за советский период рывок хлопкопроизводящего хозяйства в захвате природных ресурсов производства в Республике. Именно в эти годы фиксируется и наиболее значительный абсолютный прирост земельных площадей, используемых под посевы хлопчатника. К началу 70-х годов последний занимал уже **половину всей посевной площади Узбекистана** (см. табл. 1,2). В последующее десятилетие кривая прироста посевных площадей под хлопчатником пошла на убыль, за 80-ые годы совокупный их прирост составлял лишь 6% (этого прироста оказалось, однако, достаточно для того, чтобы почти до конца десятилетия удерживать удельный вес площади хлопковых посевов на уровне примерно 1/2 общей величины посевной площади Республики); а на рубеже 80-х — 90-х годов началось сокращение площадей под посевами этой культуры и падение их удельного веса в общей посевной площади; т.е. к закату коммунистического порядка в агросфере Узбекистана обозначились процессы, свидетельствовавшие о втягивании монокультурного хозяйства в полосу глубокого, стремительно наравставшего, кризиса (об этом феномене см. разделы 6, 9).

Нижеследующие данные показывают динамику изменения площади под хлопчатником с 60-х годов³¹:

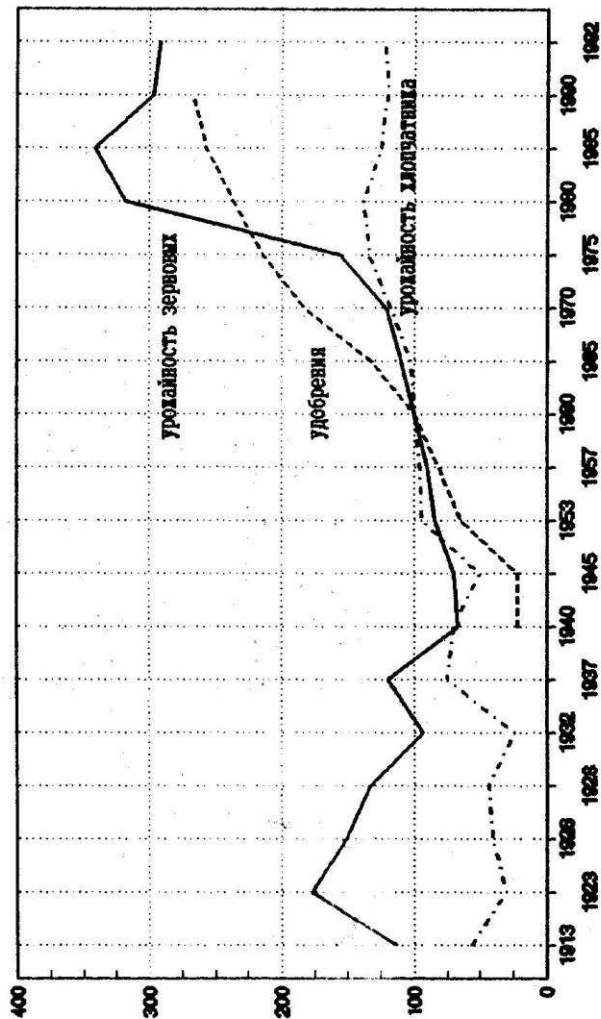
1960г.	1965г.	1970г.	1975г.	1980г.	1985г.	1988г.*	1990г.	1991г.
100	142	156	162	172	182	182	167	157

* Средняя за 1986 — 1990гг.

Итак, в 70-е годы в Узбекистане в основном завершилось пространственное складывание монокультуры хлопка, в ходе которого последняя овладевала “львиной долей” природных ресурсов, доступных для осуществления производства, вытесняя с полей практически все прочие сельскохозяйственные культуры. Отныне монокультура уже безоговорочно, без каких-либо попятных движений, определяла отраслевую структуру посевной площади Республики — фактически до последней трети 80-х годов. Более того, как доминантная отрасль хозяйства хлопководство имело тенденцию превратить другие отрасли земледелия по сути дела в “функциональные придатки” монокультурного хозяйства (с этим явлением мы подробно ознакомимся на примере эволюции зернового хозяйства Узбекистана; см. раздел 3).

Интенсивная фаза роста в хлопководческом хозяйстве. Как ведущее подразделение сельскохозяйственной экономики хлопководство, понуждаемое требованиями “Центра” Союза о возможно большем увеличении производства уникального в Союзе продукта — “белого золота”, много раньше, чем все прочие отрасли сельского хозяйства, вступило на путь технических преобразований (ср., например, данные о динамике урожайности различных сельскохозяйственных культур в табл.1; см. также рис.1). Тем самым был дан толчок формированию явления, которое можно было бы назвать “отраслевой гипертрофией” — выходом протезируемой отрасли хозяйства на “новые технологические рубежи” при консервировании производства во многих других отраслях на базе преимущественно традиционных технологий и использовании вещественных ресурсов данных отраслей в интересах форсированного роста производства в протезируемой отрасли. Вектор инвестиционных усилий как государства, так и колхозов стал смещаться в сторону развития современного технологического комплекса в хлопкопроизводящем хозяйстве.

Рис.1 Динамика изменений фактора продуктивности
в сельском хозяйстве (1960=100)

Первая волна интенсификации производства в хлопководстве отмечена уже в 50-х годах (что находит подтверждение в значительном приросте урожайности “державной” культуры — до 20 ц/га, резком росте использования минеральных удобрений, подавляющая часть которых потреблялась в хлопководстве, других технических средств). Хлопководство вступало в этап тех технологических преобразований, которые современные исследователи (например, Г.Мюрдаль, Ю.Хаями, В.Раттан и др.) относят в биохимическому типу, при котором приоритет в воспроизводственном процессе получает фактор продуктивности³²; перестройка, вернее - попытки перестройки технической базы производства, предполагающей экономию труда как доминантную цель хозяйственной деятельности, были еще впереди.

Вторая, более мощная волна интенсификации, опиравшаяся на массированное, из года в год возрастающее использование средств интенсификации, приходится на 60-ые и 70-ые годы. Особенно примечателен период 60-х годов; в эти годы в развитии хлопководства в наибольшей степени сказался “эффект резонанса”: ведь массированная интенсификация хлопкопроизводящего хозяйства (отвлекая ресурсы от других отраслей сельского хозяйства) сопровождалась самым мощным (за все годы со времени окончания Великой Отечественной войны) импульсом в пространственной экспансии монокультуры, что нашло отражение, как мы видели, в весьма крупном увеличении (прирост более чем в полтора раза) площади под хлопчатником. На рубеже 70-х — 80-х годов хлопководство Узбекистана достигло максимальной отдачи по фактору продуктивности: средний выход хлопка-сырца на гектар поднялся почти до 30 ц (см. табл.1 и рис.1). (Реальный, не статистически обозначенный, вес безусловно значительных достижений в повышении урожайности культуры был, очевидно, несколько ниже — вследствие неустанной “приписочной” работы, осуществлявшейся функционерами местной кратократии.)

С 80-х годов, однако, хлопководческое хозяйство Узбекистана входит в полосу затяжного технологического кризиса, отразившего, помимо прочего, полную экономическую несостоятельность применения “расточительных” технологий в хлопкопроизводстве, исчерпание их ресурса. Созданные трудом человека средства интенсификации производства продолжают исправно “накачиваться” в отрасль (во второй половине 80-х годов в земледелии Узбекистана использовалось почти 300 кг минеральных удобрений в действующем веществе в расчете на гектар — см. табл.1; в хлопководстве этот показатель был намного выше: например, в сезоне 1990/91 г. он составлял 424 кг/га³³). А вот урожайность хлопка-сырца, миновав пиковую отметку, преодолев состояние “плато”, обнаруживает тенденцию к падению. Иначе говоря,

увеличивающиеся инъекции технических средств позволяли фактически лишь замедлить спад отдачи “державной” отрасли сельского хозяйства по фактору продуктивности³⁴. (Этот динамический разрыв хорошо виден на рис. 1.) И все это, напомним, происходит на фоне фактического прекращения пространственной экспансии культуры хлопка, более того — начавшегося сокращения площади его посевов. В ином режиме изменялся производственный потенциал хлопководства, если последний оценивать показателями фактора производительности труда. Этот вопрос мы подробно рассмотрим в другом месте работы (см. раздел 6). Здесь же упомянем о главном результате анализа: технологические преобразования по фактору производительности (соответственно — экономии) труда не свершились в хлопкопроизводящем хозяйстве (как, впрочем, и в других подразделениях аграрной экономики) Республики (что графически отражено на рис.2). Оттягивая на себя в советский период истории Узбекистана, особенно планомерно и со все возрастающим размахом с начала 60-х годов, подавляющую часть материальных и природных ресурсов агросферы, **производственный потенциал хлопковой монокультуры застыл в биохимической фазе роста с тенденцией к его (потенциала) деградации к концу 80-х годов** (подробнее см. раздел 6). Именно в этой фазе застали его и распад СССР, и начальные шаги перехода хозяйства агросферы Республики к новой экономической системе. Тем не менее агрессивная политика в развитии хлопковой монокультуры вывела Узбекистан в число мировых лидеров-производителей и экспортеров хлопка. На рубеже 80-х —90-х годов на долю Республики приходилось 1/5 часть мирового экспорта хлопка и 1/10 — 1/12 часть его мирового производства, о чем свидетельствуют следующие данные³⁵:

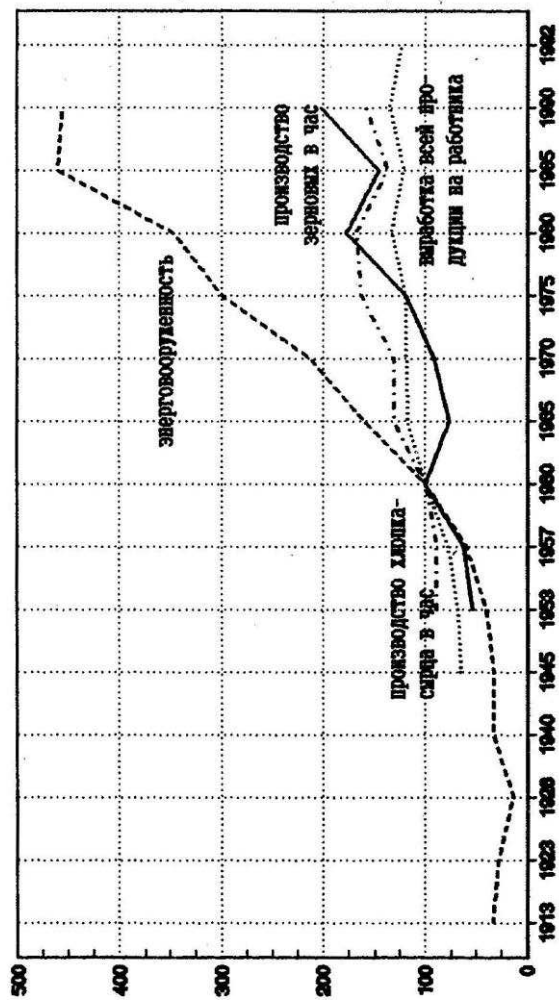
1987/88 г.	1988/89 г.	1989/90 г.	1990/91 г.	1991/92 г.*	1992/93 г.*
Доля в мировом производстве хлопка-волокна,%					
8,5	9,4	9,5	8,4	7,1	7,3
Доля в мировом экспорте хлопка-волокна**,%					
21,0	21,2	21,8	18,1	19,0	20,3

*) Оценка.

**) Включая вывоз в другие регионы СССР, а с 1992 г. - в страны СНГ и прибалтийские государства.

И в заключение: хлопкопроизводящую отрасль аграрной экономики Узбекистана делают **монокультурной** вовсе не объем

Рис. 2 Динамика изменений фактора производительности труда в сельском хозяйстве (1960=100)

ресурсов производства, которыми эта отрасль овладела, и тем более — не ее роль в производстве валового продукта сельского хозяйства, да и Республики в целом, а такой механизм функционирования хозяйственной системы, который, стимулируемый кратократией, формируется, опираясь на развитие этой количественно преобладающей отрасли производства, как доминирующий регулятор всего процесса экономического и обусловленного им социального развития агросферы. К анализу многообразных проявлений хлопковой монокультуры в Узбекистане мы теперь и переходим.

3. ЗЕРНОПРОИЗВОДЯЩИЙ СЕКТОР АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ *VERSUS* ХЛОПКОВАЯ МОНОКУЛЬТУРА

В результате радикальной ломки отраслевой структуры сельского хозяйства, сложившейся до коллективизации, жестоко пострадал национальный продовольственный комплекс. Республика прочно “села на иглу” продовольственного импорта (см. раздел 10), который увеличивался из года в год. Восстановление (частичное) нарушенных межотраслевых балансов в агропроизводстве станет объектом государственной политики с лагом в 30 или — в отдельных случаях — даже 40—50 лет. Но время было упущено. Забегая вперед, отметим — “восстановительная” политика кратократии вплоть до развала СССР смогла лишь замедлить темп падения эффективности, степени достаточности национального продовольственного комплекса, но не устранить само явление этого падения. Накануне образования суверенного Узбекистана в Республике сложилась глубокая диспропорция между весьма скромной (см. раздел 10) платежеспособной потребностью местного населения в продовольствии и объемом наличных (местных) ресурсов последнего.

Особенно болезненно экспансия хлопковой монокультуры ударила по зерновому хозяйству Узбекистана. Последнее по существу все больше превращалось в **функциональное звено аграрной экономики** Республики. При этом, что особенно существенно, его динамика детерминировалась вовсе не внутриреспубликанскими потребностями, а аграрно-отраслевой стратегией кратократии союзного “центра”, определявшей предназначение “периферийной” земледельческой зоны с ее уникальными природными условиями (способность производить уникальный — в СССР — продукт земледелия — хлопчатник) в системе агрохозяйства огромной страны. Иначе говоря, динамика зернового хозяйства Республики как отрицательная рефлексия изменений в системе хлопковой монокультуры напрямую зависела от динамики требований “многоплечевого” общесоюзного общественного разделения труда,

определялась сообразно “хлопковым” аппетитам “центра”. А последние непрерывно росли...

В итоге зерновое хозяйство, первоначально концентрировавшее самый большой клин посевной площади Республики (70% всей посевной площади в 1913 г., примерно половину ее на рубеже 20-х — 30-х — первой половины 40-х годов), к концу господства коммунистического порядка в Узбекистане сумело сохранить немногим более пятой части этой площади земли (см. табл.2). Зернопроизводство Республики оказалось не просто “подсобной” отраслью земледелия, но отраслью — “заложником” обстоятельств, генерировавшихся союзным “центром”, заложником его меняющихся нужд (зачастую чуждых для самих производителей и хлопчатника, и зерновых культур), удовлетворение которых кратократия союзного “центра”, при опоре на таковую “периферийной” зоны страны, возлагала на земледельцев окраинной Республики. Ибо именно они, как мы уже убедились ранее, обладали чудотворной способностью — превращать пшеничные поля в хлопковые посевы.

Однако процесс относительного вытеснения зернового хозяйства из земледелия Узбекистана, рассматриваемый в историческом ракурсе, происходил весьма неравномерно по отдельным историческим периодам; стратегия большевиков на достижение максимально выгодного для “центра” изменения отраслевого производства в Республике сформировалась не сразу; более того, на некоторых исторических этапах в работу по поддержанию зернового хозяйства включались компенсаторские механизмы (см. ниже).

В истории Советского Узбекистана было даже два периода, когда кратократия делала прямые попытки восстановить резко сжимавшиеся площади зерновых посевов, причем обе попытки приходились на то время, когда в зерновом хозяйстве практически безраздельно господствовали аналоги технологий, свойственных неразвитой ступени натуральных производительных сил, с ее крайне низкими показателями продуктивности (см. в табл.1 данные об урожайности зерновых в 30-х — 60-х годах).

Первый период охватывает последние две трети 30-х годов, в течение которых наблюдалось постепенное затухание разрушительно воздействовавшего на зерновое хозяйство “коллективизационного угара” (в 1932 г. было коллективизировано уже 81,7% всех крестьянских хозяйств, располагавших 68,1% всей посевной площади Республики³⁶), при этом посевы зерновых увеличивались частично даже за счет сокращения площадей под хлопчатником! (Таких сценариев межотраслевых подмен больше не повторится в аграрной истории Узбекистана почти до самого конца кризисных 80-х годов.) В 1940 г. посевная площадь под зерновыми в советское время достигла своего максимума, но даже этот показатель оказался ниже того, который был

зафиксирован в 1913 г. (об этом достаточно наглядно свидетельствует рис.3; см. также табл.2).

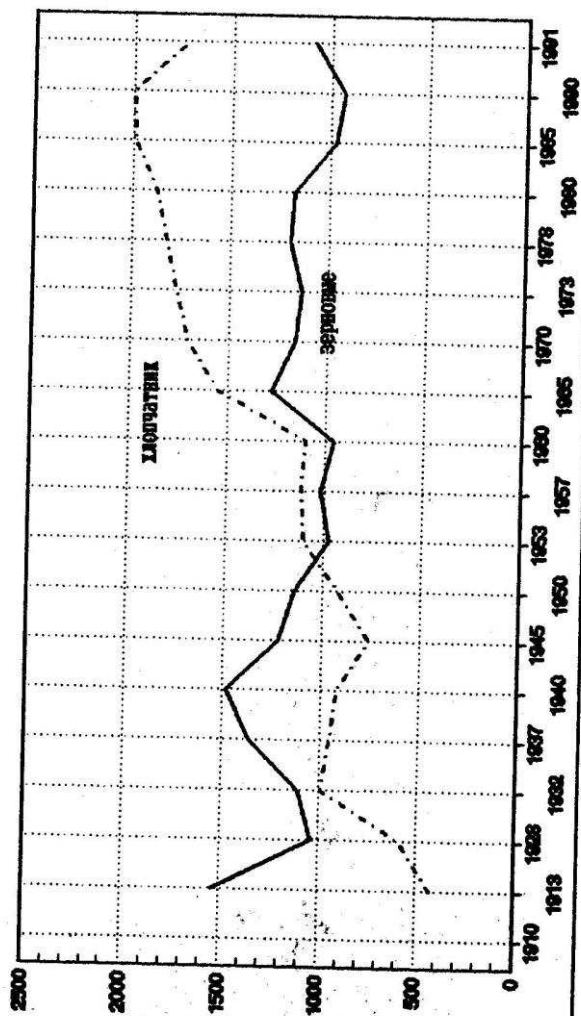
Второй, кратковременный и гораздо менее результативный, период приходится на первую половину 60-х годов, когда пришедшее к власти новое руководство Республики посчитало возможным развивать зерновое хозяйство, но на экстенсивной основе (посредством простого расширения площади преимущественно суходольных земель под зерновыми культурами), параллельно с бурной экспансией культуры хлопчатника на новые (поливные) земли (см. табл. 1, 2 и рис.3).

Между этими двумя периодами лежала временная полоса длиной в полтора десятилетия (1945—1960 гг.), в течение которого кратократия отработывала курс на свертывание зернового хозяйства в Узбекистане, принося его в жертву хлопковым требованиям “Центра”.

Как отмечалось ранее, развитие хлопковой монокультуры, понуждаемое функционерами кратократии, потребовало от коллективизированных узбекских крестьян большой концентрации имевшихся у них природных (и иных) ресурсов для производства “белого золота”, отбрасывая на обочину сельскохозяйственного прогресса еще недавно столь необходимое для нормального функционирования экономики агросферы зерновое хозяйство. Применительно к этому последнему периоду речь шла не только о том, что стремительно сокращались площади под зерновыми (последние уменьшились с 1940 г. — на 35,5%, а с 1945 г. — на 21,6%), но и о том, что **зерновое хозяйство оттеснялось на худшие (суходольные) земли**. “Державная” культура претендовала только на земли, орошаемые “на все 100 процентов”. Низведение средней урожайности зерновых до 4—5 ц/га (см. табл.1) — яркое свидетельство преобладания хиреющих, малопродуктивных технологий в зерновом производстве в эти годы. Размер же площади под зерновыми, при самой низкой в Союзе урожайности зерновых (еще ниже урожайность зерновых была лишь в Таджикистане), сократился к 1960 г. до трех пятых от уровня 1913 г. (см. табл.2), хотя население Узбекистана увеличилось за тот же период почти вдвое (с 4,3 млн.человек до 8,4 млн.).

Иначе говоря, со времени утверждения Советской власти в Узбекистане **утраты зернового хозяйства были существенно больше, нежели таковые, измеряемые величиной сокращения посевных площадей под зерновыми**. Именно в этом контексте нужно оценивать попытку тогдашнего руководства Республики возместить частично эти утраты расширением площади под зерновыми в первой половине 60-х годов. Перелом наступил в

Рис. 3 Динамика изменений посевных площадей
под зерновыми и хлопчатником (тыс. га)

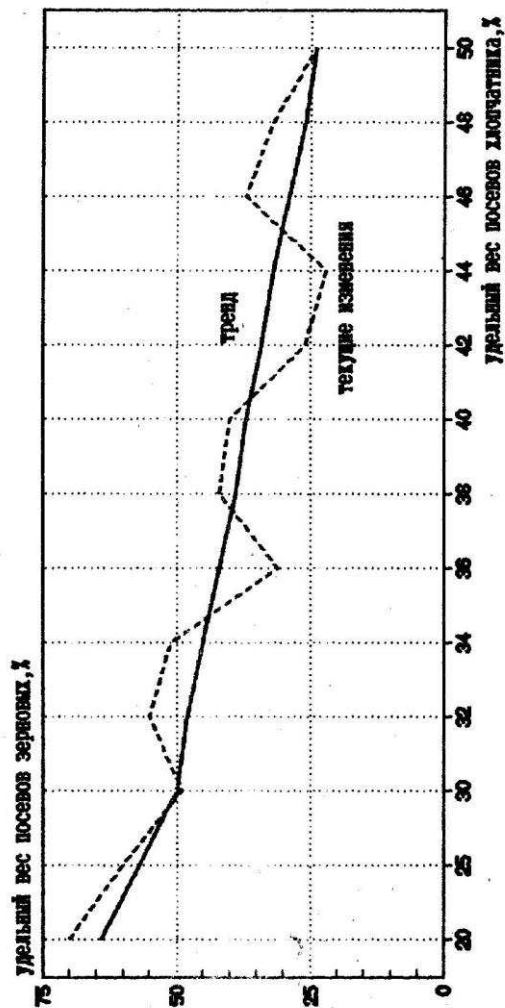

середине 60-х годов. 1965 г. в истории сельскохозяйственного роста в Узбекистане примечателен тем, что именно в этот год был, наконец, положен конец “маятниковой” стратегии отраслевого развития сельского хозяйства. В том, что касается распределения земельной площади, используемой в сельскохозяйственных целях, отныне данная стратегия полностью (однозначно) была нацелена на развитие хлопковой монокультуры — в ущерб и за счет зернового хозяйства — за счет земельных и водных ресурсов, которые — при учете потребностей сбалансированного экономического роста — должны были бы быть предоставлены зерновому хозяйству. **С середины 60-х годов утвердилось обратная зависимость в движении посевных площадей под хлопчатником, с одной стороны, и зерновыми — с другой**, причем начиная с этого времени такая зависимость наблюдается в “чистом виде”; графически она отображена в виде расходящихся (по временным интервалам) ножиц (см. рис.3).

В сущности отрицательная зависимость — качественная характеристика движения площадей под обеими культурами, распространяющаяся на весь советский период истории Узбекистана. Рис.4 иллюстрирует зависимость движения посевных площадей под зерновыми культурами от динамики посевных площадей под хлопком за период 1913—1991 гг. и тренд $Y = 90,66 - 1,34 * X$, полученный методом наименьших квадратов; расчет свидетельствует о наличии отрицательной корреляции, при этом коэффициент корреляции $R = -0.83$, а значимость этого коэффициента по t-критерию составляет более 99,9%(!). Но вернемся к рассматриваемому сейчас периоду.

При той технологической культуре, которая была характерна для зернового хозяйства Республики на рубеже 60-х — 70-х годов, только поливные земли могли стать и становились (как, впрочем, практически во всех развивающихся странах Азии, переживавших в то время первую волну “зеленой революции”) базисом развития интенсивной формы производства, т.е. производства, экономящего при господствующем землесберегающем” ТСП в первую очередь главный свой ресурс — землю, а также — частично и как побочное следствие — труд, увеличивая при этом выход продукта на единицу используемой площади. Именно в 70-ые годы мы наблюдаем существенное повышение — впервые со времени НЭПа (точнее — первой половины 20-х годов) — роли поливного земледелия в зерновом хозяйстве Узбекистана. Потерпевшую полный провал практику экстенсивного развития зернового хозяйства — “вширь” кратократия решила **частично** компенсировать его развитием “вглубь”. И это был принципиальный поворот в стратегии развития зернового хозяйства Узбекистана, которое отныне должно было опираться — некоторыми своими подразделениями—на новый тип технологической культуры. Вот какими

Рис. 4 Зависимость изменений площади посевов зерновых от изменений площади посевов хлопчатника в 1913-1992 гг.

показателями отмечена динамика изменений площади поливных посевов зерновых в Республике в 60-х — 80-х годах³⁷ (в %):

	1963г.	1964г.	1970г.	1978г.	1987г.	1990г.
Удельный вес во всей площади поливной земли, %	7,0	10,0	6,5	13,7	10,7	12,7
Удельный вес во всей площади посевов зерновых, %	13,9	17,3	15,8	33,1	43,6	42,0

Кратократия, как видно, не позволила “разбазаривать” ценнейшие (поливные) земли под “второстепенные” (“подсобные”) культуры, каковыми оказались зерновые, “отрывая” их, эти земли, от “королевской” культуры — хлопчатника; до распада СССР она сумела удержать долю площадей, используемых в поливном зерновом хозяйстве, в пределах величины, равной примерно одной восьмой всех поливных земель, хотя заметно увеличила удельный вес поливных посевов зерновых во всей площади под зерновыми (до более чем двух пятых последней). Тем самым зерновое хозяйство частично возместило свои ресурсные (лучшая земля, вода) утраты, понесенные за предыдущие пять десятилетий. (О конечных результатах таких частичных преобразований в зерновом хозяйстве будет сказано ниже.) И, естественно, существенно увеличилась в валовых сборах зерновых доля зерна, получаемого с поливных земель. С начала 70-х годов эта доля изменялась следующим образом (в %) ³⁸:

Период	Удельный вес	Период	Удельный вес
1971—1975 гг.	58,4	1981—1985 гг.	80,1
1976—1980 гг.	70,0	1986—1990 гг.	77,2

Расширение зоны поливного земледелия в зерновом хозяйстве сопровождалось в Узбекистане, начиная от рубежа 60-х — 70-х годов, формированием первых признаков того явления, которое “третьемироведы” всего мира охарактеризовали “зеленой революцией”. В адекватной форме своего проявления “зеленая революция” есть процесс становления в агросфере новой системы производительных сил, такой, при которой, говоря словами А.В.Чаянова, “производственный аппарат” хозяйства технологически преобразуется на всей его глубине, при этом духовные элементы производительных сил в лице научного знания и уже на их основе разработанные способы их материализации (т.е. собственно технологии производства) начинают занимать детерминирующие позиции в человеческой практике на земле. Эта система предполагает — уже по определению — глубокую интеграцию воспроизводственного процесса в хозяйстве

агросферы в таковой в промышленно-урбанистических центрах. Как показывает имеющийся опыт стран “третьего мира”, именно “зеленая революция” там, где она становится фактом экономической жизни, выступает той движущей силой, которая стимулирует процесс формирования органической взаимозависимости сельскохозяйственного и промышленного секторов национального хозяйства и вызывает, благодаря этому процессу, тем больший эффект в прогрессе производства, чем полнее государство (“власть”) соблюдает “правила игры” на рынке, поддерживая условия обмена, выгодные для сельскохозяйственного производителя. (К этому вопросу нам предстоит еще неоднократно возвращаться ниже.)

Какие же трансформации в зерновом хозяйстве Республики вызывал местный аналог “зеленой революции”? Первоначально, как и повсюду в мире, “зеленая революция” в Узбекистане приняла “очаговую” форму развития. (За пределы “очагов”, хотя и пространственно расширившихся, она не вышла, как убедимся ниже, и ко времени распада СССР.) Более того, “зеленая революция” накатывалась на зерновое производство Республики волнами, преобразуя по очереди систему производства какой-либо одной специфической зерновой культуры на части занимаемой ею площади.

Сначала, на рубеже 60-х — 70-х годов, под ее влияние попало рисопроизводящее хозяйство, потом, в 70-х годах и особенно к началу 80-х годов, в сфере ее преобразующего воздействия оказалось кукурузопроизводящее хозяйство. Нижеследующие данные показывают, как изменялись показатели производства двух, ранее второстепенных, зерновых культур — риса и кукурузы — в ходе “зеленой революции”³⁹:

	1940 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1988 г.*	1991 г.
	Урожайность, ц/га						
Рис**	9,8	12,0	19,0	31,3	20,9	21,9	22,2
Кукуруза	19,4	23,4	27,1	67,1(!)	34,4	38,9	39,7
	Удельный вес посевной площади под данной культурой во всех посевах зерновых, %						
Рис	5,6	3,5	5,5	9,0	15,5	16,3	14,8
Кукуруза	1,2	3,4	2,1	15,8	13,3	12,3	10,0

* Среднее за 1986—1990 гг.

** В эквиваленте очищенного зерна.

Из этих данных видно, что если сделать скидку в отношении показателей 1980 г. — года, представляющего целую полосу в истории аграрной статистики Узбекистана, когда так называемые

“приписки” достигли апогея, основная масса прироста в урожайности риса имела место к 1970 г., но впоследствии урожайность культуры стабилизировалась на этом новом уровне. Напротив, в кукурузопроизводящем хозяйстве всплеск урожайности случился к 1980 г., и, хотя волна подъема продуктивности хозяйства впоследствии спала, новый показатель урожайности культуры заметно превысил таковой в исходный период интенсификации зернового производства (рубеж 60-х — 70-х годов). Соответственно изменениям в применяемых технологиях изменялось и место, занимаемое обеими культурами в структуре посевных площадей под зерновыми.

Но не в пример пшеницепроизводящим районам других развивающихся стран Востока, в Узбекистане “зеленая революция” весьма незначительно затронула своим преобразующим влиянием технологии возделывания культуры пшеницы. И это закономерно, ибо именно главная пищевая зерновая культура — пшеница (а также ячмень) в первую очередь, еще в 30-ые годы, стала вытесняться на худшие (суходольные) земли. Поэтому-то пшеницепроизводящая отрасль зернового производства в наибольшей степени испытала на себе губительное воздействие остаточного принципа, под знаком которого происходила в Узбекистане экспансия главной земледельческой культуры.

Чтобы представить себе масштабы бедствия, охватившего основную зерновую отрасль сельского хозяйства Республики, достаточно ознакомиться с динамикой урожайности пшеницы в период растянувшейся на многие десятилетия агонии пшеницепроизводящего хозяйства (причем ознакомиться на фоне урожайности этой культуры в 1913г.) (в ц/га)⁴⁰:

Пшеница	1913 г.	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1965 г.	1967 г.	1971 г.
• Озимая	5,5*	2,8	2,8	6,6	3,9	3,3	3,6
• Яровая	тгг	2,7	2,1	5,7	3,3	3,6	4,4

* Средневзвешенный показатель по озимой и яровой пшенице.

Выход из этой тяжелой ситуации кратократия пыталась найти первоначально на пути частичного (однако весьма скромного по масштабам) внедрения в пшеницепроизводящее хозяйство Республики технологий поливного земледелия. К концу 80-х годов (1988 г.) под поливными посевами пшеницы было занято 19,5% всей посевной площади под этой культурой, но удельный вес ее сборов в секторе поливного земледелия составлял 43,2% общей величины сборов данной культуры (1986—1988 гг.). В конце 80-х годов в пшеницепроизводящем хозяйстве стали осваиваться интенсивные

технологии, но “процесс пошел” весьма вяло. В 1986—1988 гг. по таким технологиям возделывалось в среднем менее 10% общей площади под озимыми зерновыми культурами (в 1988 г. 62% ее приходилось на посевы пшеницы, 37% — на посевы ячменя)⁴¹. Только благодаря введению этих двух технических “новшеств”, да почти полному освобождению зернового хозяйства Республики от яровых посевов этих двух некогда абсолютно доминировавших в зерновом производстве культур (возделывание которых при весеннем высеве на суходоле сопряжено с наибольшим риском неурожая) удалось во второй половине 80-х годов, т.е. накануне распада СССР, “дотянуть” среднюю урожайность озимых зерновых культур до уровня средней урожайности зерновых, отмеченного во второй трети 20-х годов (и даже чуть-чуть превзойти этот уровень)— до 11,4 ц/га, при этом средняя урожайность пшеницы, культуры— “Золушки” сельскохозяйственной политики кратократии составляла 10,9 ц/га, а ячменя 11,8 ц/га (1986—1990 гг.)⁴² (ср. соответствующие данные за 20-ые годы в табл.1).

Таким образом, техническая трансформация зернового хозяйства по фактору продуктивности отличалась в Узбекистане большой **неравномерностью** - и в историческом времени ее осуществления, и в отраслевом развитии. В частности, на современный уровень средней урожайности зерновых в целом (около 20 ц/га) в результате “зеленой революции” агросфера Республики по существу вышла лишь в 80-х годах — ко времени ее втягивания в полосу жестокого кризиса, преодолев планку средней урожайности, характерной для хозяйства традиционного типа, причем вышла главным образом за счет преобразования технологий в ранее второстепенных отраслях зернового производства, практически **целиком основанных на поливных землях**. (За пределы поливных земель узбекский аналог “зеленой революции” пока не распространился, что, впрочем, мы наблюдаем и в развивающихся странах Азии, переживающих “зеленую революцию” с ее “взлетами и падениями” уже в течение трех десятилетий.) Именно преобразование системы зернового производства на поливных землях, занятых под посевами в прошлом второстепенных культур — риса и кукурузы — позволило столь существенно увеличить прирост средней урожайности зерновых. Однако нового скачка в средней урожайности не последовало, скорее наоборот — к началу 90-х годов как выражение глубокого кризиса всего хозяйства агросферы, обнаружилась тенденция к сокращению урожайности (см. табл.1).

“Зеленая революция” в Узбекистане в отдельные исторические периоды, в особых сферах своего влияния, следовала логике законов Зазеркалья, выступая как процесс — отрицание положительных норм экономического роста (подробнее см. ниже). Например, в 1986 г. по интенсивным технологиям в общественном хозяйстве Республики возделывалось (по данным официальной

статистики) 76,4% всех посевных площадей под кукурузой, а валовой сбор зерна с этих площадей составлял лишь 72,1% всего сбора кукурузы; в 1987 г. “просвет” между обоими показателями несколько сократился - до 2,9% (значения соответствующих показателей составляли 88,9% и 86,0%). В 1988 г. поливная кукуруза заняла 92,1% всей площади посевов кукурузы, но обеспечила сбор лишь в размере 90,3% валового урожая данной культуры⁴³. Очевидно, отличительной чертой производственной практики в общественном секторе кукурузопроизводящего хозяйства Республики к концу существования СССР было правило: чем хуже технологии и природные ресурсы, используемые в хозяйстве, тем выше была эффективность их отдачи по фактору продуктивности производства. И наоборот. Или, говоря иначе, большие инвестиции, использование лучших природных ресурсов отнюдь не автоматически влекли за собой повышение отдачи по фактору продуктивности.

Неравномерность технологических преобразований, происшедших в отдельных отраслях зернового производства, вызвала существенные изменения в структуре зерновых сборов. Резко сократилась доля валовых сборов главной пищевой культуры — пшеницы: примерно с одной второй в период до 60-х годов до одной четверти — к концу 80-х, зато в большой степени возросла в сборах доля кукурузы на зерно: с 5%—10% до одной четверти к концу 80-х; доля же риса “подтянулась” до трех десятых валовых сборов зерновых. Ранее второстепенные культуры превратились в основные. По отдельным периодам удельный вес отдельных культур в валовых сборах зерновых изменялся следующим образом (%)⁴⁴:

	1913г.	1940г.	1953г.	1960г.	1970г.	1973г.	1978г.	1980г.	1985г.	1990г.*
Пшеница	50,0	45,3	50,7	46,4	41,7	25,9	26,6	17,2	25,2	26,2
Кукуруза	3,8	5,6	8,4	10,0	6,8	24,7	41,5	49,2	28,7	26,5
Рис		20,8		8,3	18,8	21,2	16,3	20,1	31,3	29,5

* В среднем за 1986—1990 гг.

Структурные изменения в зерновом производстве происходили на фоне его прогрессирующего отставания относительно масштабов потребностей местного населения в пищевом зерне. И хотя размер душевого потребления зерна в Узбекистане по сравнению, например, с периодом 20-х годов сократился (подробнее см. ниже), разрыв между обеими сторонами зернового баланса нарастал, подобно “снежному кому”. Ко времени распада СССР **местного производства зерна хватало лишь на то, чтобы покрыть четвертую часть совокупных потребностей** (причем преимущественно продовольственных) населения Узбекистана в зерне. Главная масса потребляемого зерна (пшеницы) в Узбекистан импортировалась — из других регионов Советского Союза, а

также — частично — из-за рубежа. Именно импортное зерно стало опорой системы продовольственного обеспечения Республики. И это был один из впечатляющих итогов развития хлопковой монокультуры в Узбекистане (подробнее см. ниже).

Скудная же доля, приходящаяся на зерно местного происхождения (эквивалентная одной четвертой части общественной потребности в зерне), формировалась, как мы видели, на четыре пятых за счет сборов зерновых на поливных землях, система производства на которых ко времени заката СССР так и не была до конца технологически преобразована.

Наконец, нужно упомянуть о немаловажном явлении, сопровождавшем процесс углубления зерновой диспропорции.

Накапливающаяся нехватка массы местного зерна, предназначенного для удовлетворения продовольственных нужд населения Узбекистана, не могла не повлиять на распределительную политику кратократии. Эта нехватка вызвала ужесточение ее контроля за движением зерна, произведенного в Республике. На рубеже 60-х — 70-х годов, впервые в аграрной истории Узбекистана, обязательные поставки (“государственные закупки”) зерна (по заниженным ценам — см. ниже) подскочили почти до половины весьма скромных (относительно общественной потребности) валовых сборов зерновых культур (см. табл.1), и хотя в последующие годы эта доля несколько уменьшилась (превышая, однако на 5—10 пунктов соответствующий общесоюзный показатель), к “последнему звонку” коммунистического порядка в СССР она вновь поднялась до половины валовых сборов зерна. Ибо в условиях нараставшего кризиса сельскохозяйственного (и, в частности, зернового) производства в Союзе, местная кратократия, сохраняя монокультурный характер аграрной экономики в его утвердившейся гротескной форме, стремилась вместе с тем обладать некоторыми “собственными” ресурсами зерна, своего рода страховым зерновым фондом, ставшим столь необходимым как фундаментальный фактор ее выживания.

Но был в этой политике роста принудительных отчуждений урожая зерновых (обязательные поставки) и другой контекст. Инвестируя в процесс интенсификации зернового хозяйства значительные средства, кратократия требовала (и получала) “свою”, “государственную”, долю из вызываемого государственными капиталовложениями прироста зернового производства. Особенность этих требований заключалась разве только в том, что, как можно судить по данным, представленным в табл.1, величина данной доли возрастала заметно быстрее, чем увеличивалась масса прироста “интенсифицированного” урожая. Вот, например, как изменялись в различные периоды показатели доли “государственных закупок” зерна в урожай риса (%)⁴⁵:

1940 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985-1987 гг.
42,1	21,8	71,2	74,1	81,4

Другая культура, возделываемая по технологиям, рожденным “зеленой революцией”, — кукуруза, стала объектом усиленных “закупочных забот” со стороны государства лишь после всплеска урожайности, случившегося на рубеже 70-х — 80-х годов. Закупки зерна кукурузы составляли в 1940 г. лишь 5,7% ее валового сбора, в 1970 г. — 3,8%, в 1980 г. — 14,4%, но в 1985—1987 гг. — уже 43,7% валового сбора (при этом объемы закупок были до начала “зеленой революции” ничтожно малы: 1,9 тыс.т — в 1940 г., 2,5 тыс.т — в 1970 г.⁴⁶, что ярко свидетельствовало о “подсобном” характере производства кукурузы в Республике в этот период).

И все-таки, рассматривая динамику зернового хозяйства Узбекистана в длительный ретроспективе, мы не можем уйти от вопроса: чем объяснялась экономически столь слабая резистентность зернового хозяйства Республики по отношению к натиску хлопковой монокультуры? Или иначе: каков был тот механизм, который, помимо собственно фактора насилия со стороны себе сущей власти, сыграл столь зловещую роль в блокировании процесса нормального (т.е. отвечающего общественной потребности) роста зернового производства?

И здесь самое время провести сравнение по существенным показателям хлопковой специализации земледелия Узбекистана с аналогичной специализацией земледелия страны, которая к началу 90-х годов почти догнала Узбекистан по массе производства хлопка-волокна и в мировой табели о рангах прочно занимала 4 — 5 место среди хлопкопроизводящих стран мира, — Пакистана⁴⁷. В противоположность гипертрофированной хлопковой монокультуре, сформировавшейся в Республике, в Пакистане посевы хлопчатника всегда занимали относительно скромное место в структуре посевных площадей. Более того, поразительно то, что при любых перипетиях рыночных ситуаций пропорции посевных площадей, отводившихся под хлопчатник (культуру высокотоварную едва ли не с начала нынешнего века), отличались удивительной **стабильностью**. Вот какими величинами характеризовались эти пропорции за последние 90 лет⁴⁸ (в %):

1901/ 02 г.*	1911/ 12 г.	1921/ 22 г.**	1931/ 32 г.	1941/ 42 г.	1952 г.	1962 г.	1972 г.	1982 г.	1990 г.
3,6	8,0	5,6	8,9	11,6	11,6	9,1	11,8	11,2	12,5

* По 1941/42 г. — данные только по Западному Пенджабу — основному хлопкопроизводящему району Пакистана; в 1952г. и позже — по территории Пакистана в его нынешних границах.

**** Падение величины показателя вызвано исключительно изменением структуры долгосрочного рыночного спроса на хлопок; именно с этого времени началось массированное внедрение в земледелие Пенджаба американских (длинноволокнистых) сортов хлопка.**

Обращает на себя внимание факт, что экспансия хлопчатника прекратила свой бег еще к началу 40-х годов, и с тех пор на протяжении целого полувека эта культура никогда не занимала более 11 — 12% посевной площади страны (ср. соответствующие данные по Узбекистану в табл.1). Думается, что пакистанский опыт стабилизации хлопковых посевов с новой стороны высвечивает некоторые особые черты опыта хлопковой гипертрофии в Узбекистане. В самом деле, почему же в Пакистане хлопчатник не вытеснил зерновые и прочие культуры? Объяснений этому несколько. Если говорить о причинах экономических, именно — о формировании рыночного сектора аграрной экономики, где производство культуры хлопчатника стало занимать одно из ведущих мест, то можно выделить в первую очередь факт: в пакистанском земледелии даже в колониальный период, при всех издержках, которые колониализм накладывал на производителя, стихийно сложились и поддерживались четко определяемые рынком пропорции между затратами труда и “капитала” (включая и оцененное посредством рыночного механизма вещество природы), с одной стороны, и “факторной” ценой (ценой производителя), с другой; при этом, и это особенно существенно, производство зерна в Пенджабе как в колониальный период, так и в период, когда его Западная часть была включена в образовавшееся независимое государство — Пакистан, было не второстепенной, натуральной отраслью экономики, а **конкурирующим** с хлопкопроизводящим, **товарным сектором хозяйства**⁴⁹; тем сектором, которому в период независимости стало непосредственно протектировать государство, поднимая, в частности, в отдельные периоды закупочные цены на главную зерновую культуру — пшеницу — значительно выше мировых⁵⁰. Иначе говоря, в условиях стихийно-рыночных детерминант сельскохозяйственного роста именно государство выступило той силой, которая, решая общенациональные задачи (например, создание достаточно емкого национального фонда продовольственного зерна), активно влияла на поддержание равновесия (либо направленного дозированного изменения) в отраслевой структуре сельского хозяйства.

Узбекистан показал принципиально иной пример динамики производства хлопка. Здесь с самого начала становления хлопкопроизводящей отрасли сельского хозяйства (т.е. с конца XIX века) сложился и поддерживался фактический диспаритет цен — цен на хлопок, ориентировавшихся на мировые хлопковые цены⁵¹, с одной стороны (хлопок же поступал на российскую фабрику

преимущественно Центрального промышленного района), и цен на зерно, производство которого держалось на кабальном, соответственно, крайне низкооплачиваемом труде и отличалось поэтому относительной “дешевизной” по сравнению с его западно-европейскими и американскими аналогами, с другой. Именно этим “дармовым” зерном, экспортировавшимся в Узбекистан (точнее — Туркестан) из России, в существенной части оплачивался “дорогой” хлопок из Узбекистана, поступавший на российскую фабрику. Этот диспаритет цен был одним из фундаментальных условий формирования “избыточных” доходов при возделывании хлопка, стимулировавших экспансию его производства, нередко при ограничении выращивания других культур. Только этим обстоятельством можно объяснить то, что еще до революции (а потом — в период НЭПа) хлопчатник (требовавший исключительно поливных земель) распространился на пятую часть всех посевных площадей Узбекистана (точнее — Туркестана) (см. табл.1). (И это, по-видимому, была та предельная величина, выход за которую, как показал последующий исторический опыт Узбекистана, был чреват крупными нарушениями макровоспроизводственного процесса в конкретных условиях Республики.)

Сформировавшаяся при коммунистическом порядке “власть власти”, использовавшая в качестве орудия принуждения государство, ввела в Узбекистане два “новшества” в том, что касается хлопкопроизводящей отрасли сельского хозяйства. Во-первых, она не только сохранила, но усилила диспаритет между зерновыми и хлопковыми ценами, понизив при этом и те, и другие (но цены на хлеб были понижены в значительно большей степени⁵², чем на хлопок), причем размеры этого понижения не имели никакого касательства к реальному повышению производительности труда, должествующему, при прочих равных условиях, способствовать понижению величины издержек на производство единицы продукции (о мизерных масштабах повышения производительности труда в хлопководстве подробнее скажем ниже). Во-вторых, как власть, не имеющая ограничений, она силой перекраивала, как отмечалось выше, структуру сельскохозяйственного производства — в пользу производства хлопчатника, т.е. культуры, экономически якобы более выгодной, казавшейся таковой потому, что возможности роста зернового производства угнетались системой нараставших “обязательных поставок” зерна, которое отчуждалось по ценам относительно более низким, чем закупочные (они же “обязательные”) цены на хлопок. Именно диспаритет зерновых и хлопковых цен лежал в основе мнимой (см. ниже) выгоды возделывания хлопчатника.

4. ИРРИГАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ: ЦЕНА ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗДЕРЖЕК

Сельскохозяйственный рост Республики прочно опирался на ирригационный потенциал: ведь именно поливное земледелие обеспечивало подавляющую часть валового продукта сельского хозяйства. Но значение ирригационного потенциала как формы взаимодействия общества с окружающей природной средой, конечно, далеко выходило за пределы собственно сферы сельского хозяйства: на поливное земледелие к концу 80-х годов приходилось 85% общего объема потребления в Республике свежей воды⁵³.

В механизме сельскохозяйственного водопотребления, как в зеркале, отразился **тип технологической культуры**, занявший господствующее положение в агросфере Узбекистана в советский период его истории. Сущностным (качественным) признаком этой культуры было то, что при ней водопотребление, не подверженное контролю со стороны общества, не корректируемое обратной (от экономических детерминант исходящей) связью (а это, напомним, — закон внетоварной [псевдотоварной] экономики), вызвало **не только и не просто безудержное, в массовых масштабах осуществляемое, расхищение (уничтожение без каких-либо компенсаций) ценнейших природных ресурсов, но и возникновение острейшего “рукотворного” экологического кризиса, развернувшегося в подлинную катастрофу на обширнейших территориях Центральной Азии.**

Неизгладимой печатью монокультуры отмечены динамика и использование ирригационного потенциала Республики. Эти два аспекта проблем ирригации и явятся предметом нашего последующего обзора.

Столь большой размах распространения культуры хлопчатника (см. раздел 2) был бы технологически просто невозможен без широко-масштабного ирригационного строительства. Ведь данная культура в Узбекистане возделывается исключительно на поливных землях, получающих воду из постоянных источников орошения. Именно хлопкопроизводящему хозяйству доставалась (по меньшей мере до

середины 80-х годов) львиная доля площади новых поливных земель, поступавшей в хозяйственный оборот. Однако развитие фонда таких новых земель было сопряжено в Республике с процессами, вносившими отрицательный вклад в экономику хлопкопроизводства.

Можно выделить, по-видимому, три этапа в развитии ирригационного строительства в Узбекистане в бытность его республикой СССР. Вялое водохозяйственное строительство, особенно в течение первых трех десятилетий после образования УзССР, было ориентировано на выполнение главным образом амортизационной функции, а поступавшие в эксплуатацию сравнительно небольшие площади новых земель (“чистый прирост”) “подпитывали” распространение хлопковой монокультуры, которая к тому же, как отмечалось ранее, вытесняла с лучших (регулярно орошаемых земель) прочие культуры (особенно зерновые).

Второй этап, совпадающий по времени с “индустриальным рывком” 60-х годов, отмечен массивным наращиванием ирригационного сектора инвестициями: нараставшие из пятилетия в пятилетие, они достигли пиковых значений во второй половине 70-х—первой половине 80-х годов (см. табл.3). Но можно обратить внимание на следующее обстоятельство — в 60-х годах (как это случалось в иные периоды и раньше) вводившиеся в хозяйственный оборот площади новых поливных земель в основном лишь возмещали выпадение из производства старых поливных земель (вследствие различных форм деградации почвы, ее засоления, а также износа водораспределительных сооружений) (сравните показатели за 50-е — 60-е годы в табл.1). Чистый прирост площади поливных земель в относительно крупных масштабах начался в Узбекистане лишь с начала 70-х годов, при этом наиболее значительные величины этого прироста приходится опять-таки на вторую половину 70-х—первую половину 80-х годов (см. табл.1).

Третий этап, начавшийся со второй половины 80-х годов, характеризуется радикальным свертыванием ирригационного строительства в Узбекистане: в 1990 г. в хозяйственную эксплуатацию было введено более чем в шесть раз меньше новых земель, чем вводилось ежегодно в 70-х годах (см. табл. 3).

Этому зигзагообразному изменению интенсивности ирригационного строительства в Республике сопутствовали некоторые примечательные закономерности. Положительная корреляция между инвестициями и вводом в хозяйственное использование вновь орошаемых земель наблюдается в Узбекистане лишь до середины 70-х годов. Однако с этого времени, хотя объем инвестиций в ирригацию еще продолжал увеличиваться, поступление в сферу производства площади вновь орошаемых земель стало сокращаться, а потом и вовсе началось стремительное — в режиме “снежного кома” — уменьшение такой площади (см. табл.3). Конечно, какую-то долю этих потерь, очевидно, нужно отнести на счет “приписок”, принявших особенно большой размах

как раз в период “инвестиционного пика” (“неправедному” разделу, например, подвергалась часть инвестиционного “пирога”, предоставляемого местной кратократии союзным “центром”; известно, что расходная статья бюджета, обозначенная как “мелиорация”, была для функционеров кратократии в 70-х—80-х годах крупнейшим источником наживы). Но, конечно, подлинные (фундаментальные) причины этих “несуразностей” лежат глубже.

Дело в том, что резервы хороших земель, сравнительно легко поддающихся освоению, или сравнительно близко расположенных к источникам воды, к середине 70-х годов были в основном исчерпаны. В хозяйственный оборот, посредством строительства ирригационных сооружений, стали поступать земли, отличавшиеся меньшим плодородием, дальше расположенные от источников воды, т.е. земли, требовавшие все большей массы инвестиций на каждую вводимую в хозяйственное использование единицу площади. В значительной степени именно этим обстоятельством объясняется то, что столь стремительно росла цена (издержки производства по вводу в строй) каждого нового гектара поливной земли. Примерно за пятнадцать лет (1975—1990 гг.) эти издержки в сопоставимых ценах увеличились почти в три раза. Но этот рост тоже был неравномерным: в последнее пятилетие советского режима издержки производства по “строительству” поливных земель стремительно взмыли ввысь — в расчете на гектар земли они увеличились за пять лет сразу в 1,8 раза! (См. табл. 3.)

Если мы учтем, что в хозяйстве агросферы республики при использовании поливных земель по крайней мере под хлопчатник (посевы которого занимали главную массу вновь орошаемых земель) фактически не наблюдалось параллельного развития факторов, компенсирующих это удорожание производства (урожайность культуры, производительность труда, экономия производственных ресурсов) (эти вопросы будут затронуты ниже), то будет логичным признать: с развитием поливного земледелия, захваченного в тиски хлопковой монокультуры, происходило **понижение общего уровня экономической эффективности земледельческого производства, ибо в конечном счете величина затрат на производство каждой единицы продукта обнаруживала в данных условиях тенденцию к возрастанию** (впоследствии мы назовем этот феномен одним из проявлений действия законов Зазеркалья).

Параметры использования ирригационного потенциала Республики выявляют разительное несоответствие между масштабами фактического потребления в сельскохозяйственном производстве природных ресурсов (даже если пока оставить в стороне экологические последствия данного потребления), с одной стороны, и результатами процесса производства, определяемыми этим потреблением, с другой.

Внетоварная (псевдотоварная) экономика, не соотнобразующаяся с ценой производственных затрат, не подверженная регулирующему контролю со стороны рынка, породила такой тип использования

природных ресурсов производства, при котором “отсутствуют экономические стимулы и способы организации бережного водопользования”⁵⁴. Более того, этот тип потребления доказал и постоянно доказывает “невосприимчивость” хозяйства “к достижениям научно-технического прогресса в области водосбережения и природоохраны”⁵⁵. Но выпадение из целостной системы производительных сил такого детерминантного ее элемента, как потребность ко все более эффективному производству (в данном случае — потребность, фиксируемая стремлением к сбережению труда и потребляемого в его процессе материала, выступающего в вещной [природной] форме его бытия), не могло не оказать самого пагубного влияния на процесс воспроизводства в хозяйстве агросферы.

По свидетельству О.Е.Валовика, “орошаемые почвы сильно истощились, резко ухудшились их физические и химические свойства (вот откуда ведет свое начало в Узбекистане тенденция к падению урожайности хлопчатника в 80-х годах. — В.Р.), нарушилось общее экономическое и биологическое равновесие”⁵⁶. “Требуют комплексной реконструкции 1800 тыс. гектаров староорошаемых земель”, т.е. много больше половины их общей площади. На этих землях “мало гидротехнических и водомерных сооружений, почти невозможно применять современную технику” (в контексте тенденций к свертыванию применения машинной техники, рассматриваемых в других местах работы, этот факт выглядит особенно впечатляюще). Более того, реконструкции требуют и новоорошаемые земли - вследствие “некачественного строительства” мелиоративных объектов. Из скоропалительно освоенных в первой половине 80-х годов (одиннадцатая пятилетка) вновь орошаемых земель “в новых затратах для восстановления в сельхозобороте” нуждается “более 145 тыс. гектаров”, т.е. не менее 32% общей площади таких земель.

Водопотери при поливе — огромны. “На имеющихся сегодня мелкоструктурных поливных картах теряется до 30% оросительной воды”⁵⁷. По оценкам специалистов Международного валютного фонда, повсеместно в республиках Центральной Азии на производство каждой единицы продукции хлопкового хозяйства (хлопка-сырца) расходуется воды в 1.5—2 раза больше агрономической нормы⁵⁸. Как и повсюду в Центральной Азии, в агросфере Узбекистана еще предстоит создать мотивацию к внедрению новой культуры полива⁵⁹, т.е. «преодолеть стремление к традиционным “хозяйственно целесообразным” методам полива и на глазок»⁶⁰, а также—заложить технические основы для развития **ресурсосберегающей ирригации**: ведь к концу 80-х годов механизация полива составляла в Узбекистане всего лишь 4%—5%⁶¹.

Вся совокупность фактов, характеризующих технологическую культуру сельскохозяйственного водопотребления, свидетельствует о том, что накануне распада СССР Республика, очевидно, еще не преодолела **традиционный тип** использования природных ресурсов производства,

т.е. тип, присущий традиционному хозяйству, воплощающему систему природных (“естественно возникших”, по К.Марксу) производительных сил. Во всяком случае “цивилизация” еще не успела преобразовать их — по меньшей мере в сфере, образующей источник жизнеобеспечения используемых в производстве земельных ресурсов, — в ирригации.

В контексте сказанного, думается, и нужно оценивать экологический кризис, охвативший большие территории Центральной Азии. Связанный с данным типом потребления природных ресурсов, свое наиболее яркое (“видимое”) проявление он нашел в районах Арала⁶².

Экологическое бедствие, постигшее Узбекистан (как и другие районы Центральной Азии) — это бедствие еще традиционного в своей основе хозяйства, функционирующего в рамках “землесберегающего” ТСП, — того хозяйства, которое кратократия принуждала “отвечать” — и с течением времени со все усиливающимся напором — на “вызов” индустриализирующегося общества; это бедствие оказалось обратной стороной успеха, которого кратократия добилась в своей попытке решать особые (частичные) задачи развивающейся индустриальной системы (помните? “Больше ситчика моим комсомолкам”! В.Маяковский), причем — решать самым разнузданным способом по отношению к традиционному хозяйству, на базе использования его производительных сил, за счет и в ущерб этому хозяйству. Решать даже тогда, когда данное хозяйство, подобно “человеку с золотым мозгом” А.Доде, уже давно исчерпало свой ресурс поддержания равновесия в системе отношений “человек — природа — общество”.

Это экологическое бедствие есть результат прямого разрушения системы природных производительных сил, процессы которого приняли тем больший размах, что они не сдерживались протекционистскими противовесами, каковые должно было бы создавать государство⁶³. В этом бедствии нашла адекватное отражение внутренняя сущность кратократической системы — “голое” хищничество по отношению к обществу в целом, явление, сама возможность рождения которого обусловлена фактом тотального отчуждения общества (еще даже не ставшего индустриальным) от средств контроля (механизмов “обратных связей”) над его взаимодействием с природной средой своего обитания. Эти средства (механизмы) оказались узурпированы кратократией, органически неспособной включиться в общественное разделение труда, диктуемое требованиями экологического равновесия и — более того — фактически противостоящей ему.

5. ДИНАМИКА ИЗБЫТОЧНЫХ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В АГРОСФЕРЕ

Выдающуюся роль в исторической динамике экономического роста в Узбекистане играют долгосрочные изменения в структурных характеристиках его рабочей силы. Практически вплоть до 60-х годов Республика (как, впрочем, и две другие республики бывшего Туркестана) оставалась, по характеру занятости большей части рабочей силы, типично аграрной страной (или, как впоследствии “осовременили” этот термин — “аграрно-индустриальной” зоной необъятной страны) (см. табл.4). Нечто напоминающее “индустриальный рывок”, начавшийся в Узбекистане в 50-х годах (хотя “первые ростки” на ниве хлопчатобумажной промышленности появились в Узбекистане еще в 30-х годах — см. ниже — “окраинная” республика вступила на путь фактической индустриализации заметно позже, чем районы “центра” бывшего СССР), вызвал значительное отвлечение работоспособного населения от сельского хозяйства в другие сферы хозяйственной деятельности. Структура самодеятельного населения стала постепенно изменяться в пользу “индустриального комплекса”, а также (особенно) в пользу тех секторов, которые на более высоких ступенях развития закладывают основу постиндустриального типа хозяйства (см. табл.4).

Изменения параметров самодеятельного населения, занятого в сельском (и лесном) хозяйстве, включая личное подсобное хозяйство, за последние три десятилетия существования “социалистического строя” в Узбекистане выглядели следующим образом ⁶⁴:

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1987 г.	1990 г.	1991 г.
Численность занятых, тыс.	1947	1937	2038	2698	3097	3554
Удельный вес занятых, %	61,7	45,1	36,4	38,0	39,0	42,7
Среднегодовой темп снижения (-), прироста (+), %	(-)1,40 (-)0,95 (-)0,02 (+)0,30 (+)3,70					

Из этих данных следует, что наиболее интенсивное выталкивание рабочей силы из сельского хозяйства пришлось именно на 60-ые годы; несколько замедлившись, оно продолжалось и в следующем десятилетии. Можно, очевидно, констатировать, что, несмотря на экспансию хлопковой монокультуры, “напор индустриализации”, предполагавшей определенную диверсификацию национального хозяйства **за пределами агросферы**, был столь значителен, что за эти два десятилетия (1959—1979 гг.) он по меньшей мере помог удержать численность рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, под жестким контролем (в пределах примерно одной и той же величины), не позволив ей превратиться в “раковую опухоль” рабочего перенаселения. Более того, именно 50-ые — 60-ые годы демонстрируют нам наибольший рост производительности труда в агросфере (см. в табл.1 данные о выходе продукта на одного работника; см. также рис.2). В целом в этот ранний период индустриализации современный экономический рост в Узбекистане, по-видимому, наиболее близко напоминал модель, которую мы позже назовем “нормальной” с положительно проявляющими себя признаками роста (для иллюстрации см. также табл.4). По инерции реализация этой модели, хотя и с уже нараставшими издержками (см. ниже), продолжалась и в 70-ые годы. Во всяком случае

1980 г. был максимально высокой точкой уровня производительности труда в агросфере (хотя, возможно, частично данный факт приходится отнести на расцветавшие в это время “приписки”).

Обвал “нормальной” модели произошел на рубеже 70-х — 80-х годов. Именно с этого времени “избыточная” рабочая сила начинает стремительно заполнять все отсеки хозяйства агросферы. За 1979 — 1991 гг., как мы видели, в общей структуре занятого населения удельный вес занятых (и псевдозанятых) в сельском хозяйстве Узбекистана подскочил на 6,3% (при этом только в 1987—1991 гг. — на 4,7%), а их численность возросла на 1,5 млн. человек (на 74%!). По показателям занятости в сельском хозяйстве (при резком сокращении удельного веса занятости, приходящегося на индустриальный комплекс народного хозяйства) Узбекистан в начале 90-х годов “подтягивается” к рубежу, уже преодоленному им еще два десятилетия тому назад — рубежу 60-х — 70-х годов (см. табл.4). Рассасывающая функция индустриализации “захлебнулась” в нараставшем вале роста относительного перенаселения. Иначе говоря, в 80-х годах произошла **повторная (возвратная) массовая аграризация существенной части рабочей силы**, ранее выделившейся из аграрного сектора. Известной компенсацией этого негативного процесса было приоткрытие шлюза на организацию мельчайшего (“личного подсобного”) сельского хозяйства: только за период 1985—1990 гг. в Республике возникло более 1 млн. новых мельчайших хозяйств (что увеличило их общее число почти в 1,5 раза)⁶⁵.

Несмотря на индустриализацию, вторгшуюся в отдельные сегменты сельскохозяйственной экономики, агропроизводство Узбекистана в подавляющей части своей все еще базировалось на ручном труде (по данным специального обследования ЦСУ, на 1 августа 1985 г., когда погектарный показатель используемых в сельском хозяйстве Узбекистана мощностей заметно (более чем в два раза) превосходил таковой в агросфере США⁶⁶, лишь 12,5% работников сектора общественного хозяйства выполняли “работу при помощи машин и механизмов”, в том числе 13,8% — в совхозах и лишь 11,4% — в колхозах, против соответственно 34,9% и 36,1% в сельском хозяйстве РСФСР)⁶⁷. То есть процесс индустриализации за все годы союзной власти, какие бы внешне значимые “победы” он ни одерживал, так и не смог вовлечь в индустриальный процесс производства сколько-нибудь значимую часть рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве Узбекистана; последняя использовалась в главной массе своей на началах мануфактурной формы организации трудового процесса.

Чтобы понять, насколько хрупка была способность индустриализации в Узбекистане к рассасыванию “избыточного” труда, полезно рассмотреть динамику прироста численности работоспособного населения агросферы на фоне демографических изменений в долгосрочной ретроспективе.

Переписями населения фиксируются следующие годовые темпы прироста населения Узбекистана в советский период (в %)⁶⁸:

1926- -1939 гг.	1939- -1959 гг.	1959- -1970 гг.	1970- -1979 гг.	1979- -1989 гг.
2,7	1,3	2,0	3,0	2,8

Именно на временном отрезке наименьших темпов прироста населения (50-ые — 60-ые годы) индустриализация, обусловливавшая, помимо прочего, преобразование структуры занятости рабочего населения, показывала наибольшие успехи в Узбекистане, охватив своим влиянием как процесс положительного роста (см. ниже) и следующее десятилетие — 70-ые годы (непомерно высокий прирост населения в это десятилетие — 3% в год! — еще не привел к массовому выбросу на рынок труда новых групп работоспособного населения). Напротив, в 80-е годы, особенно со второй их половины, народное хозяйство в полной мере испытало возросшую тяжесть давления “избыточного” труда, заблокировавшего дальнейшие поступательные изменения, или даже прямо сформировавшего худшие характеристики структуры занятости в Узбекистане. Во второй половине 80-х годов в Республике работало “лишь 32,9% трудоспособного населения”⁶⁹.

Вряд ли в таких условиях можно удивляться факту углубления экономического разрыва между исторически сложившимися промышленными “центрами” и “периферийными”, преимущественно аграрными зонами бывшего Союза. Действительно, к началу 90-х годов структура занятости населения Узбекистана (как, впрочем, и других среднеазиатских республик) наглядно засвидетельствовала один, не “отпускавшийся в плавание” вольного обсуждения, факт, а именно — существенное относительное отставание индустриальных преобразований в среднеазиатских (“периферийных”) республиках, в частности Узбекистане, от таковых в одной из промышленно развитых зон страны — РСФСР. Если по переписи населения 1959 г. показатели удельных весов сельскохозяйственной занятости в России и Узбекистане соотносились как 1:2, то в начале 90-х годов это соотношение составляло уже 1:3 (при примерном сохранении межреспубликанского соотношения в занятости в индустриальном комплексе за оба периода — 1:2) (Аналогичную ситуацию, с некоторыми отклонениями, можно обнаружить и в других среднеазиатских республиках. — См. табл.4.) **Аграризация структуры занятости**, не сопровождавшаяся, как сейчас увидим, ростом эффективности трудового процесса, **была ярким выражением процесса накачивания хозяйства агросферы “избыточными” трудовыми ресурсами.**

Парадоксально, но факт: нарастающий “ком” “избытка” работников мы наблюдаем не в селе вообще и не только в нем самом (см. приведенные выше данные), но и в доминирующем, предположительно — наиболее эффективном секторе аграрной экономики — общественном хозяйстве. Отметим попутно, что Узбекистан, как и другие среднеазиатские республики, относится к числу тех стран, **в общественном секторе аграрного хозяйства** которых происходит, в противоположность многим другим республикам бывшего Союза, **не сокращение, но рост абсолютного количества лиц, отнесенных статистикой к числу “занятых”**⁷⁰.

Рассмотрим подробнее динамику изменений количества работников в общественном хозяйстве агросферы Узбекистана (в млн.человек)⁷¹:

1928 г.	1940 г.	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975г.	1980г.	1985г.	1987г.
0,02	1,49	1,42	1,32	1,26	1,35	1,45	1,65	1,88	2,09	2,07

К 1940 году общественный сектор в агросфере Узбекистана уже достаточно основательно сформировался, вобрав в себя, по данным на 1937 г., 95% всех крестьянских хозяйств, располагавших 99.4% всей посевной площади⁷². И на первых порах индустриального роста мы наблюдаем универсальное, многократно повторенное в других странах, явление — индустриальный прогресс,

бурным спуртом начавшийся в 50-е годы, стал интенсивно “вытаскивать” рабочую силу из общественного сектора села, перемещая ее в другие, внесельскохозяйственные, определяемые новыми тенденциями общественного разделения труда, отрасли народного хозяйства. В 60-х годах его преобразовательный эффект стал несколько ослабевать, а происшедшая скачкообразно (именно в 60-х годах) новая экспансия трудоемкой монокультуры “потребовала” возместить или вернуть в село отпущенную на сторону рабочую силу (в результате на фоне увеличивавшегося на 2% в год прироста населения в общественном секторе появилось 200 тыс. новых работников за десятилетие); в 70-х годах формирование признаков относительного перенаселения в общественном хозяйстве усилилось: застопорился рост производительности труда в доминирующей отрасли хозяйства — хлопкопроизводящем секторе, в котором, помимо прочего, замедлился и рост продуктивности (урожайности хлопка) (см. табл.1), а число работников в общественном хозяйстве выросло за это десятилетие на 30% (на 430 тыс.человек)! И в то же самое время стала резко сокращаться посевная площадь в расчете на одного работника общественного хозяйства (этот показатель достиг пика в 1965—1970 гг. См. табл.1). А в 80-х годах физическое пространство трудового процесса, приходящееся на одного для работника общественного хозяйства, подобно шагреновой коже, стало стремительно сжиматься (см.в табл.1 показатели динамики посевной площади на занятого) — как отмечалось, при многих ухудшающихся параметрах производства. В результате выработка продукта на одного занятого в общественном секторе сокращалась в 80-х годах все больше (это наглядно подтверждается данными табл. 5). И хотя зерновое хозяйство вначале сохранило свой хилый потенциал (на стадии “плато”), оно вскоре пополнило объем тех потерь, которые понесла доминирующая отрасль сельского хозяйства — хлопководство (см. табл.5). **Ведь именно эти отрасли, помимо прочего, концентрировали главную массу рабочей силы агросферы Узбекистана.** Рост “избыточного” труда в общественном хозяйстве быстро набирал обороты, хотя последствия этого явления, как отмечалось, были несколько смягчены аграрной политикой, ориентированной на стимулирование экспансии мельчайшего хозяйства в агросфере.

“Затухающая” динамика эффективности общественного хозяйства достаточно ярко отражена в падении производительной силы труда, приходящейся на одного работника. Нижеследующий пример весьма характерен: за три последних десятилетия существования Узбекистана в составе СССР (1960 — 1990 гг.) скорость прироста земледельческого продукта на одного работника общественного хозяйства в сопоставимых ценах едва дотянула до той нормы, которую показали колхозно-совхозные дехкане лишь за одно, первое, послесталинское десятилетие (50-ые годы) (см. табл.1). Данными по

десятилетиям этот негативный процесс раскрывается следующим образом (среднегодовой темп прироста в %)⁷³:

1950-1960 гг.	1960-1970 гг.	1970-1980 гг.	1980-1990 гг.	1992 г.
2,8	1,75	1,45	0,20	(-)4,55

Очевидно, что за последние три десятилетия, особенно — в 80-х годах, **все меньшая фракция совокупного работника общественного хозяйства агросферы участвует в непосредственном процессе производства в сельском хозяйстве.** Тот же процесс мы наблюдаем в Японии, где, однако, “избыточный” для земледелия труд в полной мере реализовывался в экономической деятельности свободного работника в свободное время во несельскохозяйственных секторах экономики. Не то — в Узбекистане. Здесь именно “личное подсобное” хозяйство стало той отдушиной, через которую частично был выпущен “пар” аграрного перенаселения, в частности скопившийся в общественном хозяйстве.

На фоне таких фундаментальных процессов нужно выделить специфическую форму социальной организации труда в пределах общественного хозяйства.

Мануфактурной организации трудового процесса — одновременно с экспансией хлопковой монокультуры — сопутствовала в Республике все более страшное ее социальное наполнение. Несмотря на уже имеющееся относительное (аграрное) перенаселение в Узбекистане, в периоды срочных потребностей земледелия в рабочей силе, именно — в периоды хлопкоуборочных “кампаний”, рабочих рук не хватало, причем в огромных количествах. Этот вакуум заполнялся, посредством использования силы государственного принуждения, — путем привлечения на полевые работы бесчисленной массы работников со стороны (школьников, студентов), но **по-преимуществу это был детский труд**⁷⁴. (Поголовное закрытие местных школ и многих других учреждений на период хлопкоуборочных “кампаний” было выдающимся достижением “социалистического строительства” — ведь все это делалось ради удовлетворения безграничных потребностей “Центра” Советской державы в “белом золоте”⁷⁵.) Монокультура как господствующий сегмент национальной экономики калечила духовно и физически целые поколения народа Узбекистана (недополучение базисного образования, подрыв физического здоровья).

6. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ ПО ЗАКОНАМ ЗАЗЕРКАЛЯ

Проведенный анализ позволяет оценить природу макровоспроизводственного процесса в общественном хозяйстве агросферы Узбекистана. Рассматриваемый в совокупности своих важнейших параметров, этот процесс ярко (и однозначно) свидетельствует об инволюционном типе экономической динамики, выпукло проявившемся в последнее десятилетие существования СССР. Заметим при этом, что то, что может показаться парадоксом (аномалией) при естественном пути аграрного развития, становится закономерностью (как мы убедимся в этом чуть ниже) экономической динамики при кратократическом (коммунистическом) общественном порядке.

Один из удивительных парадоксов агросферы Узбекистана заключается в том, что **производительность труда изменяется здесь независимо от изменений факторов (процессов), детерминирующих ее “по определению”**. Так, в то время как опережающими темпами (по отношению к росту производства) увеличивается “фондоёмкость” производства, вызывая резкое падение “фондоотдачи” (см. табл.6), производительность труда, которая при естественном типе аграрной эволюции должна была бы быстро возрастать, приостанавливает свое поступательное движение, обнаруживая в ряде важнейших подразделений аграрной экономики тенденцию к падению. По данным официальной статистики, по такому параметру производительности труда, как выход продукта на одного работника в сопоставимых ценах, сравнительно нормальный, соответствующий логике индустриальных преобразований, рост значения этого показателя имел место лишь в период с начала 50-х до середины 60-х годов (величина среднегодового экспоненциального прироста выработки продукции на одного работника составляла в этот период 3,8%). Но в последующие десятилетия мы наблюдаем “паузу” в поступательном росте общетраслевой производительности труда, “паузу”, прерывающуюся, однако, кратковременными “выбросами” показателя

производительности труда к планке более высоких значений. В целом же с середины 60-х годов до начала 90-х выработка продукции на одного работника в сельском хозяйстве Республики увеличивалась лишь на 0,4% в год. При этом в 80-х — начале 90-х годов экономический рост в агросфере, если оценивать его масштабами изменений данного параметра, вступил в “фазу застоя” (среднегодовой экспоненциальный прирост — 0,006%) (рассчитано по данным табл.1; см. также раздел 5, где динамика этого параметра рассчитана по десятилетиям).

Пожалуй, наиболее яркий пример “застойной” динамики производительности труда являет главная отрасль сельского хозяйства — хлопководство, причем — на протяжении многих десятилетий. Действительно, производительность труда, измеряемая прямыми затратами труда на производство единицы продукции, с 50-х годов отличается удивительной “стабильностью”, или, может быть, точнее — мизерной по амплитуде волнообразной динамикой изменений, при которой пик волны приходится на весьма далекие от начала новой эпохи — независимого существования Узбекистана — годы (вторая половина 70-х годов) (см. табл.1).

Показатели выхода продукта на одного работника в натуральной форме (см. табл.5) свидетельствуют, что не только в хлопководстве, но и во “второстепенном” зерновом хозяйстве, хотя и с пятилетним лагом (с начала 80-х годов), обнаружилась явная тенденция к падению производительности труда, хотя официальные оценки выхода продукции на единицу прямых затрат труда говорят скорее о достигнутом состоянии “плато” в производительности труда в 80-х годах (см. табл.1 и рис.2). Такое же состояние “застоя” (“плато”) в динамике производительности труда мы наблюдаем и в животноводстве, причем в мясном производстве — с начала 60-х годов, а в молочном хозяйстве — с начала 80-х годов (см. табл.5). Как говорил В.Высоцкий, “бег на месте это называется”.

Между тем не просто “фондами” (в парадигме политэкономических понятий — основным капиталом), но прежде всего таковыми, представленными мощными источниками механической энергии, “накачивало” государство хозяйство агросферы Республики, радикально преобразуя динамические характеристики его энерговооруженности. С дореволюционных времен и, по-видимому, до 50-х годов сельское хозяйство Узбекистана располагало живыми (рабочий скот) и “мертвыми” (механические двигатели) ресурсами энергетических мощностей в количестве, соответствующем параметрам типично традиционного хозяйства: на гектар пашни приходилось примерно 0,5 л.с. (с перепадами в отдельные периоды, например, в 20-х годах, — см. табл.1). “Индустриальный рывок” 50-х и особенно 60-х годов положил начало интенсивному

внедрению механических двигателей различных видов в сельское хозяйство республики. Ко второй половине 80-х годов показатель насыщения агросферы Узбекистана энергетическими мощностями достиг “пиковой” отметки — 690 л.с. на 100 га пашни (см. табл.1).

Чтобы полнее оценить динамику этих показателей, позволим себе провести небольшое сравнение агросферы Узбекистана, страны с типично “землесберегающим” технологическим способом производства (ТСП), с агросферой страны с ярко выраженным “трудоэкономным” ТСП — Российской Федерации. В чем суть различий в долгосрочных изменениях энергетической оснащенности хозяйства агросферы при типологически разных ТСП? Как явствует из данных, приведенных в табл.7, при **примерном равенстве** темпов роста энерговооруженности общественного хозяйства Узбекистана и России в расчете **на единицу посевной площади**, мы наблюдаем существенное относительное отставание таковой в Узбекистане по сравнению с Россией в расчете **на одного работника**. За истекшие 25 лет разрыв между агросферами обеих стран увеличился по данному показателю почти в три раза, хотя по абсолютной величине энерговооруженность общественного хозяйства в Узбекистане в расчете на единицу площади намного (в 2 раза) продолжала превосходить таковую в России.

Эти различия, конечно, необходимо оценивать в контексте динамики рабочей силы в сравниваемых системах хозяйства (в данном случае — в общественном хозяйстве). В Узбекистане интенсивно прираставшие энергетические мощности распределялись среди все более увеличивающегося контингента работников общественного хозяйства (напомним, численность последних возросла за рассматриваемую четверть века с 1,3 млн.человек до 2 млн., или на 54%), в то время как в России, напротив, прирост энергетических мощностей сопровождался сокращением численности работников общественного хозяйства (с 12,9 млн. — в 1960 г. до 9,8 млн. — в 1985 г., или на 24%), т.е. в этой стране механические энергетические мощности действительно выполняли, помимо прочего, функцию замещения живого труда, обеспечиваемого работниками общественного хозяйства (другой вопрос — насколько эффективно).

В своей совокупности приведенные данные показывают, что в Узбекистане мощная волна роста энергетических мощностей, оказавшаяся запертой в “колодцах” “землесберегающего” ТСП, не смогла переломить ход экономического роста в агросфере в пользу положительного формирования его фундаментального качества — экономии труда на основе обновления технических средств труда. Эффект торможения (блокирования) роста производительной силы труда (посредством применения все более совершенных средств труда) проявлялся тем сильнее, чем жестче был демографический пресс,

сообщавший все новые импульсы процессам увеличения “избыточной” рабочей силы в агросфере (в то время как внесельскохозяйственные источники занятости развивались относительно медленнее и не могли адекватно “ответить на вызов”, порождаемый этими процессами). Но что же лежало в основе четвертьвекового спурта энергетических мощностей в сельском хозяйстве Республики?

На основе приведенных данных мы можем, очевидно, констатировать, что в период промышленного развития 60-х — 70-х годов довольно ярко проглядывалась попытка замены одного режима экономического роста в сельском хозяйстве (именно того, который основывается на традиционном, исторически сложившемся — “землесберегающем”, соответственно, “трудоэкономном”, в конечном итоге — “тупиковом”, ТСП) другим, экономически более эффективным, открывающим условия восходящей динамики, режимом экономического роста (на базе создания “трудоэкономного” ТСП). Эта попытка не увенчалась успехом, хотя активное наращивание механических средств труда (увеличение мощностей на работника с 3.7 л.с. до 14.5 л.с. за 25 лет) способствовало рождению иллюзии о действительном, хотя и в замедленном (по сравнению с Россией) темпе протекающем, переводе в энергетическом вооружении хозяйства агросферы, будто бы реализующемся в экономике труда.

“Парадоксом” узбекского варианта аграрной индустриализации как раз является то, что при четырехкратном увеличении за четверть века энерговооруженности сельского хозяйства — и в расчете на работника, и в расчете на единицу площади, производительность труда при производстве материального продукта в одних отраслях “зависала” на десятилетия на стадии “плато”, характерного для хозяйства традиционного типа, в других — достигнув “пика” у подножия” пирамиды неосуществленного возможного (т.е. показав мизерный прирост, не выходящий за пределы результата, получаемого при традиционных типах производства), устремлялась вниз — обнаруживала тенденцию к сокращению (особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в хлопководстве со второй половины 70-х — начала 80-х годов — см. табл. 1, 5, а также в зерновом производстве с начала 80-х годов — см. табл.5). Длительную фазу застоя в движении производительности труда, начало которой падает на середину 60-х годов, фиксируют также, как отмечалось, данные о выходе сельскохозяйственного продукта на одного работника, выраженные стоимостными показателями (см. табл.1).

Таким образом, вся совокупность данных о динамике производительности труда, прежде всего в ведущей отрасли земледелия, в частности, сам факт ее “пробуксовывания” на протяжении последних двух с половиной десятилетий до распада СССР в пределах величин (2,5—3 кг хлопка-сырца на час затрат труда),

характерных для хозяйства традиционного типа, с очевидностью свидетельствует о несостоявшейся индустриальной революции в узбекском земледелии. Вся хозяйственная практика в агросфере оказалась прочно “завязанной” на ручной труд, несмотря на “освоенные” механические орудия труда.

И тут в пору раскрыть “секрет” еще одного парадокса экономической динамики в аграрном секторе Узбекистана. Самая фаворитизируемая отрасль сельского хозяйства, наиболее мощная — по масштабам создаваемого в ней продукта, получавшая первый и самый обильный “кусочек пирога” от щедрот государства (природные ресурсы производства, технические средства и др.), — хлопководство — обнаруживала **наименьшую эффективность производства**, или, если прибегнуть здесь к понятийной аксиоматике Марксовой политэкономии, отличалась **самым низким органическим строением капитала**, вряд ли превосходившим строение “капитала” хозяйства традиционного типа (или мелкого товарного хозяйства, основанного на ручном труде). Этот факт находит подтверждение и в структуре издержек производства. Например, в 1987 г. в растениеводстве колхозного сектора Республики на долю оплаты труда (включая отчисления на социальное страхование) приходилось 57,1% всех затрат на производство (в совхозах — 39,2%)⁷⁶, а в хлопководстве этот показатель составлял (правда, уже в начале 90-х годов) целых 68%⁷⁷!

В истории можно найти и аналоги такой пропорции затрат на живой труд в растениеводстве. За сто с небольшим лет до того, как Международный консультативный комитет по хлопку обнародовал приведенные данные, а именно — в 1885 г. на табачных плантациях Восточного побережья Суматры две трети всех полевых издержек, как свидетельствует голландский ученый Ян Бремман, поглощала заработная плата, выплачиваемая закабаленным рабочим-кули; именно живой труд, а не капитал в форме овеществленного труда, брал здесь на себя основную функцию по созданию денежного богатства плантаторов. С этим органично связан и основной вывод исследования: “Плантационный тип производства по самому своему определению предполагал воспроизводство несвободного труда”⁷⁸.

Горечь поражения промышленной революции в хлопководстве Узбекистана будет воспринята еще более болезненно, если оценить ее на фоне достижений страны, где такая революция действительно свершилась, — США.

В начале 50-х годов прямые затраты труда на единицу произведенного продукта в хлопководстве Узбекистана находились в пределах величин, которые были характерны и для хлопководства США в конце 30-х — 40-х годах (выход продукции хлопка-сырца составлял 1,7 кг на час затрат труда в Узбекистане и

примерно 3,6—5,2 кг в США; см. табл. 1) и соответствовали типу производства, где живой труд пока еще доминировал над овеществленным. По имеющимся свидетельствам, в хлопкопроизводящих районах США в это время еще весьма распространены были остаточные формы кабального мелкого хозяйства, функционировавшего на началах издольщины, худшие формы воспроизводства рабочей силы работника⁷⁹. Но развернувшаяся в отрасли с начала 60-х годов научно-техническая революция произвела в ней глубочайший технологический (и вместе с ним — социально-экономический) переворот, качественно преобразовав производительную силу труда. В 80-х годах отраслевая производительность труда поднялась в США до уровня, не имеющего аналога в мире, — 45,4 кг хлопка-волокна (примерно 151,2 кг хлопка-сырца) на час затрат труда (см. табл.1), против все той же мизерной, “замороженной” на долгие годы величины — 3 кг хлопка-сырца на час затрат труда — в Узбекистане. “Замерзшая” на уровне традиционного хозяйства (и это — в эпоху индустриализации страны!) производительность труда в доминантной отрасли сельского хозяйства обозначила одно из базисных условий формирования механизма **отрицательного экономического роста**, столь ярко проявившегося в последние десятилетия коммунистического порядка в Узбекистане (об этом скажу подробнее ниже). И напомним здесь очень правильные слова, сказанные около 80 лет тому назад: “Производительность труда есть в конечном счете самое главное, что обеспечивает победу нового общественного строя” (В.И.Ленин).

Новую серию “парадоксов” из мира Зазеркалья являют функциональные нагрузки, выпадающие на долю материальных затрат в их натуральной форме. Рассматриваемые в исторической динамике, они свидетельствуют о законе Зазеркалья: чем дальше продвигаются индустриальные преобразования, тем больше затрат материалов, природных ресурсов производства на единицу продукции они требуют. Так, за последние три десятилетия существования советского государства в Узбекистане расходовалось в различных отраслях растениеводства на производство одного центнера продукции следующие количества энергии (в эквиваленте квт/час)⁸⁰:

	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
зерно*	0,18	0,26	0,17	0,24	0,27
хлопок-сырец*	0,05	0,08	0,11	0,19	0,19

* Предполагено, что энергетические мощности равномерно распределены по посевной площади Узбекистана.

Вновь напомним, чтобы в полной мере оценить динамику приведенных показателей: масса рабочей силы, участвовавшая в производстве сельскохозяйственного продукта в общественном хозяйстве, не сокращалась, но увеличивалась, а производительность труда (если судить по меньшей мере по показателю выхода продукта на одного работника — см. табл.5) поползла от рубежа 70-х — 80-х годов к стандартам времен первых шагов аграрной индустриализации.

В хлопководстве указанный закон действовал наиболее эффективно. В самом деле, из всей совокупности приведенных выше натуральных данных, как думается, со всей очевидностью следует: именно возделывание главной культуры — хлопчатника (около 40% цены валового продукта сельского хозяйства Узбекистана⁸¹) оказалось к концу 80-х годов самым “затратным” предприятием, сопряженным с нарастающим расхищением (лишенным какого-либо экономического смысла, бесцельным уничтожением) национальных производственных ресурсов — как природных (не будем забывать, что именно хлопкопроизводящее хозяйство в ходе своей безудержной экспансии обезводило Арал), так и созданных трудом человека; именно экспансия хлопковой монокультуры внесла наибольший вклад в процессы деградации природной среды обитания человека в Узбекистане. Более того, созданная кратократией внерыночная (без обратных связей) система хозяйства, в рамках которой функционировало хлопководство (как и другие отрасли сельского хозяйства), сопряжена с гибелью большой массы воспроизводимого в отрасли продукта⁸². И именно в этой отрасли наиболее ярко проявились за последние пятнадцать лет существования республики в составе СССР регрессивные тенденции в изменениях структурных характеристик экономического роста в агросфере Узбекистана. Показательный пример: в 1990 г., при падающей производительности труда, в хлопководческом хозяйстве требовалось **затратить в четыре раза больше энергии, чем тридцать лет назад**, чтобы произвести **одну и ту же массу хлопка-сырца**! Напомним и о том, что в этой же отрасли потребление воды для производства каждой единицы продукта (хлопка-сырца) в 1,5—2 раза превышало агрономическую норму (см. раздел 4). Не просто понуждаемые кратократией перекосы в распространении культуры, требующей интенсивных расходов воды, но и не подверженное ценовым оценкам и отсюда — хищническое водопотребление при ее возделывании (как известно, дармовое использование природных ресурсов производства в агросфере — исходный принцип организации экономики на коммунистических началах) столь опасно приблизили угрозу экологической катастрофы в Узбекистане.

Таким образом, при коммунистическом порядке (в период до распада СССР), в лице общественного хозяйства агросферы

Узбекистана мы сталкиваемся с удивительным экономическим явлением — таким именно, при котором **механизм экономического роста функционирует как зеркально-отрицательное отражение его положительной модели** (или, если использовать речение обыденной жизни, - “с точностью до наоборот”). Можно выделить несколько направлений проявления этой закономерности.

Во-первых, при массивном наращивании средств интенсификации производства, в частности количества минеральных удобрений, постепенно замедляется, а затем и вовсе прекращается рост урожайности, и, наконец, начинается ее падение — в 80-х годах, причем не только в главной, но и “второстепенных” отраслях аграрной экономики, например, в зерновой отрасли хозяйства, где интенсификация производства однажды — в 1975—1980 гг. — реализовалась в скачкообразном, частично, видимо, “приписочном” приросте урожайности; в овощеводстве⁸³ (см. табл.1).

Во-вторых, благодаря крупным государственным инвестициям резко повышается фондоемкость агропроизводства, но вследствие весьма замедленных темпов роста общего объема продукта в неадекватно большой, гипертрофированной степени сокращается фондоотдача, причем — и это главное — **при снижении производительной силы труда в общественном хозяйстве** (или — в лучшем случае — ее стагнации), что свидетельствует о широко-масштабных процессах омертвления все растущей части основного капитала (“основных фондов”); можно сказать и несколько иначе: массивное накачивание хозяйства трудосберегающими орудиями труда фактически оборачивается падением производительной силы труда или — в лучшем случае — позволяет лишь удерживать ее на достигнутом (весьма низком) уровне, едва превышающем тот, который типичен для традиционного хозяйства, предотвращая (или замедляя) ее падение (например, зерновое хозяйство в 80-х годах). (Впрочем, с середины 80-х годов в сельском хозяйстве Узбекистана уже обнаруживаются тенденции к свертыванию применения трудосберегающих средств труда, сокращению энерговооруженности общественного хозяйства. См.ниже.)

Именно этим обстоятельством можно объяснить тот поразительный факт, что доминирующее влияние на динамику производительности труда в агросфере до сих пор оказывают не применение технических средств труда, а природные факторы труда (“погода”), определяющие динамику урожая: если сравнить на приведенных рисунках 1 и 2 форму кривых, отражающих изменения величины выхода продукции на одного работника по стоимости, с одной стороны, и пятилетние изменения урожайности, с другой, мы можем обнаружить высокую степень корреляции между изменениями обоих показателей. Но это как раз и свидетельствует о том, что динамика производительности труда в агросфере Узбекистана

накануне распада СССР все еще детерминировалась в основном условиями, лежащими за пределами индустриального ТСП.

В-третьих, с развитием процесса индустриализации выпуск каждой единицы продукта в агросфере требует все больших материальных затрат, в частности энергетических; в ряде отраслей хозяйства имеет место не экономия, а, напротив, расхищение материальных и природных ресурсов при производстве каждой единицы продукта общественного хозяйства.

Все эти инволюционные процессы, напомним, протекают на фоне не сокращения, а нового увеличения массы рабочей силы, занятой в общественном хозяйстве агросферы.

Экономически же формирующаяся система индустриальных производительных сил, как следует из рассмотренных выше “аномалий” ее проявления, по меньшей мере применительно к 80-м годам, функционировала таким образом, что не сокращение, а, напротив, **тенденция к взбуханию стоимости (издержек производства) каждой единицы воспроизводимого сельскохозяйственного продукта становилась нормальным результатом этого функционирования.**

Каким бы иррациональным с точки зрения законов естественной формы экономического процесса такой результат ни представлялся, он находит вполне рациональное объяснение, будучи осмыслен в категориях классической политэкономии товарного хозяйства. Напомним несколько тривиальных истин.

Уже из раннего исторического опыта развития индустриальной системы производительных сил, в наиболее полном виде обобщенного К.Марксом, следует, что законом, самым смыслом существования этой системы является динамично нарастающая **экономия труда**, экономически реализующаяся в условиях товарного хозяйства как **экономия издержек производства**, учитываемая посредством **рынка**. Именно рынок и предполагаемые им механизмы обратной связи позволяют в максимально полном виде выявлять и корректировать **допустимые издержки** (и, соответственно, размер прибыли) и тем самым образуют тот мотор, который приводит систему в движение, задает ему темп. В противоположность порядку вещей при (натурально-)традиционной форме экономической деятельности с ее определяющей целевой установкой (потребление как движущая сила, ее основной мотив), именно рынок при развивающейся индустриальной системе производительных сил непрерывно генерирует импульсы к **обновлению технических средств труда**. Ибо только процессы **непрерывного обновления** при такой системе позволяют в адекватной степени раскрыть заложенный в ней производящий (производственный) потенциал, возможность наиболее эффективной (соответственно - прибыльной) реализации технических средств труда (и, соответственно,

достижения максимальной **экономии труда**). В этом смысле индустриальной системе производительных сил адекватно соответствует **товарная форма производства в высшей точке ее развития**.

Способна ли была кратократия, утверждая внетоварную (или точнее: псевдотоварную) экономику, запустить в ход механизм чувствительных взаимодействий “рынок — личностные и предметно-вещественные (природные и созданные человеческим трудом) факторы производства - рынок”, и тем самым обеспечить условия для естественной формы экономического роста, т.е. его положительной модели (т.е. роста с положительно обусловленными его составляющими, проявляющимися в росте производительной силы труда, экономии труда, сокращении издержек, экономии ресурсов производства и др.)? Весь исторический опыт развития хозяйства агросферы в Узбекистане, накопленный за годы Советской власти, отвечает на этот вопрос отрицательно.

“Вырубая” вместе с частной собственностью рынок (и тем самым **рыночную цену** как экономический регулятор действительного технологического прогресса) и более широко — товарную форму производства как экономическую основу хозяйственного развития, кратократия лишила общественное хозяйство агросферы республики (как, впрочем, и другие сферы хозяйства) **механизма обратных (от рынка к производству) связей** и в результате “изъяла из обращения” **рыночную детерминанту современного экономического роста** и тем самым заблокировала формирование адекватной индустриальным производительным силам экономической (т.е. рыночной) среды их бытия. (Вот, кстати, почему при кратократическом общественном порядке индустриализация никогда не может быть завершена.) Только этим, по нашему мнению, можно объяснить такой любопытный факт: сначала формируется режим “буксования на месте”, а затем (в основном в 80-х годах) начинается переход процесса экономического роста (если таковой оценивать по характеру динамики его структурных составляющих) в общественном хозяйстве агросферы Узбекистана фактически в **отрицательную фазу**.

Последнее нуждается в некотором пояснении. Опять-таки исторический опыт индустриализации хозяйства при кратократическом общественном порядке свидетельствует о закономерности (опыт агросферы Узбекистана — наглядный тому пример): индустриализация протекает более или менее результативно, хотя и с немалыми издержками, до той ступени общественного разделения труда, при которой еще возможен учет его требований методами использования “воли” “власти власти” и обслуживающих ее технических (административных, планирующих, распределяющих и иных) институтов. Но при переходе **процесса индустриализации**, детерминируемого НТР (возможно, вернее, при попытках такого перехода), **за пределы такой**

ступени, в условиях отсутствия имманентных для нормального функционирования индустриальных средств труда рыночных “локомотивов” постепенно возникает то, что мы назвали бы “обрушением” механизма (искусственно или естественным путем балансируемого) положительного экономического роста. Именно это, как думается, произошло в общественном хозяйстве агросферы Узбекистана в 80-х годах.

Действительно, накапливавшиеся индустриальные средства труда, не “подвластные” контролю рыночной цены, все труднее вменялись в рамки “планово регулируемого” хозяйства. Чем больше возрастала масса таких средств, тем больше возникало “потерь” и искажений при их использовании; **экономически такие “избыточные” средства труда становились неуправляемы** (или, точнее — не реализуемы в положительной модели экономического роста). Речь идет, таким образом, о том, что с усложнением системы общественного разделения труда, с накоплением индустриального потенциала в агросфере Узбекистана постепенно сформировалась “критическая масса” искажений, “потерь”, etc., при которой **основные структурные параметры экономического роста стали приобретать отрицательные значения**.

Есть у этого мира Зазеркалья специфическая локальная особенность. Индустриализация агросферы Узбекистана, как отмечалось, сопровождалась ростом относительного избытка рабочей силы в общественном (как, впрочем, и — особенно — в частном) хозяйстве. И это обстоятельство привело к обнаружению указанной “критической массы” на самой первой, самой неразвитой ступени индустриализации, т.е. на гораздо более раннем этапе индустриального процесса, чем это могло бы произойти в альтернативном варианте (например, при прогрессирующем недостатке рабочей силы).

Об этом, думается, весьма надежно свидетельствует тот удивительный (внешне) факт, что при едва начавшейся индустриализации в хозяйстве агросферы Республики мы наблюдаем — с середины 80-х годов, т.е. со времени провозглашения общесоюзной “перестройки”, **уже не рост, но сокращение** количества используемых в земледелии Узбекистана индустриальных средств производства. И этот процесс вовсе не был вызван какой-либо сменой технологических поколений машин (что имело место, например, в США в 80-х годах); как раз напротив — жалобы на “неудобство”, “несоответствие” условиям местного производства имеющихся механических средств производства были постоянными. Динамика парка машин основных видов в сельском хозяйстве Республики отмечена в 80-х годах следующими показателями (1985=100)⁸⁴:

	1980 г.	1985г.*	1986 г.	1987 г.	1988г
Тракторы:					
• количество	83	100	102	102	95
• мощность	68	100	96	95	93
Хлопкоуборочные машины	92	100	96	90	83
Зерноуборочные комбайны	75	100	92	85	82
Грузовые автомобили:					
• количество	91	100	103	90	81
• грузоподъемность	77	100	104	91	80

* В 1985 г. в сельском хозяйстве использовалось: тракторов — 188,9 тыс. штук с суммарной мощностью двигателей 14,8 млн.л.с.; хлопкоуборочных машин — 39,6 тыс. шт.; зерноуборочных комбайнов — 11,4 тыс. штук; грузовых автомобилей — 58,9 тыс. шт. с суммарной грузоподъемностью 226,8 тыс.т.

Такую же картину мы видим и в динамике других сельскохозяйственных машин⁸⁵. То есть можно, очевидно, говорить о том, что с середины 80-х годов в Республике обозначилась тенденция к **демеханизации хозяйства агросферы**. Эта тенденция нашла отражение и в сокращении производства сельскохозяйственных машин в самом Узбекистане. С 1985 г. по 1990 г. годовое производство, например, тракторов снизилось с 26,4 тыс.шт. до 23,3 тыс. шт.; в 1991 г. этот показатель составлял лишь 21,1 тыс. шт., или 79,9% от уровня 1985 г. (суммарная же мощность годового выпуска тракторов за эти шесть лет уменьшилась с 1,6 млн.л.с. до 1,3 млн. л.с., или на 18,75%), а в 1992 г. — и вовсе только 16,9 тыс. шт. (В расчете на 10 тыс. человек населения динамика производства тракторов выглядела следующим образом: 1985 г. — 14,5 шт.; 1990 г. — 11,3 шт.; 1991 г. — 10,0 шт.; 1992 г. — 7,9 шт.)⁸⁶.

Демеханизация хозяйства агросферы, происходившая в 80-х — начале 90-х годов, в значительной степени объясняет, очевидно, и имевшие место в этот период тенденции к падению производительности труда, выразившиеся в сокращении величины производства некоторых видов продукции на одного работника, занятого в сельском хозяйстве (см. табл.5).

Образно говоря, в 80-х годах хозяйство агросферы Республики больше не выдерживает тяжести “груза”, возложенного на него в форме **отрицательного потенциала экономического роста**, как бы отторгая столь необходимые для его индустриального прогресса, но не могущие быть рационально использованными, экономически “избыточные” индустриальные средства труда. И это отторжение, по отмеченным выше причинам, стало происходить на самом раннем этапе сельскохозяйственной индустриализации.

Можно сказать и иначе: “избыточный” труд и избыточные” средства труда “уक्रощают” друг друга, осуществляют жесткий взаимный контроль, создавая “гармонию” хозяйственной системы на “костях” потенциала производительной силы труда и экономической эффективности производства.

Опыт реализации отрицательной модели экономического роста выявляет еще одну аномалию, не совместимую с логикой естественной формы экономического процесса. Коммунистический порядок в агросфере организационно представлен, как известно, двумя основными подразделениями общественного хозяйства — колхозами и совхозами, соотношение между которыми в историческом потоке времени динамично изменялось. Но, как правило, хозяйства “общегосударственной собственности” отличаются более высокой производительной силой труда, чем хозяйства “коллективной собственности”. Действительно, благодаря лучшей вооруженности индустриальными средствами труда производительность труда в совхозах, как правило, превосходит таковую в колхозах, причем в отдельных отраслях — весьма значительно: например, в хлопководстве — по периодам — на 20%; в зерновом хозяйстве — на 20%—30%; в производстве мяса — на 10%—30%; а в производстве яиц — устойчиво в 5 раз (см. табл.8). Вполне логично было бы ожидать, если основываться на “правилах игры”, выработанных в рамках естественного пути экономического процесса, что и издержки производства (“себестоимость”) в более производительном совхозном секторе сельского хозяйства будут ниже, чем в менее производительном колхозном секторе.

Однако в мире Зазеркалья действуют совсем другие, разработанные “властью власти”, “правила игры”. Устанавливаемую ею норму можно было бы сформулировать следующим образом: при одинаковых масштабах сокращения фондоотдачи основных средств, используемых в процессе производства, при одинаковых опыте и трудовых навыках рабочей силы величина “себестоимости” каждой единицы произведенного продукта в той или иной отрасли сельского хозяйства **прямо пропорциональна уровню производительности труда** в данной отрасли. И, действительно “себестоимость” продукта совхозного хозяйства, как правило, оказывается заметно выше таковой в колхозном хозяйстве, в ряде случаев — на 20%—30% и даже 60% (см. табл.8). Поэтому-то в более производительном совхозном хозяйстве рентабельность (прибыльность) оказывается, как правило, ниже, чем в менее производительном колхозном. А если речь идет об убыточном типе производства, то норма убыточности в более производительном хозяйстве оказывается обычно много выше, чем в менее производительном (см. табл.9). Или, говоря иначе, здесь действует закон Зазеркалья: рентабельность (прибыльность) хозяйства обратно пропорциональна уровню производительности труда.

Из представленных в таблицах 8 и 9 отраслей лишь яйцепроизводящая отрасль “спасает” лицо совхозного сектора в Узбекистане: здесь идет “игра” по правилам рынка, и мы действительно обнаруживаем свойственную товарному производству картину положительной корреляции между производительностью труда и рентабельностью производства.

Законы Зазеркалья впечатляющим образом проявляются в характере изменений в концентрации производства сельскохозяйственной продукции по обоим секторам общественного хозяйства. За период с начала 60-х и до конца 80-х годов на долю совхозов приходились следующие части сельскохозяйственной продукции по видам, произведенной в общественном хозяйстве (в %) ⁸⁷:

	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1987 г.
Хлопок-сырец	17	25	41	43	45
Зерновые культуры	53	62	65	74	76
Овощи	27	30	45	45	46
Мясо	37	50	65	72	75
Молоко	30	38	41	44	47

Как видим, с течением времени все большая часть валового производства общественного хозяйства сосредоточивается в более производительном (статистически?), но менее рентабельном и наиболее “затратном” совхозном секторе. Все возникающие отсюда “потери” (расхищение использованных материальных ресурсов и труда) кратократия перекладывает на плечи всего народа (Узбекистана), причем “потери” эти — в силу экспансии совхозного сектора (частично поглощающего “убыточные” колхозы) — неотвратимо увеличиваются. Но в динамике этой экспансии можно обнаружить некоторые особенности. Кратократия стала “сдавать” совхозам производство животноводческой продукции гораздо раньше, чем другие отрасли хозяйства: оно с самого начала было или убыточно (производство мяса) или малорентабельно (производство молока) (см. табл.9). Из отраслей растениеводства колхозы длительное время удерживали безусловно лидирующие позиции в производстве “выгодных” культур — хлопчатника и овощей. Но с конца 70-х годов и эти отрасли сельского хозяйства стали активно перемещаться в сектор “общенародной собственности” (производство зерновых культур было ориентировано на совхозную форму хозяйства - в рамках еще первоначального общественного разделения труда между колхозными и совхозными его подразделениями). Почему же?

Потому, что производство самой “прибыльной” культуры сельского хозяйства Узбекистана — хлопчатника и, по-видимому, овощей стало в сфере общественного хозяйства по существу убыточным предприятием. Действительно, в рамках установленных

кратократией ценовых пропорций, действовавших в хозяйстве агросферы, именно культура хлопка оказывалась наиболее “выгодной” (для производства) (см. табл.9)⁸⁸. Цены, выплачиваемые за хлопок, были в рамках установленного (искусственно заниженного) ценового “потолка” для сельскохозяйственной продукции столь высоки, что **экономически** способствовали, как отмечалось, отвлечению части ресурсов из других отраслей производства (особенно — зерновой). Но фактически, с точки зрения реальных затрат труда (напомним, этот труд выступал в значительной части своей как живой труд), колхозно-совхозная реализационная цена (“цена производителя”) на протяжении всего рассматриваемого периода была ниже **действительных издержек производства** (причем — даже несмотря на формирование положительной рентабельности в ряде отраслей совхозного производства к концу 80-х годов). (Это, естественно, влекло за собой изъятие части фонда заработной платы работников общественного хозяйства, ради, помимо прочего, покрытия части издержек высокзатратного хлопкового производства.) Особенно чувствительно этот разрыв стал ощущаться в 80-х годах — по мере увеличения “избыточных” издержек.

Если судить по данным (однако не подкрепленным каким-либо, хотя бы примерным, расчетом), которые приводят узбекские исследователи С. Дусматов и Г.Шамирзаева, в начале 90-х годов этот разрыв, выражавшийся уже кратными величинами, предположительно вышел (?) за мыслимые пределы возможностей воспроизводства, какую бы “экономия” за счет расходов на самый “подвижный” элемент издержек — заработную плату ни осуществляли обобществленные производители. Эти авторы свидетельствуют: “В настоящее время неэквивалентность (обмена между промышленностью и сельским хозяйством. — *В.Р.*) жестоко бьет по экономике колхозов и совхозов... Сложившаяся практика ценообразования никак не вписывается в новый механизм хозяйствования. Цены на многие виды сельскохозяйственной продукции в три и более раз ниже их действительной стоимости...”⁸⁹.

Итак — цена, вновь — цена. Какие функциональные роли она выполняла в земледелии Узбекистана?

И здесь мы подошли к еще одной узловой проблеме экономического роста — проблеме социальных характеристик движения сельскохозяйственного продукта в фазе его распределения. Не будем забывать, что именно отношения распределения, если использовать здесь математически точную формулу К.Маркса, “определяют весь характер и все движение производства”⁹⁰.

7. КОЕ - ЧТО О РАСПРЕДЕЛЕНИИ (И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИИ) ВАЛОВОГО ДОХОДА, ОБРАЗУЮЩЕГОСЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ХЛОПКОВОДСТВА)

Кратократия не “изобрела” каких-либо новых методов извлечения прибавочного и/или части необходимого продукта у непосредственных производителей. Скорее она заимствовала эти методы, творчески совершенствуя и гибко приспособлявая их к технологически изменяющемуся производству, с одной стороны, и “застойной динамике” социально-экономической организации общества, с другой, — у других общественных способов производства.

Мы расскажем здесь, по необходимости — весьма кратко, о двух формах неоплачиваемого отчуждения и присвоения продукта, создаваемого в хлопководстве, представив их преимущественно в количественном измерении; ибо мы должны хотя бы приблизиться к ответу на вопрос: «как много “они” присваивали?»

Одна из таких форм, как явствует из предыдущего изложения, — экономическая реализация кратократией монополии на спеленутом ее принуждением “рынке”; эта реализующаяся как власть монополии (или, что в данном случае одно и то же, подчинившая себе фазу обмена воспроизводственного процесса себе сущая власть) позволяла устанавливать такие ценовые пропорции обмена, при которых кратократия могла присваивать существенную часть создаваемого в сельском хозяйстве продукта.

Суть дела состояла в том, что, применительно ко многим видам продукции сельского хозяйства, между ценой, которая выплачивалась обобществленному производителю отрасли, и ценой, по которой происходила конечная реализация данной продукции, была существенная разница, стоимостное наполнение которой через отлаженный распределительный механизм и улавливалось кратократией. В Узбекистане, как и повсюду в СССР, навязанные “сверху” обобществленному производителю (колхозу, совхозу) цены на его продукт в течение длительных исторических периодов XX века выполняли **откровенно экспроприаторскую функцию**. Производство хлопка, сосредоточенное исключительно в общественном хозяйстве, занимало в перечне таких производств одно из “привилегированных” мест.

Разрыв между интересующими нас ценами был огромен. Проиллюстрируем его масштабы по данным за 1991—1993 годы (единственные годы, по которым мы располагаем необходимыми исходными материалами). По оригинальным данным, приводимым МВФ, можно установить, что в 1991 г. государство выплачивало производителю (хлопкопроизводящим колхозам и совхозам Узбекистана) 22,5% экспортной (т.е. рыночной) цены его продукта — хлопка-волокна⁹¹. В 1992 г., осенью, после повышения государственных (т.е. монопольно низких) закупочных цен на хлопок-сырец, производителю за единицу содержащейся в коробочках массы хлопка-волокна выплачивалось (“цена производителя”) от 18,6% до 14,5% его экспортной цены (по состоянию на 1.10.1992 — 4.11.1992. Издержки по джигированию сырца и транспортировке волокна в пункты реализации покупателю учтены). В 1993 г. эта доля (после нового повышения номинальных закупочных цен) поднялась, однако лишь до 23,6% среднемировой цены на хлопок-волокно (сорт “А”, наличный; Лондонский хлопковый рынок; август 1993 г.). Обратим при этом внимание на то, что цена единицы массы хлопка-волокна, содержащегося в коробочках (т.е. цена, выплачиваемая производителю хлопка, например, хлопкопроизводящему колхозу), составляла в это же время только 27,3% цены единицы массы волокна, отправленной для реализации с местных хлопкоочистительных предприятий (цена “у ворот фабрики”; издержки по джигированию хлопка учтены)⁹², при этом хлопковый рынок стран дальнего зарубежья, например, по данным на 1992 г., поглощал 52,6% общей массы экспортируемого из Республики хлопка-волокна. Поистине “цена производителя” никак не может угнаться за “ценой продавца”— монополиста (в том числе своего, “доморощенного”, представленного хлопкоочистительным предприятием)!

Что же представляла собой — экономически — столь большой относительной величиной выраженная разница в ценах — производителя хлопка, с одной стороны, и его экспортера (f.o.b.), с другой? Чтобы понять этот атрибут системы псевдорыночных отношений, существовавшей на территории бывшего СССР, полезно вернуться ко времени, когда рынок определял движение продукта на всех стадиях его воспроизводства, и ознакомиться со структурой цены хлопка при ее свободнорыночной детерминированности. На этот счет применительно к туркестанскому хлопкопроизводящему хозяйству мы располагаем оригинальными данными за 1915 г.

В этом году для того, чтобы получить 1 пуд (16,4 кг) хлопка-волокна в Кокандском уезде, необходимо было очистить 3,45 пуда хлопка-сырца стоимостью 18,79 руб. (выход волокна составлял 29%); на очистку этой массы нужно было затратить 0,35 руб. (по 10 коп. за пуд). Данная производственная операция обеспечивала получение 2,25 пудов семян хлопчатника стоимостью 1,42 руб. (по 63 коп. за пуд — по ценам ферганского рынка). Таким образом, “себестоимость пуда волокна”

(которая, впрочем, включала и прибыль производителя) составляла в Коканде в 1915 г. 17,72 руб.⁹³. Доставка одного пуда хлопка-волокна первого сорта нормального из Ферганы в Центральный промышленный район России составляла (включая прибыль поставщика) 6,25 руб.⁹⁴, или 35,3% цены продукта местного хлопкодержателя. В результате нетто франко цена фабрики Центрального промышленного района достигала 23,97 руб. за пуд волокна.

Таким образом, франко цена потребителя (конечного покупателя) волокна состояла из трех основных частей, отражавших три последовательные ступени производства продукта, именуемого “хлопковое волокно”. Это - цена собственно волокна, пока еще заключенного в хлопчатнике (данная часть франко цены была представлена, как отмечалось выше, ценой производителя-земледельца, включавшей, помимо прочего, издержки по возделыванию хлопка-сырца) и хранившегося на месте производства; расходы по очистке хлопка-сырца и, наконец, расходы по доставке (транспортировке) полученного волокна - франко покупателю и/или качественно новому (промышленному) производителю (переработчику сырья).

Чтобы оценить масштабы ценового разрыва, которые указывали бы на величину сформировавшейся в рамках конечной цены “избыточной” стоимости, подлежащей отчуждению кратократией, применительно к началу 90-х годов XX века, мы должны по меньшей мере вычленили расходы (абсолютные величины которых нам не известны) на две последние ступени производства хлопка-волокна. Это можно сделать двояким путем: а) соотнести их с ценой производителя-земледельца (взяв в качестве аналога, например, уже известные нам пропорции составляющих цены хлопка-сырца при свободном ценообразовании в 1915 г., получим, что величина данных расходов плюс возможная прибыль, возникающая на рассматриваемых стадиях производства, составит 38,57% от цены производителя-земледельца); в этом случае, т.е. если использовать для наших расчетов показатель соотношения между различными видами издержек, выявленный для 1915 г., получим, что все предположительные издержки производства хлопка-волокна (с возможной прибылью от него) в начале 90-х годов (например, в 1991 г.) составят 31,18% нетто франко цены покупателя хлопка (в нашем случае — экспортной цены f.o.b.; напомним, что местная государственная цена на хлопок-волокно, выплачиваемая производителю хлопка, в счет покрытия издержек производства продукта, составляла в 1991 г. 22,5% последней); или б) выделить эти издержки из нетто франко цены покупателя (в этом случае их доля составит 27,95% данной цены); и соответственно получим, что все предположительные издержки производства хлопка-волокна ко времени заката СССР достигают 50,45% нетто франко цены покупателя. (В действительности, однако, рассчитанные по методу аналогии оба показателя — величины, отражающие лишь **часть**, но отнюдь **не все**

издержки производства. Это мы и проиллюстрируем немного ниже. Сейчас же для нас необходимо установить возможную верхнюю границу отчуждаемой стоимости хлопка-волокна, выраженной как доля конечной цены данного подукта.)

Итак, **чистая неоплаченная дань, взимавшаяся с производителей хлопка и обретавшая материальный облик в ходе операций по его экспорту, составляла в начале 90-х годов, в зависимости от метода оценки, от 69% до 50% величины его экспортной (рыночной) цены f.o.b.**

Узбекистан в этом отношении — совсем не уникален. В тех, по терминологии ООН, “наименее развитых” странах, где власть (например, в лице государства), превращаясь в монополию, сопровождается к тому же внеэкономическим принуждением, становилась агентом производственных отношений, наблюдались аналогичные явления. Например, в Бирме в первой половине 60-х годов посредством принудительной закупочной цены на рис — основную культуру — у производителя отчуждалось в разные годы от 1/3 до 2/5 чистой мировой (рыночной) цены этого продукта. Во второй половине 70-х годов чистая доля бирманской кратократии (в лице государства) составляла от 1/3 до 3/5 мировой цены национального урожая риса, а в конце 80-х годов обязательные поставки риса в “закрома государства” (одна треть валового урожая) оплачивались по цене, составлявшей лишь половину цены свободного (от государственного принуждения), или, как его называют власти Бирмы (Мьянмы), “черного” внутреннего рынка⁹⁵.

Эта дань, выступавшая в виде разницы между монопольно низкой закупочной ценой, навязываемой производителю, и свободнорыночной (в частности, экспортной) ценой, была в свое время определена мною (на примере порядка изъятия у бирманских крестьян продукции риса и ее рыночной реализации) как “монопольная рента”, как продукт специфической монополии, которая “есть атрибут власти, одна из социальных форм ее проявления”⁹⁶. Иначе говоря, именно присвоением монопольной ренты, порожденной способностью власти принуждать производителя, кратократия (“власть власти”) **реализовала себя экономически** в хлопковом хозяйстве (как, очевидно, и в других секторах производства в сельском хозяйстве). Из сказанного вытекает также, что данная монопольная рента была выражением **коллективной формы присвоения кратократией земледельческого продукта** (в нашем случае — продукта хлопководства).

Особую форму коллективного отчуждения воспроизводимого в Узбекистане продукта воплощал “налог с оборота”, обеспечивавший на рубеже 80-х — 90-х годов от двух пятых до половины общей суммы внутренних поступлений в государственный бюджет Республики⁹⁷. Что касается сельскохозяйственного продукта, социализм советского образца априори, на вполне легитимном основании, предполагал экспроприацию его части — посредством взимания как раз “налога с оборота” — дани,

формировавшейся именно разностью принудительно установленных реализационных цен. Послушаем ЦСУ СССР (теоретические постулаты которого адекватно “озвучивал” на месте его “младший” партнер — Госкомстат Узбекской ССР): “Уровень цен, как бы невзначай замечает этот коллективный автор, не всегда отражает общественно необходимые затраты труда на производство продукции (или — иначе — оказавшаяся в ценовой “вилке” продукция просто напросто отчуждается у непосредственного производителя по цене ниже стоимости. — В.Р.). Часть национального дохода, созданного в сельском хозяйстве, реализуется в форме налога с оборота и прибыли в пищевой промышленности и других отраслях материального производства, включаемых в АПК, а также в легкой промышленности”⁹⁸. Из описания данной распределительной акции следует: совокупный (отраслевой) непосредственный производитель первичного (сельскохозяйственного) продукта **не возмещал полностью вложенного в его производство труда; часть этого труда без оплаты отчуждалась от имени государства кратократией** — предположительно в целях формирования государственного бюджета.

Хлопководческое хозяйство Узбекистана являет в этом отношении весьма впечатляющий пример. Мало того, что, как мы видели выше, производители хлопка получали за произведенный ими продукт четвертую или пятую (и даже меньшую) часть его рыночной цены, почти вся масса хлопка-волокна (за исключением мизерной доли; см. раздел 8) **вывозилась из Республики и реализовывалась за его пределами** — и как экспортный товар, и как сырье для хлопкоперерабатывающих предприятий промышленных регионов СССР. При этом именно “Центр” (а не Республика) выступал субъектом присвоения части цены продукции хлопководческого хозяйства, отчужденной через механизм ценового принуждения. На хлопководство же Узбекистана как отрасль народного хозяйства приходились и наибольшие (по сравнению с другими отраслями) чистые потери в результате неоплачиваемых отчуждений его продукта. Таким образом, как объект реализации монопольной ренты в ее кратократическом варианте хлопководческое хозяйство Республики выступало в двух ипостасях: условно — “внешней” (производство “рентного материала”, присваиваемого посредством экспорта) и опять же условно — “внутренней” (поставки хлопка-волокна на хлопко-перерабатывающие, главным образом, внереспубликанские, предприятия, и, соответственно, “рентного материала” для подпитки союзного бюджета в форме “налога с оборота”). И так было до самого конца существования СССР. Что же произошло впоследствии?

После достижения Узбекистаном независимости формула распределения валового дохода от реализации продукции хлопкового хозяйства стала претерпевать определенные изменения.

Во-первых, изменился юридический субъект присвоения неоплачиваемого продукта. Таковым стало национальное государство.

Во-вторых, экономическая реформа положила начало процессу постепенного ослабления ранее безраздельной монополии кратократии, действовавшей от имени государства, на приобретение продукции хлопкового хозяйства (“государственный заказ”) по принудительно установленным (заниженным) ценам (“государственные закупочные цены”). В 1991 г. эта монополия распространялась на 95% планового объема сбора хлопка-сырца, в 1992 г. — на 85%, в 1993 г. — на 80% и в 1994 г. — предположительно лишь на 75%⁹⁹. Остальную часть продукции могли самостоятельно реализовать на рынке ассоциации хлопкопроизводителей (колхозы и совхозы), по поручению которых хлопкоочистительные предприятия за особую плату осуществляли джинирование этой “свободной” (от госзаказа) части сбора хлопка-сырца. По особому разрешению уполномоченных на то властных структур данные ассоциации даже могли “от себя” экспортировать “свой” хлопок-волокно в страны “дальнего зарубежья”.

Но... здесь мы вновь оказываемся в мире Зазеркалья, столь эффектно поражающем нас своими парадоксами. Согласно новой формуле распределительного процесса вся выручка от самостоятельной реализации хлопковыми ассоциациями 20-ти процентной доли (1993 г.) сбора хлопка-сырца переходит “под контроль областных властей”¹⁰⁰. (Вот так! Производят и реализуют продукцию на рынке одни агенты производственных отношений, “контролируют” доход, т.е. его распределение, совсем другие агенты, к созданию данного дохода отношения не имеющие!) Более того, именно “областная власть решает, как использовать поступления средств от продажи части хлопка, не включенной в государственный заказ, обращая их, например, в инвестиции в местную инфраструктуру”.

Такой тип формирования и реализации дохода представляется иррациональным — но только с точки зрения стандартных норм частно-собственнических отношений. Совсем иначе он должен быть оценен в контексте распределительных законов, царящих в мире Зазеркалья, логике функционирования которых данный тип отношений соответствует адекватно. И в самом деле, “совхозы и колхозы не имеют формального права требовать передачи им выручки от экспорта или продажи хлопка (на внутреннем рынке. — *В.Р.*), включая выручку от реализации массы хлопка, произведенного сверх плана. Эти хозяйства могут лишь обращаться с формальной просьбой по поводу этих поступлений к областным властям”¹⁰¹. Как здесь не вспомнить сентенцию одного из героев русского классика: “Ба! знакомые все лица!” Действительно, вот он — до боли знакомый лик кратократии, которая не хочет, ну никак не хочет отпустить “на волю”, в зону рыночных отношений, свои производственные “придатки”, концентрирующиеся в агросфере.

Часть отчужденного продукта возвращалась в народное хозяйство Узбекистана и использовалась на цели коллективного потребления, т.е. обращалась на удовлетворение действительных или мнимых

(представленных кратократией, однако, в качестве действительных, истинных) интересов общества в целом. И в этом качестве она в полном объеме или в отдельной своей фракции обладала признаками **коллективной формы необходимого продукта**. В значительной своей массе возвращаемый продукт (его денежный эквивалент) поступал в общереспубликанский, если использовать здесь понятие Марксовой политэкономии, “рабочий фонд”, принимая вид субсидий для сферы личного потребления. (Такие субсидии выступали как государственные расходы по поддержанию цен на определенные предметы личного потребления, реализующиеся на государственном рынке, на одном и том же, считающемся низким, уровне — в соответствии с идеологией советской системы; данная “привилегия” распространялась в первую очередь на основные продукты питания.) Например, в том, что касается неоплачиваемых отчуждений продукта у производителей хлопка в виде монопольной ренты в ходе экспортных операций, то, по осторожному суждению МВФ, доходы от этих отчуждений “использовались государством, чтобы предположительно субсидировать зерновой импорт”¹⁰².

Субсидирование сферы личного потребления было весьма важной статьей расходов государственного бюджета Республики (через него в 1987—1992 гг. “прокачивалось” от 1/4 до 1/3 республиканского ВВП при его измерении по принятым организациями ООН стандартам); например, в 1991 г. субсидирование только цен на потребительские товары поглотило сумму, составлявшую 10,1% общей величины бюджетных расходов¹⁰³.

Чтобы более полно представить себе масштабность операций по субсидированию фонда личного потребления Республики, полезно сопоставить расходы на субсидии с расходами по другим важным направлениям реализации ВВП, например, с капитальными вложениями. На рубеже 80-х — 90-х годов соотношения удельных весов затрат по данным статьям государственных расходов характеризовались следующими показателями (в % от ВВП Узбекистана)¹⁰⁴:

	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
Поддержка розничных цен на потребительские товары*			3,3	9,6	7,8	18,1
Продовольственные субсидии**					5,4	5,8
Капитальные вложения	13,9	13,6			7,3	3,5

* Для показателей за 1989—1991 гг. учтено только финансирование из союзного бюджета (“гранты”); показатель за 1992 г. — сводный, отражает как государственные расходы на поддержку розничных цен (величиной 7,9% от ВВП), так и оценочные расходы государства по субсидированию

продовольственного импорта (10,2% от ВВП) (с 1992 г. Узбекистан как суверенный субъект СНГ самостоятельно ведет свои финансовые дела).

**** Нормальные субсидии, выделяемые государством исходя из соотношений (структуры) внутренних цен.**

Как следует из приведенных данных, в начале 90-х годов, когда распределительная система коммунистического порядка фактически уже окончательно рухнула, а союзная и местная кратократия, пытаясь ее спасти, пока еще активно отстаивала “социалистический метод” при распределении национального продукта - по учетно-ценовым, до крайности искаженным (если судить по детерминантам рыночной экономики) пропорциям его раздела, вынужденные потребительские субсидии уже в несколько раз превышали инвестиционный фонд.

Весьма примечательным явлением в этих усилиях удержать потребительские (особенно продовольственные) цены на “стабильном” уровне было то, что данный процесс обильно (но отнюдь небезвозмездно — см. ниже) финансировался из союзного бюджета. Союзные “гранты” (субвенции) формировали довольно весомую часть национального дохода Узбекистана (они составляли более 1/10 в конце 80-х и около 1/4 в начале 90-х годов от величины произведенного в Республике национального дохода, если принять “социалистический” вариант его оценки, т.е. относя к нему, по определению бывшего ЦСУ, только “сумму чистой продукции отраслей сферы материального производства”¹⁰⁵). А применительно к ВВП Узбекистана на рубеже 80-х — 90-х годов эти “гранты” (чистое сальдо), по данным МВФ, характеризовались следующими относительными величинами¹⁰⁶:

	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.
млрд.руб.	1,9	2,3	3,6	6,4	12,0
% по отношению к ВВП Республики	7,0	8,0	11,8	19,8	19,4

(Читателя, возможно, заинтересует такой любопытный факт: массивное “накачивание” бюджета Республики дополнительными союзными субвенциями стало происходить по меньшей мере за два года до монетаристских “реформ Гайдара” в России, т.е. еще задолго до распада СССР. И это была последняя попытка союзного руководства сдерживать инфляционный напор повышательной динамики цен.)

На основании имеющихся данных сальдо баланса оттока из общественного хозяйства агросферы стоимостей (цена монопольной ренты) и притока в него стоимостей извне (цена фонда

субсидий) не поддается точному исчислению. Однако на следующие два обстоятельства обратить внимание необходимо.

Во-первых, в самом механизме этого “обмена” стоимостями было заложено глубокое неравенство. “Материал” для монопольной ренты формировался эксплуатацией работников общественного хозяйства, в первую очередь хлопководов; отчуждался через ценовую разницу именно их труд. А распределялись возвращаемые кратократией стоимости (через фонд субсидий) среди всего покупающего населения, причем здесь действовало правило: чем больше та или иная группа выступала покупателем на рынке, тем большую массу стоимостей в форме субсидий она получала. Со ссылкой на анализ, проведенный в разделе 10, мы позволим себе здесь заметить: работникам общественного хозяйства агросферы ценовые “льготы”, обеспечиваемые субсидиями, доставались в гораздо меньшей степени, чем внесельскохозяйственным группам населения (а по ряду товаров личного потребления — и вовсе не доставались). Без какой-либо натяжки можно утверждать, что у производителей хлопка, основной группы работников общественного хозяйства, сальдо баланса оттока и притока стоимостей было выражено крупной отрицательной величиной.

Функциональная взаимозависимость между сельскохозяйственными ценами и потребительскими субсидиями была, естественно, много глубже, воплощая качество, свойственное сугубо кратократической форме производственных отношений.

Учрежденная кратократией для общественного хозяйства (в частности — его хлопкопроизводящего сектора) **экспроприаторская система цен** на его продукцию, “обязательных к исполнению” (т.е. основывающихся на властном принуждении обобщественного производителя), обеспечивала существенное понижение фонда заработной платы. И в этом заключалась ее **основная функция**. Именно он, этот фонд, самый “подвижный” и самый масштабный элемент издержек производства, “страдал” в первую очередь — из-за того, что “уровень цен” на сельскохозяйственную продукцию, вновь напомним здесь откровение ЦСУ СССР, “не всегда отражает (т.е. не покрывает. — *В.Р.*) общественно необходимые затраты” на ее производство (см. выше). МВФ в связи с этим проводит сравнение: “Издержки производства хлопка в Центральной Азии, по имеющимся оценкам, **намного(!)** ниже тех, которые наблюдаются в других хлопкопроизводящих странах”. И делает вывод: “Поэтому продажа хлопка-волокна приносит солидные доходы. Согласно свидетельству Международного консультативного комитета по хлопку, эти низкие издержки являются следствием низкой заработной платы”¹⁰⁷, которая, как отмечалось ранее, **превышает две трети всех издержек производства** (см. раздел 6).

Оцениваемая в таком контексте, **главная функциональная роль**, выполняемая потребительскими субсидиями, становится вполне очевидной: эти субсидии, частично компенсируя поглощенную монопольной рентой (и поэтому — невыплаченную) часть заработной платы, способствуют **консервации системы экспроприаторских цен на продукцию общественного хозяйства**.

Во-вторых, при перераспределении между “Центром” Союза и “периферийным” Узбекистаном хлопковой (как, возможно, и других видов монопольной) ренты и в результате выплаты (“Центром”) возмещающих компенсаций (в форме субвенций, в частности, для субсидирования потребительских цен) сальдо баланса платежей, очевидно, складывалось в пользу “Центра”, во всяком случае — в годы “нормальных”, отлившихся в прочную традицию, отношений между Союзом и Республикой по поводу взаимных платежей. Это, например, ярко проявилось при межреспубликанском разделе финансового наследства СССР сразу же после его распада¹⁰⁸. Не удивительно, что сохраняет свою актуальность проблема: какая часть продукта, отчуждавшегося из общественного хозяйства агросферы Республики без оплаты, в потоке социально-экономического процесса в истории вообще оставалась в пределах “периферийного” Узбекистана? Эта проблема еще ждет своего исследователя.

Но с высокой долей вероятности можно утверждать, что тормозящее воздействие неоплачиваемого отчуждения общественного продукта при кратократической форме социального устройства общества сказывалось на механизме экономического роста, очевидно, сильнее, чем даже при системе частной собственности, еще не вполне развившейся в современную ее форму, т.е. системе собственности, значительные сегменты которой еще были обременены отношениями внеэкономического принуждения.

Например, в том же Узбекистане при рыночной демократии (в частности, в 10-х — 20-х годах) часть цены реализуемого на рынке продукта также представляла неоплаченную дань, присваивавшуюся различными эксплуататорами труда (местные предприниматели из байской верхушки, многочисленное племя торговых посредников и ростовщиков, владельцы хлопкоочистительных заведений), а непосредственные производители, охваченные теми или иными отношениями эксплуатации и зависимости, получали скудную заработную плату (как, например, наемные земледельческие рабочие)¹⁰⁹, располагали мизерным личным доходом (как, например, издольщики — производители хлопка)¹¹⁰. Часть присвоенного эксплуататорами продукта формировала фонд накопления, использовавшийся как в самом Узбекистане (или, точнее — Туркестане, включавшем пока еще не вычлененный из него Узбекистан), так и за его пределами. Рядом с

обширными отрядами таких наиболее эксплуатируемых непосредственных производителей, однако, существовал значительный слой более или менее самостоятельных средних **товаропроизводителей**, преимущественно собственников земли, в целом меньше подверженный принуждению со стороны эксплуататорских групп села или “внешних” эксплуататоров и выступавший вместе с крупными хозяевами-земледельцами одним из оплотов экономического роста в агросфере Узбекистана.

Результаты неоплачиваемых отчуждений продукта, по каким бы каналам они ни осуществлялись, как и перераспределения отчужденного продукта между российским (союзным) “центром” и “периферией”, в контексте условий экономического роста в разные исторические эпохи, оказались принципиально разными.

То, что хлопкопроизводство в Узбекистане при такой огромной монопольной ренте стало по крайней мере в последние десятилетия существования СССР экономически “провальным” предприятием, убеждает простой факт: вспомним, сколь быстро восстанавливались посевы хлопчатника в период действия рыночных детерминант экономического роста (см. в разделах 1, 2 данные о динамике посевов хлопчатника в 10-х — 20-х годах)! И, наоборот, сразу же, как только стала слабеть жесткая хватка кратократии, державшей за горло хлопкопроизводителей Узбекистана, началось свертывание (в начале 90-х годов) производства хлопчатника (см. табл.1), в чем, помимо прочего, нашли отражение сдвиг структуры сельского хозяйства в сторону восстановления ее оптимального состояния (см. раздел 9), с одной стороны, и тенденция коллективизированных труженников земли к освобождению от чрезмерностей гнета монопольной ренты, взимавшейся с них от имени государства кратократией на основе различного внеэкономического принуждения, с другой.

И еще. Экспроприаторская система цен не просто тормозила техническое перевооружение хозяйства агросферы — тем, что способствовала перекачке потенциального фонда накопления обобществленных производителей к кратократии, якобы осуществлявшей эту функцию вместо них — равноценно или даже “лучше”; она блокировала становление условий, единственно позволявших “вдохнуть жизнь” в новые, экономически наиболее эффективные, технологии, — тем, что лишала этих производителей **мотивации к экономии труда и, соответственно, повышению производительности труда, к экономии природных ресурсов производства и материалов, созданных трудом. Ибо данная система подавляла личный интерес этих производителей, ориентированный на производство.** Вся история развития хлопководческого хозяйства Узбекистана в советское время это убедительно доказывает.

Впрочем, не будем упускать из виду и объективные обстоятельства, действовавшие на ценовые пропорции обмена в агросфере. Само существование столь доходной (для кратократии) системы экспроприаторских цен оказалось возможным не только потому, что кратократия принуждала обобществленных производителей непосредственно; оно оказалось возможным и потому, что имманентный “землесберегающему” ТСП даже в эпоху индустриализации “избыток” живого труда, сконцентрированный в агросфере, сам “от себя” вызывал **обесценение** рабочей силы (как фактора производства, находящегося при данном ТСП в максимуме, по отношению к природным ресурсам как фактору производства, находящемуся в минимуме), позволяя воспроизводить ее как норму, в долгосрочной исторической ретроспективе, при **худших стандартах ее оплаты**.

Другая форма неоплачиваемого отчуждения и присвоения продукта хлопководческого хозяйства относится к области отношений, где функционеры кратократии выступают уже индивидуальными субъектами присвоения. Особенность частной формы присвоения при коммунистическом порядке заключается в “двухрусной” структуре его механизма: первичное неоплачиваемое отчуждение и частное присвоение земледельческого продукта (в том числе в виде доли продукта, выступающего как часть рассмотренной выше монопольной ренты) производится кратократией как целостным (коллективным) агентом производственных отношений (т.е. имеет место, иначе говоря, экономическая реализация кратократией общественной собственности — государственной и колхозной — в форме **корпоративного частного присвоения**). Но затем в действие вступает механизм перераспределения изъятого у действительных производителей (в данном случае — тружеников общественного хозяйства) продукта непосредственно между различными по занимаемому месту в иерархически организованной системе власти группами функционеров кратократии (т.е. имеет место **частное присвоение на индивидуальной основе** — в пропорции, определяемой “по чину” присваивающего субъекта).

Встроенными звеньями механизма этого вторичного распределения (перераспределения) в Узбекистане были в 70-х — 80-х годах уже не монопольные цены и принуждение производителя (открытое или имитируемое как “добровольное” действие) продавать по ним свой продукт, а принявшие (если судить по многочисленным материалам прессы 80-х годов) характер пандемии “взяточничество” и “приписки”, причем каждое из этих звеньев выполняло в процессе перераспределения коллективно присваиваемого функционерами кратократии продукта свою особую функцию.

“Взяточничество” доводило до каждого функционера кратократии причитающуюся ему — в соответствии с занимаемым

им местом в иерархической структуре власти — его долю. Бывший первый секретарь райкома бывшей КПСС Алимбай Примов в своих показаниях следствию по “хлопковому делу” 80-х годов весьма точно охарактеризовал механизм восходящего движения отчужденного у производителей кратократией продукта, предназначенного для индивидуального присвоения: “Они (“бюрократические связи”, “несуразные инструкции”! и др. — *В.Р.*) ставят низового хозяйственника в необходимость идти на поклон к клерку в исполком, райком, агропром. Начинается капиллярный отсос мелких взяток. На другом этаже — начальственно-межведомственном — возникает уже более простая, но крепчайшая сосудистая система “слияния взяток” в мощное русло. Затем наступает момент, когда от этого потока отходят “рукава” в кабинеты более высоких руководителей в области, республике, в Москве... Но и тут много тонкостей — случается, ниточка петляет очень хитро и долго, прежде чем выйти на самый “верх”¹¹¹.

Очевидно, что описанная Примовым технология перераспределения коллективно присвоенного корпорацией функционеров кратократии продукта сродни механизму, свойственному “азиатскому способу производства”(АСП) (этот механизм был наиболее полно, “до мельчайших винтиков”, раскрыт Ю.И.Семеновым¹¹²), представляя его современный аналог. Разница между обоими явлениями (процессами) присвоения состояла разве только в том, что в то время как при АСП такой механизм перераспределения присвоенного был узаконен волей (и тем самым — юридически) “объединяющего единого начала, реализованного в деспоте” (К.Маркс)¹¹³, установленные кратократией “правила игры”, опиравшиеся на идеологические постулаты советской системы, напротив, предполагали “осуждение” порожденного кратократией же и ей имманентного механизма частного присвоения¹¹⁴ (отсюда — и использование содержащего моральное осуждение понятия — “взятка”, “взяточничество” как уголовно наказуемого деяния¹¹⁵).

А вот формировался фонд продукта, служивший накопительным резервуаром “материала” для частного присвоения на индивидуальной основе (т.е. для перераспределительной акции в отношении продукта, присвоенного корпорацией “держателей власти” как социальной целостностью), посредством так называемых “приписок”, того звена распределительного механизма, которое обеспечивало “возврат” части продукта, присвоенного кратократией как целостным (коллективным) субъектом присвоения (отсюда — и точно обозначенные адресный источник и форма “возврата”, описанные понятием, предполагающим при организации общества на началах коммунистического порядка наиболее суровые уголовные наказания и публичные моральные осуждения, — “кража государственного и общественного имущества”); таковая, совершенная

“в особо крупных размерах”, могла повлечь за собой “высшую меру наказания” — смертную казнь).

Велика ли была доля стоимости, присваивавшаяся иерархами кратократии в процессе отчуждения и распределения продукта хлопководческого хозяйства Республики, “основного кормильца” социальных слоев, обладавших монополией на власть? Попробуем, в грубом приближении, определить ее, опираясь на имеющиеся (опубликованные), однако, весьма скудные данные, требующие, при обработке их, некоторых допущений (впрочем, основанных на реальном ходе экономического и политического процессов).

По данным МВФ, хлопководство Республики обеспечивало 40% валового сельскохозяйственного продукта Узбекистана¹¹⁶. Если для наших целей воспользоваться данными за 1981—1985 гг., период наиболее разнузданного разгула местной кратократии на ниве реализации общественной (коллективной и государственной) собственности в интересах частного (личного) присвоения (в различных его формах), то при применении указанного коэффициента величина продукта хлопководства (в виде массы хлопка-сырца), произведенного за данный период, может быть оценена (в ценах 1983 г.) в 20,26 млрд. рублей¹¹⁷. Широкой публике советской страны было сообщено также, что “сейчас доказано” (на базе материалов следствия по упомянутому “хлопковому делу” в Узбекистане), что только в отрасли, производящей основную сельскохозяйственную культуру, “хлопковые магнаты украли у государства **больше четырех миллиардов рублей, половину из которых рассовали по своим карманам**” (подчеркнуто мною. — В.Р.)¹¹⁸. Черпались эти миллиарды, естественно, из закромов поручика Киж, превращавшего миражи “приписок” в еще не утратившие до конца свой покупательский вес рубли (а при случае, если выпадала такая возможность) и в более надежную — звонкую (золотую) монету (царской чеканки).

Между тем, как мы помним, “приписки” составляли в пятилетии 1976—1980 гг. 6,4% к официально принятой величине сборов хлопка-сырца в Узбекистане (т.е. мы принимаем здесь на веру выправленные, взамен первоначально обнародованных, статистические данные об этих сборах); а в 1981—1985 гг. “приписки” были эквивалентны уже 11,0% величины производства хлопка-сырца (см. “Введение”). В 1983 г., году “приписочного” пика, данный показатель увеличился до 20,1% (однако не “половина”, а “лишь” 37,8% стоимости, “родившейся” вследствие “приписок”, было “похищено” частными лицами)¹¹⁹. Можно предположить, что пропорционально величине “приписочного” объема производства были произведены (в основном главным потребителем хлопка — “Центром” Союза) и выплаты за него. К сожалению, начиная с 1986 г., мы не

располагаем “точкой опоры”, позволившей бы оценить в каком-то приближении размеры частного присвоения в колхозно-государственном хлопководстве: в реестре статистических данных “приписочное” производство уже не улавливается, хотя пленум ЦК КП Узбекистана (т.е. правящего властного института), состоявшийся в начале 1988 г., не мог не признать, что частное присвоение в Республике посредством экономической реализации нечастной (коллективной и государственной) собственности продолжается: “хуже того — продолжаются хищения, приписки, взяточничество”¹²⁰. (Поистине неистребима жажда богатства у функционеров кратократии, “берущих” даже под нависшей — в то время — угрозой изъятия ряда их групп “из обращения”!)

Поэтому мы вынуждены допустить, что “доказанный” временной интервал, в течение которого иерархи кратократии присвоили “больше четырех миллиардов рублей”, охватывает указанные два пятилетия, при этом на период 1981—1985 гг. приходится 64,4% общей суммы присвоенных ими посредством механизма “приписок” средств, что составляет не менее 2529 млн.рублей.

В целях большей наглядности полезно сопоставить данную величину не с ценой валового продукта хлопководства, а с величиной формирующегося в нем валового дохода. В качестве показателя удельного веса валового дохода в валовом продукте мы принимаем 65%¹²¹. В этом случае валовой доход в хлопководстве за период 1981—1985 гг. может быть оценен в 13,17 млрд. рублей (в ценах 1983г.).

Итак, обозначенная “приписками” масса продукта чужого труда, присвоенная кратократией в первой половине 80-х годов и в большей части своей реализованная в худшей форме — форме тезаврированных денежных ресурсов (хранение “в чулке”) или форме приобретения предметов роскоши, при сделанных допущениях была эквивалентна 19,2% валового дохода, полученного от хлопководства. И если приведенные выше оценки могут быть приняты как отражающие реальный ход вторичного частного присвоения (т.е. если принять, что половина присвоенного в ходе вторичного присвоения оказалась в “карманах” “хлопковых магнатов”), **иерархи кратократии Узбекистана того времени присвоили за это пятилетие стоимость, равную десятой части валового дохода самой крупной, детерминантной отрасли аграрной экономики** (остальная — одна десятая — часть, как можно предположить, была израсходована в сфере коллективного потребления, в том числе, по-видимому, на покрытие “незапланированных” издержек производства)¹²².

8. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ *VERSUS* ХЛОПКОВАЯ МОНОКУЛЬТУРА (НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ)

Каким же образом, при столь высокоразвитой хлопковой монокультуре, Республика распоряжалась своим богатством “белого золота”, на созидание которого уходил труд, по-видимому, свыше половины сельскохозяйственного населения? Исторический опыт свидетельствует, что вплоть до начала 30-х годов Республика, практически полностью лишенная индустриальной базы экономического роста, представляла собой в полном смысле слова “чистый” аграрно-сырьевой придаток — прежде фабрики промышленного “центра” Российской империи, а позднее фабрики Советского Союза. Отметим, что, как свидетельствует опыт других стран, именно главная сырьевая отрасль зачастую становится тем фундаментом, на котором начинается процесс индустриального роста на национальной основе, развивается новая система общественного разделения труда (ОРТ). При этом, как опять же показывает исторический опыт, во многих странах именно текстильная промышленность, становилась ведущей отраслью индустриального роста на первых его этапах, отраслью, которая втягивала в процесс современного экономического роста все другие отрасли производства. Из недавних примеров из области новой истории полезно вспомнить хотя бы опыт Индии и Пакистана.

В последнем, например, местная буржуазия, поддерживаемая государством, немедленно по достижении Пакистаном независимости в 1947 г. приступила к индустриализации страны, используя национальные аграрно-сырьевые ресурсы, в первую очередь продукт хлопкопроизводящей отрасли земледелия; при этом пакистанская текстильная фабрика развивалась на базе самой современной техники. Именно бурно расцветавшая хлопчатобумажная промышленность, осваивавшая “свой” (внутренний) рынок, стала одной из мощных опор современного экономического роста в Пакистане¹²³.

В Узбекистане же по существу до начала 30-х годов полностью отсутствовала промышленная база переработки главного продукта Республики. Например, выручка от выработки тканей в 1913 г. составляла лишь 0,09% от величины стоимости продукта хлопкоочистительной промышленности. В 1928 г. эта доля поднялась до 0,11%, и даже в 1937 г., когда Республика проходила тот этап в своем экономическом развитии, который относится к ранней индустриализации, данный показатель составлял только 10%¹²⁴. То есть функцией промышленности была подготовка первичного сырья (очистка хлопка), без его последующей **качественной переработки** — создания продукта конечного потребления (выработка тканей). И тем не менее индустриальная волна, подталкивавшаяся первыми “сталинскими пятилетками”, не обошла своим влиянием Узбекистан: в Республике начался некоторый рост хлопчатобумажных предприятий на базе собственного сырья, на долю которых к 1940 г. приходилось 2,7% общего объема выработки в Союзе хлопчатобумажных тканей (см. табл.10); позиции абсолютного монополиста — производителя хлопчатобумажных тканей в СССР — РСФСР были чуточку потеснены. И за те же годы Республика смогла увеличить душевое производство хлопчатобумажных тканей с 1,2 м² до 12 м² (см. табл.10), т.е. до величины показателя Индии в 70-х — 80-х годах. Для “чисто” аграрной страны это действительно был сильный рывок в потенциально ведущей отрасли промышленности. Напомним, что Россия за этот же период времени увеличила свой производственный потенциал в хлопчатобумажной промышленности в относительно меньшей степени, подняв душевое производство тканей всего лишь с 17 м² до 23 м².

Но здесь следует обратить внимание на следующие два обстоятельства. По сравнению с той массой хлопка, которая производилась в Республике, созданный промышленный потенциал для его переработки еще был крайне незначителен (ср. данные об удельном весе производства хлопка-сырца в табл.10). Республика, несмотря на этот ранний индустриальный рывок в области потенциально ведущей отрасли экономики, к началу войны так и осталась аграрно-сырьевым придатком — поставщиком хлопка-волокна для хлопкоперерабатывающих предприятий промышленных регионов СССР (наибольшей концентрацией таких предприятий отличался Центральный промышленный район). Забегая вперед отметим, что эту функцию Республика сохранила вплоть до распада Советского Союза в 1991 г. По сведениям МВФ, Республика перерабатывала лишь около 12%¹²⁵ производимого ею хлопка-сырца (1991 г.), а по нашим расчетам, осуществленным на основе данных Статкомитета СНГ и ФАО, в 1992 г. эта доля составляла 18% (причем ее увеличение могло быть отнесено главным образом на счет падения производства хлопка — на 19,5% по сравнению с уровнем

1986—1990 гг. и на 9,5% по сравнению с 1991 г.¹²⁶; см. данные о балансе движения хлопка-волокна в табл.10), а в 1993 г. - 16,5%¹²⁷.

Центральная проблема хлопковой монокультуры в Узбекистане в контексте индустриального развития Республики заключалась в том, что кратократия “центра” воспротивилась тому, чтобы Республика базировала и продвигала свой индустриальный рост путем использования в максимально возможной степени обильнейших ресурсов хлопкового сырья. В Узбекистане “власть власти” жестко осуществляла закон безусловного приоритета общесоюзного общественного разделения труда в противовес и в ущерб местному (национальному) ОПТ. Развивая хлопковую монокультуру в агросфере до пределов, беспрецедентных в мировой истории (напомним, в течение нескольких десятилетий хлопчатник занимал 47% — 50% всей посевной площади в Республике. — см. табл.1), кратократия позволила развиваться перерабатывающему хлопок промышленному комплексу в конечном итоге лишь до уровня, обеспечивающего весьма скромные душевые потребности населения Республики в хлопчатобумажных тканях (22 м²), который Россия заметно превысила уже к 1960 г. (см. табл.10). При этом, если судить по последним годам существования Советского Союза, даже этот уровень мог поддерживаться лишь благодаря импорту хлопчатобумажных тканей (см. табл.10). В свете сказанного не кажется удивительным, что Россия (взятая в границах РСФСР и, в частности Центральный промышленный район, который был историческим центром производства хлопчатобумажных тканей в стране) постепенно уступала свое лидерство в производстве таких тканей в пользу других территорий бывшего СССР, но не Узбекистана. Последнему от этого “пирога” досталась минимальная доля (см. табл.10).

Более того, по завершении раннего “индустриального рывка” в хлопчатобумажной промышленности, с начала 60-х годов ее потенциал в Узбекистане был надолго (на два десятилетия!) “заморожен”. Нижеследующие данные показывают динамику производства в Узбекистане хлопчатобумажных тканей (1960 г. = 100)¹²⁸:

1940 г.	1950 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1973 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1991 г.
41	64	100	112	94	102	99	194	258	216

В результате душевое производство тканей данного типа с начала 60-х годов “покатилось вниз”: ведь численность населения Узбекистана, как мы видели выше, увеличивалась в 60-х годах на 2% ежегодно, а в 70-х — на 3%! К началу 70-х годов душевое производство хлопчатобумажных тканей едва превосходило тот уровень, которого Узбекистан достиг во времена раннего

промышленного строительства, т.е. до 1940 г. (например, в 1973 г. было произведено всего 13,5 м², против российских 39 м²), а к началу 80-х годов оно снизилось до уровня 1940 г. — 11,4м². “Снова и снова замыкается круг” (Айзек Азимов. Конец вечности. Гл.13). В 1980 г. Узбекистан производил в расчете на душу населения лишь половину того количества хлопчатобумажных тканей, которое в действительности потреблял в сфере личного потребления (см. табл.10).

Как раз в годы наивысшего расцвета хлопковой монокультуры в агросфере (см. табл.1) Республике жестко сказали: “нет”, “не будет нового общесоюзного центра хлопчатобумажной промышленности — в Узбекистане”. (И вот он “перст статистической судьбы” — властью “Центра” немедленно была “закрыта” вся официально-публичная, т.е. открытая для “публики”, для нас с вами, читатель, статистика по производству и потреблению хлопчатобумажных тканей в республиках, — “закрыта”, увы, до самого конца существования советского государства.) Но чтобы “подсластить пилюлю”, кратократия стала превращать Узбекистан в “кузницу” нетканых материалов (типа тканей), изготавливаемых посредством химических технологий. В 1970 г. на Узбекистан приходилось 33% общесоюзного производства таких материалов (в 1985 г. — 14%)¹²⁹. Лишь во второй половине 80-х годов, т.е. через 25—30 лет, хлопчатобумажная промышленность Узбекистана приблизилась по душевому показателю выработки хлопчатобумажных тканей к уровню 1960 г. (“Снова и снова замыкается круг”). Но даже в конце Советского периода своей истории Республика так и не смогла завладеть более, чем 6-процентной долей общесоюзного производства хлопчатобумажных тканей (см. табл.10). Как тут не вспомнить оптимистические идеи-фантазии “певца революции”:

Пыши, машина, шибче-ка,
Вовек чтоб не смолкла,-
Побольше ситчика
Моим комсомолкам.

(В.В. Маяковский. Хорошо. Гл.19)

“Комсомолкам”, как, впрочем, и главной массе населения Республики, была определена (причем даже отнюдь не во все времена индустриального “социалистического” прошлого страны) минимальная норма потребления столь вожеленного продукта (да и других продуктов первой необходимости тоже). Даже в 1990 г. фактическое душевое потребление тканей составляло в Узбекистане лишь 66,6% “рациональной нормы потребления”¹³⁰.

Кратократия предпочитала консервировать аграрно-сырьевую специализацию хозяйства Республики, ориентируя его на поставки в районы промышленного центра России “белого золота”: на протяжении всего бытия Узбекистана в составе СССР на долю Республики приходилось более 3/5 общесоюзного производства хлопка,

между тем, его доля в производстве хлопчатобумажных тканей никогда не достигала, как упоминалось выше, даже 6% общесоюзного производства. В разительной диспропорции этих показателей как раз и обнаруживалась функциональная роль хозяйства агросферы Узбекистана как аграрно-сырьевого придатка союзного “центра”. Иначе говоря, социально-экономическая стратегия кратократии состояла именно в том, чтобы в том, что касается ведущей отрасли экономики Республики, развивать промышленный потенциал (предназначенный для переработки хлопка) лишь до уровня, при котором в лучшем случае возможно удовлетворить скромный (скудный) внутренний спрос, но не до уровня, при котором этот потенциал представлял бы мощный центр национальной промышленности, опирающийся на обильные ресурсы собственного сырья, и дающий импульсы (повторю это еще раз) развитию всех других отраслей промышленного производства. Результат этой стратегии — закономерен: аграрная монокультура не была нарушена, более того, благодаря “плечевому” развитию ОРТ на союзном уровне, она фактически была закреплена и законсервирована. А масштабность (весьма незначительная) развития вторичного сектора экономики в той его части, которая опирается на агрикультуру, вновь, с нового угла, подтвердила истину — о несостоявшейся промышленной революции в Узбекистане в период его пребывания в составе СССР. (Об этом, в частности, ярко свидетельствует и происходящая аграризация трудовых ресурсов Республики, нашедшая, помимо прочего, отражение в увеличении на рубеже 80-х — 90-х годов доли занятых в сельском хозяйстве при сохранении ручного труда в качестве доминирующей его формы в этой сфере экономической деятельности людей. См. раздел 5, а также табл.4.)

9. ФЕНОМЕН МЕЛЬЧАЙШЕГО ХОЗЯЙСТВА: “ПРОРАСТАЮЩИЙ СПАСИТЕЛЬ”?

Из сказанного выше следует, что столь прочно сцементированное общественное хозяйство, воплощавшее кратократический общественный порядок в агросфере, не могло, подпираемое всеми институтами власти, разрушиться в одночасье, хотя еще более чем за десятилетие до распада СССР оно стало переживать глубочайший кризис практически во всех составляющих его звеньях; следствием этого кризиса, как мы показали ранее, было накопление признаков отрицательного экономического роста, особенно ярко проявившееся в 80-х — начале 90-х годов. И вместе с тем мы должны констатировать, что в агросфере Узбекистана сформировался и все более усиливался сектор хозяйства, который в сущности начинал брать или уже брал на себя целый ряд функций в воспроизводстве народного хозяйства, именно в той его части, которая представлена хозяйством агросферы. Этот экономический сектор — мельчайшее (официально именуемое как “личное подсобное”) хозяйство (ЛПХ), получавшее все большее распространение в 80-х годах, но особенно набиравшее силу с середины 80-х — начала 90-х годов.

Удивительный парадокс экономического роста в хозяйстве агросферы Узбекистана в том и состоял, что предположительно более производительное, более крупное, полнее отвечающее требованиям законов “экономики масштаба”, общественное хозяйство, будучи поставлено в условия, при которых механизм его экономического роста мог проявлять себя лишь в отрицательных величинах, постепенно, а со второй половины 80-х годов в нарастающем темпе, уступало место, в том числе в выполнении макровоспроизводственных функций, хозяйству мельчайшему, отличающемуся наименьшей производительностью труда, но обеспечивающему непосредственному производителю гораздо более высокий личный доход, чем хозяйство “крупное” общественное.

Экономический потенциал допущенного кратократией к существованию мельчайшего хозяйства был крайне незначителен по своей величине. Например, с начала 60-х и до середины 80-х годов

на него приходилось около 3% общей пахотной площади Республики, при этом в среднем такое хозяйство занимало 0,10 — 0,12 га пахотной площади, но с середины 80-х годов его потенциал заметно увеличился: удельный вес площади, занимаемой таким хозяйством, повысился с 1985 г. примерно вдвое (до 6,7% — в 1990 г.), а средний размер площади мельчайшего хозяйства — до 0,14 га (1990 г.) (см. табл.11). Как было упомянуто выше, за второе пятилетие 80-х годов число мельчайших (“личных подсобных”) хозяйств увеличилось сразу на 1 млн., или в полтора раза, и составило 3 млн. единиц¹³¹.

Феномен мельчайшего хозяйства в Узбекистане, вопреки “классическим” экономическим законам, примечателен удивительной динамичностью: так, за последние два с половиной десятилетия, предшествовавшие распаду СССР, его доля в производстве сельскохозяйственной продукции неуклонно увеличивалась. При этом особенно значительный прирост (его можно назвать рывком) обозначился с середины 80-х годов (когда не менее впечатляюще обозначился застой общественного хозяйства). В год распада СССР мельчайшее хозяйство обеспечивало 28,5% всей сельскохозяйственной продукции Республики (см. табл.11).

Более того, в последние годы существования Узбекистана в составе СССР стало стремительно нарастать значение ЛПХ и как источника средств существования для крестьянского населения Узбекистана, занятого в общественном хозяйстве. Всего лишь за один год (1990—1991 гг.) доля дохода от этого хозяйства в совокупном доходе семей колхозников повысилась с 25,9% (показатель близкий к общесоюзному в 80-х годах) до 28,6%, в то время как доход в форме “оплаты труда всех видов”, куда включается статистикой и доход от общественного хозяйства колхозов, сократился за то же время с 55,1% до 39,5% совокупного семейного дохода¹³².

Динамику изменения функциональных ролей между двумя основными секторами хозяйства во внемонокультурных отраслях можно проследить по данным развития “наиболее трудной” для сельского хозяйства Узбекистана отрасли - животноводства. Как свидетельствуют данные табл.11, в период коллективизации и позднее узбекским дехканам удалось сохранить в своей личной собственности наиболее продуктивный молочный скот, сбросив в общественное хозяйство наименее продуктивный. Вплоть до середины 50-х годов продуктивность молочного скота в личном хозяйстве в 1,5—2 раза превосходила таковую в общественном стаде. Но в политике кратократии животноводство в первые три десятилетия Советской власти по существу не играло никакой роли. Однако с середины 70-х годов, когда “руки кратократии” наконец-то дошли и до этой отрасли, молочная продуктивность общественного стада (крупный рогатый скот) стала постепенно превосходить таковую у соответствующего стада, сосредоточенного на личном подворье,

хотя последнее концентрировало все это время 60% — 70% всего поголовья коров. Напротив, в мясном комплексе животноводства отставание роста продуктивности мясного скота у мельчайшего производителя началось значительно раньше, чем это имело место в частном (личном) секторе молочного хозяйства, значение которого как общенационального производителя молока всегда было чрезвычайно велико. Так, на протяжении всех последних 40 лет до распада СССР общенациональная доля молока, приходившаяся на мельчайшее хозяйство, никогда не опускалась ниже 60%, а с середины 70-х годов прочно держалась на уровне 70% общей величины его производства. В мясном же секторе животноводства лишь с начала 70-х годов мы обнаруживаем устойчивый процесс замещения производства мяса, обеспечиваемого за счет общественного стада, таковым производством, сосредоточенным в хозяйстве мельчайшего производителя (на это хозяйство в 90-х годах приходится уже свыше половины общего объема производства мяса в Республике — см. табл.11).

Особое внимание мы должны обратить на тот период, когда кризисные катаклизмы в сельском хозяйстве Узбекистана стали проявляться с наиболее разрушительной силой, именно на период 80-х — начала 90-х годов. Мы видим, что доля поголовья коров, приходящаяся на общественное хозяйство, непрерывно сокращается, наблюдается стагнация удоев молока в общественном стаде, в противоположность фактам их роста в стаде мельчайшего хозяйства. Именно в этот период, совпадающий с нарастающим темпом увеличения численности мельчайших хозяйств, происходит наиболее интенсивное замещение такими хозяйствами макровоспроизводственных функций, которые по определению должно выполнять чуть ли не безраздельно господствующее общественное хозяйство, сосредоточившее почти все материальные и природные ресурсы производства в аграрном секторе Республики (“почти”, т.е. за исключением той мизерной доли, которая приходилась на ЛПХ). К этому необходимо добавить, что в десятилетие, предшествовавшее распаду СССР, практически полностью прекратился рост общественного стада крупного рогатого скота, численность последнего увеличивалась исключительно за счет стада, концентрировавшегося в “личном подсобном” хозяйстве. Во второй половине 80-х годов на долю ЛПХ приходилось 51,9% общего объема производства продукции животноводства в Республике (см. табл.11, прим.7).

Животноводство было отнюдь не единственной отраслью, в которой общественное хозяйство утрачивало свои макровоспроизводственные функции. То же можно сказать, например, об овощном комплексе сельского хозяйства, в котором доля “личного подсобного” хозяйства увеличилась с начала 80-х годов до 45% — 50% (см. табл.11).

Перемещение макровоспроизводственных функций в пользу мельчайшего хозяйства порождало тенденцию к общему сокращению производительной силы труда, особенно в таких сельскохозяйственных комплексах, как животноводство, овощеводство и некоторые другие, — тенденцию, негативное влияние которой, возможно, частично смягчалось более высокой производительностью труда в остановившемся в своей пространственной экспансии общественном хозяйстве. Табл.5 достаточно ярко иллюстрирует это явление застоя в общественном подразделении животноводческого комплекса хозяйства в 80-х годах. Иначе говоря, интенсивное развитие мельчайшего хозяйства, основанного практически на ручном труде, выступало **могучим фактором понижения экономической эффективности всего хозяйства агросферы Узбекистана**. Такова была истинная цена упомянутого парадокса.

Определенной компенсацией этого негативного процесса была гораздо более высокая эффективность мельчайшего хозяйства в использовании природных факторов труда. По авторитетному свидетельству С.Усманова (первого вице-президента Академии сельскохозяйственных наук Узбекистана), в Республике выход продукции с одного гектара земли в ЛПХ в 3—4 раза (а иногда и более раз) выше, чем в общественном хозяйстве агросферы¹³³. Естественно, многократный прирост в производственной отдаче используемых природных ресурсов предполагает, при практическом отсутствии трудосберегающих средств производства, и осуществление в расчете на единицу площади затрат живого труда, в несколько раз превышающих колхозно-совхозную норму (ниже мы вернемся к этому специфическому обстоятельству изменяющегося механизма сельскохозяйственного роста).

Что касается самостоятельного крестьянского (фермерского) хозяйства, то оно в начале 90-х годов было еще крайне слабым и не могло разделить с “личным подсобным” хозяйством “тяготы” его новых функций. Ведь к началу 1992 г. в сельском хозяйстве Узбекистана было лишь 1,9 тыс., а к началу 1993 г. — 5,9 тыс. фермерских хозяйств, при этом средний размер их площади не превышал 7 га¹³⁴, на них приходилось не более 1,2% общей площади пахотной земли.

В силу ряда причин социального-политического характера (см. ниже) не фермерское хозяйство, а именно “личное подсобное” (мельчайшее) хозяйство становится с начала 90-х годов подлинным “фаворитом” экономической политики государства в агросфере. Государство прежде всего приступает к решению земельного вопроса ЛПХ. С 1989 г. по 1992 г. полтора миллиона владельцев ЛПХ (т.е. примерно половина их общего числа) увеличивает свое землепользование — за счет выделяемых специально для них дополнительных площадей земли (на эти цели, в частности,

используются некоторые земли, ранее принадлежавшие колхозам и совхозам, занятые под хлопчатником). В результате весьма быстро возрастает средний размер пашни в ЛПХ — в 1992 г. он достигает 0,20 га (см. табл. 11).

Важную роль в реализации самой возможности увеличения землепользования в мельчайшем хозяйстве сыграло то обстоятельство, что наконец-то, впервые со времен коллективизации, т.е. шесть десятилетий спустя, властями предержащими были сняты ограничения на размер площади приусадебного участка, которым может располагать колхозно-совхозная семья¹³⁵.

Более того, заметно улучшаются и качественные характеристики земель, осредоточиваемых сектором ЛПХ. Так, прирост площади наиболее ценных (поливных) земель в ЛПХ происходит более высокими темпами, чем прирост всей площади возделываемых такими хозяйствами пахотных земель (всего за два года им было передано 330 тыс. га поливной земли, т.е. 8% ее общей площади). Вот как выглядит динамика удельного веса площади поливной земли, приходящейся на ЛПХ (в % к общей используемой площади поливной земли)¹³⁶:

1970 г.	1980 г.	1985 г.	1988 г.	1989 г.	1992 г.
5,2	4,4	4,3	4,5	5,0	13,0

Как следует из этих данных, благодаря земельной политике государства сектор ЛПХ из скромного “довеска” к колхозно-совхозной системе хозяйства (“довеска” — если судить по степени концентрации этим сектором природных ресурсов производства), хотя и уже весьма значимого (в масштабах общества) производителя сельскохозяйственной продукции, превращается на рубеже 80-х — 90-х годов в подразделение аграрной экономики, располагающее достаточно емким потенциалом природных факторов труда, чтобы резко форсировать — на самостоятельной основе — уже происходящее замещение макровоспроизводственных функций, принадлежащих общественному хозяйству, и при этом существенно улучшить их выполнение.

Этой цели призваны способствовать и некоторые другие меры по стимулированию ЛПХ. В Республике в 1991 г. создается “фонд поддержки ЛПХ” (финансовые и материальные ресурсы выделяются для него государством), который передается “Ассоциации владельцев приусадебных хозяйств”. Отныне последняя становится “Фондодержателем”, распоряжаясь поступающими в нее средствами. (Хотя пока и в относительно небольших количествах, “личные подсобные”, т.е. мельчайшие, хозяйства стали получать из означенного “Фонда”, предположительно на льготных условиях, т.е. по государством фиксированным ценам, скот, корма для него,

семена, строительные материалы, некоторые другие производственные ресурсы^{137.})

В экономической политике государства, как видно, отчетливо выявляется линия на **отделение ЛПХ от колхозно-совхозного строя**, аппендиксом которого существенная часть сектора ЛПХ была на протяжении шести десятилетий (да и поныне остается связанной с ним многими нитями), т.е. на занятие ЛПХ **самостоятельного места** в аграрной экономике. (Всю совокупность осуществленных уже мер можно оценить как определенный шаг на пути формирования в агросфере Узбекистана **многоукладной экономики**.)

Естественно, что в отличие от волевых акций, представленных специфической политикой государства, в агросфере Республики должны были сложиться и существовать и собственно экономические стимулы, предопределяющие столь мощную (“взрывную”) экспансию ЛПХ. Думается, что адекватно оценить эти стимулы возможно лишь при учете особенностей доминирующей социально-экономической системы, вызванной к жизни кратократией.

С.Усманов выделяет три основных преимущества ЛПХ перед “общественными” формами хозяйства (колхозы и совхозы) в Республике. По его представлению, в “личном подсобном хозяйстве, во-первых, производство полностью определяется самим его владельцем... Владелец здесь выступает как настоящий и полноправный хозяин земли и производства”. “Во-вторых, как хозяин всей произведенной продукции владелец ЛПХ полностью распоряжается ею и в праве реализовать по своему усмотрению...”. “В-третьих, продукция ЛПХ реализуется по цене, согласованной с покупателем”, т.е. по цене рынка (“сообразуясь с рыночной конъюнктурой”), и в этом смысле “опять-таки продукцией распоряжается ее непосредственный производитель”^{138.} Иначе говоря, аксиоматические (нормальные) при рыночной экономике факторы воспроизводства хозяйства выступают “преимуществами” при кратократической общественной системе: ведь колхозы и совхозы лишены всех этих “привилегий”.

В определенном смысле в “преимуществах” ЛПХ проявляется (и в какой-то мере реализуется через сферу контролируемого кратократией рынка) “персоноцентристское” начало экономического роста, основанное на **личном интересе производителя**. И окончательно подавить это начало, отправив его в небытие, кратократии оказалось не под силу: ведь только благодаря наличию “щели” в “системоцентристском обруче” (см. раздел 2) стало возможным воспроизводить всю объемную “общественную” (кратократическую) систему хозяйства в агросфере.

Даже в свои худшие времена ЛПХ обеспечивали трудящимся “общественного” хозяйства четвертую часть их личных

доходов, т.е. весьма весомую часть их фактической заработной платы за труд на ниве “общественного” хозяйства. Можно сказать и иначе: чтобы получить полную норму (100%) личного дохода, семья работника “общественного” хозяйства агросферы должна была затратить **дополнительное рабочее время**, эквивалентное четвертой части этой нормы, но при этом совокупный доход такой семьи все равно оказывался ниже того, который получала семья рабочего. Почему же? Не только потому, что средняя производительность труда в хозяйстве агросферы ниже, чем в промышленности, но и потому, что доход, созданный в течение этого дополнительного рабочего времени, не мог возместить ту часть валового дохода агросферы, которая посредством механизма “обязательных поставок”, возложенных на “общественное” хозяйство, или позднее — государственных “закупок” по принудительно установленным (заниженным по отношению к издержкам производства) ценам, т.е. безвозмездно, перекачивалась в “общественную копилку”, которой распоряжалась от имени общества кратократия; именно она расходовала этот отчужденный от обобществленных производителей доход на мнимые или действительные цели коллективного потребления, выделяя некоторую часть его, как упоминалось выше, на цели частного присвоения.

ЛПХ — единственный при кратократическом порядке вариант тип хозяйства, т.е. тип, при котором величина дохода напрямую зависит от величины затрат труда: при прочих равных условиях доход здесь тем выше, чем больше физические затраты труда (при заданном уровне используемой технологии, основывающейся едва ли не полностью на ручном труде). Ибо здесь величина вложенного в производство труда и объем присвоенного производителем продукта находятся (по определению ЛПХ) в прямой зависимости. И до появления первых “побегов” фермерской системы хозяйства ЛПХ было (и остается) по существу той единственной отдушиной для выхода обращенной на производство энергии производителя, генерируемой личным интересом, которая позволяла ему увеличивать личный доход, т.е. этот личный интерес реализовывать.

Крупнейшим, рассчитанным на длительную перспективу, эффектом изменений в соотношении социально различных секторов хозяйства в агросфере Узбекистана стало начавшееся преобразование структуры сельскохозяйственного производства, подрыв хлопковой монокультуры (или, если сказать точнее — воссоздание оптимального пространства для культуры хлопчатника в сельскохозяйственной экономике Республики), форсированное развитие продовольственных отраслей сельского хозяйства. Яркие проявления этого положительного процесса можно обнаружить уже в последние годы существования СССР. Вот, например, какими показателями характеризуется душевое производство в Узбекистане некоторых сельскохозяйственных

продуктов во второй половине 80-х — начале 90-х годов (кг на душу)¹³⁹:

	1985 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1992 г. (в % к 1985 г.)
хлопок-сырец	296,1	246,5	221,7	195,3	66
овощи	131	138	160	161	123
зерно	81	93	91	105	130
молоко	134	148	159	160	119

В этом смещении вектора разнонаправленно действующих отраслевых тенденций роста в сторону формирования новой, более естественной для Узбекистана, структуры сельскохозяйственного производства отнюдь не последнюю роль играет укрепляющийся сектор мельчайшего (“личного подсобного”) хозяйства Республики.

Не менее значительная роль ему отводится и в смягчении остроты проблемы занятости в агросфере, — той самой проблемы, нарастающий вал негативных влияний которой вносит столь большой вклад в формирование отрицательного потенциала сельскохозяйственного роста.

По имеющимся оценкам, даже при малых размерах приусадебных участков (0,08—0,10 га) затраты живого труда в хозяйстве составляют 100—170 человеко-дней в год, что эквивалентно 0,4—0,7 величины потенциального рабочего времени среднегодового работника сельского хозяйства. В результате увеличения среднего размера приусадебного участка и, соответственно, размера мельчайшего (“личного подсобного”) хозяйства, увеличения, происшедшего на рубеже 80-х — 90-х годов, затраты живого труда в последнем должны возрасти “примерно в 1,5 — 2 раза”¹⁴⁰. По свидетельству одного из аналитиков, “за счет увеличения числа и размеров земельных наделов (в секторе ЛПХ. — *В.Р.*) в активную трудовую деятельность вовлечены 700 тыс.человек”¹⁴¹. (Напомним, что Президент Узбекистана оценивал численность людей трудоспособного возраста, проживающих на селе в 1993 г., в 6,5 млн. человек¹⁴².)

И здесь мы подошли к оценке социального предназначения политики “фаворитизма” в отношении мельчайшего (“личного подсобного”) хозяйства: благодаря этой политике “в значительной мере (т.е. еще не до конца. — *В.Р.*) снята социальная напряженность на селе”¹⁴³.

Таким образом, именно непомерно тяжелый (деформирующий весь процесс экономического роста) груз проблем, порожденных аграрным перенаселением, груз, доставшийся нынешнему руководству Республики от прошлого режима, вызвал к жизни политику, направленную на срочное расширение зоны бытия и

укрепление мельчайшего хозяйства. Отвечающая личному интересу массы сельских тружеников, эта политика относительно успешно реализуется.

Она развивает тенденции трудоинтенсивной экономики, вовлекающей в свою орбиту обширные резервы “свободного” рабочего времени, имеющиеся на селе. Производительное использование этого потенциала даже при экономически наименее эффективных формах производства позволяет в определенной мере увеличивать личные доходы трудящегося населения. И в этом — ее главный смысл в нынешнюю эпоху¹⁴⁴.

И в заключение — одно замечание общего характера. Структурная перестройка хозяйства Узбекистана еще только начинается, и основные трудности, связанные с этой перестройкой, еще впереди. Наиболее уязвимым звеном этой перестройки остается тот факт, что весьма большую часть ее тягот возлагают на мельчайшее хозяйство, истинной целью которого в конечном счете является личное потребление самих тружеников, ведущих это хозяйство. И тем не менее данное хозяйство, воплощающее экономически наименее эффективный тип хозяйственной деятельности (ибо в самой природе его заложен мощный ограничитель экономического прогресса — низкая производительность труда) выдвигается на авансцену жизненного процесса общества как актуальнейший (“лежащий на поверхности”) фактор (частичного) решения накопленных острых социальных и экономических проблем (многообразные проявления аграрного перенаселения, продовольственная проблема). И поэтому закономерно, что его поддержка и укрепление стало фактически приоритетом номер один в нынешней экономической политике государства. Но проблема формирования экономической эффективной базы сельскохозяйственного роста на долгосрочную перспективу остается; суть ее, по-видимому, можно бы сформулировать следующим образом: возможно ли и в каких пределах образование фермерского хозяйства, которое взяло бы на себя существенную часть функций по созданию “равновесной”, соответствующей потребностям народного хозяйства в целом, структуры сельского хозяйства, и которое могло бы представлять тип производства, отличающийся наибольшей экономической эффективностью, и тем самым было бы способно выполнить роль одной из “несущих конструкций” макровспроизводственного процесса.

10. ФОРМИРОВАНИЕ “ЗОНЫ БЕДНОСТИ”

Развитие хлопковой монокультуры было сопряжено с масштабным **разрушением продовольственного сектора национального хозяйства**. Ведь в Республике действовал закон-императив приоритета общесоюзного “плечевого” разделения труда над местным (“узконациональным”). Действительно, хлопчатник, как мы видели, активно вытеснял производство продовольственной продукции, внося радикальные изменения в условия бытия всего народа Узбекистана.

В период НЭПа (как, впрочем, еще и в дореволюционный период) уже стало проявляться известное нарушение равновесия между производством и потреблением такого продукта, как зерно, в производстве же и потреблении продукции животноводства пока поддерживалось равновесие, хотя и при весьма недостаточных среднелюдиных нормах потребления мяса и молока (см. табл.12). По данным зернового баланса середины 20-х годов, исчисленного ЦСУ под руководством П.И. Попова, республики Туркестанского края (Узбекская ССР, включая Таджикскую АССР, Туркменская ССР) ввозили из России количество зерна, достаточное для удовлетворения, как мы видели (см. раздел I), примерно 1/4 своих потребностей в зерне — 23,9% в 1925/26 г., 26,6% в 1926/27 г. (при этом среднелюдская норма зернового потребления составляла около 220 кг в год). Экспансия хлопковой монокультуры, захватывавшей основные ресурсы сельскохозяйственного производства, привела к беспрецедентному сокращению прежде всего среднелюдского производства зерновой продукции (в 2,4 — 3,1 раза в 1940 — 1990 гг., т.е. с 220 кг до всего лишь 90 кг и даже 70 кг после 1940 г. — См. табл.12). (Показатели за “приписочный” 1980 г. следует принимать во внимание с большими оговорками.) В результате к концу 80-х — началу 90-х годов (при заметно снизившемся уровне потребления пищевого зерна — см. табл.12) зерновой импорт (пшеница, 4—5 млн.

т в год) достигал 7/10 — 3/4 величины суммарного потребления зерна¹⁴⁵.

Естественно, в таких условиях (недостаточное местное производство зерна как одна из причин) страдало и местное животноводство. Со времен НЭПа Республике так и не удалось увеличить поголовье коров в расчете на 100 душ населения (см. табл.12). Более того, на протяжении всего советского периода Республика оказалась не в состоянии обеспечить своему населению даже столь незначительную душевую норму потребления мясных продуктов, как 30кг; в 80-х годах национальный животноводческий комплекс производил лишь 20-23 кг мяса, включая сало, на душу в год (см. табл.12), т.е. примерно 1/3 всего количества потребляемого мяса (при нормах душевого потребления мяса, более чем в два раза меньших, чем в России)¹⁴⁶ Республика должна была ввозить¹⁴⁷.

Именно навязанной кратократией системе общественного разделения труда, предполагавшей безусловное подчинение республиканских (к тому же — “периферийных”) интересов общесоюзным, Республика обязана тем, что к концу советского периода истории Узбекистана импортные поставки стали формировать **наибольшую часть рыночных фондов продукции животноводства**. Например, в 1989 г. на чистое сальдо ввоза и вывоза мяса (и мясопродуктов) в Республике приходилось 50,9% его рыночного фонда; доля же импортного молока (и молокопродуктов) достигла 64,4% рыночного фонда последнего¹⁴⁸. Т.е. в животноводческих отраслях хозяйства мы обнаруживаем те же тенденции, которые несколькими десятилетиями ранее стали складываться в зерновых отраслях: внереспубликанские хозяйственные комплексы (а не местные) становятся доминирующей силой в формировании республиканских рыночных фондов продовольственной продукции. Но, забегаая вперед, отметим, что массивированный (относительно) импорт животноводческой продукции отнюдь не вывел Узбекистан в первые ряды ее потребителей в пределах СССР по душевым показателям: по данным семейных бюджетов, в 1990 г. по количеству животных белков в среднедушевой диете Узбекистан занимал предпоследнее место среди всех республик бывшего СССР¹⁴⁹ (см. ниже).

Таким образом, поглощая и блокируя производственный потенциал продовольственного сектора сельского хозяйства, процесс развития хлопковой монокультуры привел к всеохватывающей продовольственной зависимости Республики от общесоюзного АПК, и конкретно — от распоряжавшейся им кратократии “Центра” — зависимости, сопоставимой только с аналогичной зависимостью от мирового рынка таких стран, как Египет, или Алжир в 70-х годах.

Столь широко разрекламированный кратократией тезис о том, что будто бы происходит сближение между республиками бывшего Союза по уровню жизни населения, в действительности (напом-

ним — речь идет об экономическом росте по законам Зазеркалья) приобретал зеркально отрицательный смысл. Это положение достаточно ярко иллюстрируется существенно углубившимися межреспубликанскими разрывами по показателям масштабов и структуры среднедушевого продовольственного потребления. Особенно наглядно это видно на примере входивших в состав СССР республик Узбекистана и РСФСР. Сразу же отметим, что как раз данные об экономике, отдельные части которой развиваются в однородной рыночной среде, — такие данные, зафиксированные в “Балансе” П.И.Попова, свидетельствуют о выравнивании данных уровней потребления. Действительно, в 20-х годах по своим структурным характеристикам продовольственная диета населения России (ее потребляющей полосы) существенно не отличалась от продовольственной диеты населения Узбекистана (см. табл.13). Только обусловленный национальными особенностями высокий уровень потребления картофеля определял несколько более высокую калорийность душевой диеты в России, в противоположность таковой в Узбекистане (среди этих особенностей — более суровый климат).

Но в дальнейшем, вследствие в первую очередь резких различий в характере экономического роста, обозначившихся между республиками, стало выявляться нарастающее несовпадение в структурных параметрах душевой нормы питания в России, с одной стороны, и Узбекистане — с другой (см. табл.13). В России — республике с наиболее высоким в бывшем Союзе уровнем развития промышленности — величина душевого потребления продуктов питания, представленная в калориях, не только оказалась существенно выше, но и процесс изменения структурных характеристик диеты в сторону медицински более сбалансированного питания ушел неизмеримо дальше, чем в Узбекистане. Данные свидетельствуют, что продовольственное потребление в России, хотя и недостаточное по своему качеству, стало постепенно приближаться к стандартам, которые свойственны индустриальному обществу. Напротив, питание узбекского населения по своим параметрам в крайне незначительной степени вышло за пределы того стандарта, который характерен для традиционного, доиндустриального общества. Даже через 70 лет после утверждения коммунистического порядка калорийность питания населения Узбекистана на 3/5 обеспечивалась хлебными продуктами, в то время как на продукты животноводства приходилось менее 1/5 части всех потребляемых калорий (против соответственно 33% и 37% — в России, см. табл.13).

Данные о межреспубликанской дифференциации населения по показателям уровня жизни необходимо отслеживать на фоне его внутри-республиканской дифференциации, сосредоточивая особое

внимание на наиболее болезненно ощущаемой обществом **острейшей социальной проблеме — проблеме бедности**. Опыт Узбекистана, рассматриваемый в этом контексте, богат и разнообразен. Мучительно медленно в историческом времени повышалась здесь энергетическая емкость (калорийность) питания населения. Даже в 70-ые годы, когда монокультура хлопка осуществляла очередную “акцию” по захвату производственных ресурсов сельского хозяйства, среднедушевая норма питания в Республике все еще была ниже той (2400 Ккал) (см. табл.13), которая, например, в индийской статистике фиксирует пограничное значение величины продовольственного потребления, именуемое “чертой бедности”, в агросфере.

Сектор общественного хозяйства в агросфере Узбекистана представлял собой активно формирующуюся “зону бедности”. Именно у его представителей мы наблюдаем наиболее низкие нормы потребления продуктов питания. По данным семейных бюджетов (см. табл.14), в 1990 г. около 1/3 всех семей колхозников потребляло в месяц на душу менее 1 кг мяса всех видов, включая сало (против всего лишь 12% в России); 3/4 из них потребляло на душу в месяц менее 0,2 кг сливочного масла (против 2/5 в России), недостаток которого компенсировался по традициям, свойственным земледельческому доиндустриальному обществу, маслом растительного происхождения (см. табл.13); при этом душевая норма потребления белков животного происхождения в семьях колхозников Узбекистана на рубеже 80-х — 90-х годов лишь на 3,5 г в день превышала ту, которая была типична для региона Ближнего и Среднего Востока в начале второй половины 70-х годов (соответственно 18 г и 14,5 г)¹⁵⁰. (Еще более низкие показатели питания, среди всех республик бывшего Союза, мы обнаруживаем только в Таджикистане. — См. табл.14.) Лишь крайне незначительное число жителей Республики, представлявшее 10,7% его населения (по данным опроса, проведенного статистическими органами в 1990 г.), высказало мнение, что они потребляли мяса и мясопродуктов в достаточном количестве¹⁵¹!

Наконец, Узбекистан (как и другие республики бывшего Туркестанского края) резко отставал от России по количеству потребляемых благ и услуг на душу населения (см. табл.14). В Узбекистане в 1989 г. этот показатель составлял чуть более половины российского, а непродовольственных товаров здесь покупали в расчете на одного члена семьи в 2,4 раза меньше, чем в России¹⁵².

И тем не менее социальная поляризация населения в Узбекистане по размерам личного дохода (расхода) на душу населения была, очевидно, заметно выше, чем в России, в последние годы существования Советского государства. Если взять такой предмет личного потребления, как легковой автомобиль, представлявший в тогдaшнее время в Республике предмет роскоши, то, как следует из данных ЦСУ, в Узбекистане (как впрочем, и в других респуб-

ликах бывшего Туркестанского края) количество таких дорогостоящих и престижных предметов в личной собственности, концентрировавшихся в руках, как правило, прослойки, располагавшей весьма высокими личными доходами, в расчете на 100 семей существенно превосходило соответствующий показатель России (см. табл.14). Более того, прирост потребления таких предметов роскоши на 100 семей, имевший место в 80-х годах, в Узбекистане более чем в полтора раза превышал величину соответствующего российского прироста. Несмотря на глубокий кризис, охвативший народное хозяйство Республики, в одном лишь 1990 г. Узбекистан импортировал из России и Украины свыше 60 тыс. легковых автомобилей (в 1991 г. — уже лишь 36 тыс. шт.)¹⁵³. Все эти данные весьма уместно было бы оценивать в контексте ситуации, описанной приведенными выше материалами (см. раздел 7) о процессах частного присвоения, которые происходили в Республике в 80-х годах.

Но вернемся к основной теме раздела. По сравнению с населением России, жители Узбекистана несли потери и в результате разницы между **фактическими ценами**, действовавшими в обеих республиках, на отдельные предметы личного потребления. Например, что касается ценных продуктов питания, каждая единица потребления обходилась жителям Узбекистана заметно дороже, чем жителям России. Согласно данным семейных бюджетов, в 1990 г., когда еще сохранялись регулируемые государством цены на продукты питания, такие продукты, как мясо, молочные продукты реализовались в сфере личного потребления Узбекистана по ценам, в 1,5 и даже 2 раза превышавшим те, которые существовали в России. Парадоксом выглядело при этом то, что наибольшие сравнительные потери несли сами создатели этих ценных продуктов питания — колхозные семьи (см. табл.15). Иначе говоря, не в последнюю очередь именно вследствие относительно высоких цен опускалось столь низко (по сравнению с российскими аналогами) душевое потребление ценных продуктов питания в Узбекистане (о его динамике см. табл. 12, 13).

Вот почему, помимо прочего, отмеченный выше (см. раздел 9) переход все большей части производства таких продуктов к наименее производительному хозяйству (“личному подсобному”) — при их рыночной реализации — развязывает тенденцию к относительному повышению рыночных цен этих продуктов и, соответственно, к сокращению величины их душевого потребления - при данном уровне личных доходов трудящегося населения.

Вместе с тем заниженные (относительно реальных издержек производства) закупочные (монополией государства определяемые) цены на хлопок, предопределяя низкий уровень личных доходов у подавляющей части производящего населения агросферы Республики, позволяли кратократии снижать соответственно и

импорт ценных (и иных) продуктов питания, сводя его к уровню скромной платежеспособной потребности. Ибо как мы говорили выше, потенциальную, весьма значительную по своей величине, “добавку” к личным доходам данного населения пожирала монополия хлопковая рента. Именно размеры последней детерминировали в конечном счете величину продовольственного импорта.

Вместе с тем импортные поставки продовольственных ресурсов выполняли существенно важную политическую функцию. Рассчитанные прежде всего на удовлетворение платежеспособной потребности несельскохозяйственного (в особенности — городского) населения, они способствовали удержанию местных реализационных цен (“цен покупки”) на продовольствие на более низком уровне, чем тот, который оказался бы неизбежным в случае, если отсутствовало бы регулирующее влияние импорта. (По данным, приведенным в табл. 15, можно проследить, насколько эффективно было такое регулирующее влияние: цены, по которым покупали продовольственную продукцию **все обследуемые семьи**, были на ряд товаров ниже, чем цены, выплачиваемые **семьями колхозников**. Особенно это касалось продукции животноводства.) При сложившихся весьма низких количественно и худших качественно нормах продовольственного потребления **основной массы населения** особую значимость приобретал тот факт, что продовольственный импорт выступал в руках кратократии **мощным орудием контроля за политической ситуацией**, позволяя в то же время сохранять “допустимые” нормы душевого потребления продовольствия.

В приведенных параметрах личного потребления, как в зеркале, отразилось бедственное положение большей части народа Узбекистана, которое кратократия “центра” и “периферии” сумела законсервировать на многие десятилетия¹⁵⁴. В широком смысле слова ситуация, сложившаяся в области личного, в частности, продовольственного, потребления как доминантного фактора, определяющего материальное положение народа, в том числе тип воспроизводства рабочей силы, была прямым следствием создания и развития в Республике хлопковой монокультуры. Как особая экономическая система хозяйства, воспроизводившаяся кратократией в течение всего советского периода “в расширенных масштабах”, и вместе с тем как особая форма общесоюзного разделения труда, противостоящая национальному (республиканскому), она блокировала самостоятельное развитие производственных комплексов, удовлетворяющих первейшие (в первую очередь — продовольственные) нужды народа. Их развитие в Узбекистане по существу было функциональным по отношению к развитию хлопковой монокультуры. Эта монокультура вплоть до последнего времени оставалась средством превращения пота и мук труда огромной части населения Узбекистана в “белое золото”, заметная доля выгод

от производства которого непосредственно перетекала к узкой кучке функционеров кратократии. Или, говоря иначе, она была встроенным звеном механизма, если сказать языком политэкономии капитализма, изъятия прибавочного и части необходимого продукта сельского трудящегося населения Республики. Она наложила свою зловещую печать на всю социальную сферу жизни общества, вызвав развитие в беспрецедентных масштабах системы дармового, неоплачиваемого детского труда; применение именно такого труда позволяло даже отказываться от использования машин в хлопковом хозяйстве (в 80-х годах)¹⁵⁵ и при этом еще понижать реализационную (“факторную”) цену хлопка более, чем в 4 раза по сравнению с мировой! В этом и проявлялось то, что мы назвали бы **кратократическим аналогом экономики “зависимого типа развития”** (столь основательно исследованной учеными—“третьемироведами”¹⁵⁶), определяющим элементом общественного разделения труда в которой была гипертрофированная хлопковая монокультура¹⁵⁷.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ РЫНОЧНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Итак, кратократическая модель экономического роста в агросфере, рассматриваемая в потоке исторического времени, претерпела в Узбекистане ряд изменений фундаментального характера. Заложенная на рубеже 10-х — 20-х годов (ее первая “апробация” в Республике состоялась в годы, совпавшие с эпохой “военного коммунизма” в Советской России), она окончательно сформировалась в 30-х годах, когда были до основания разрушены ее рыночные опоры (становившиеся к концу 20-х годов все более призрачными), а на село обрушилось коллективизационное насилие.

Типологической особенностью модели было то, что, хотя на ранних этапах (в частности, в сталинский и хрущевский периоды “диктатуры пролетариата” и более позднее время) она обладала качеством положительного роста, в ней с самого начала ее становления стали накапливаться признаки отрицательного потенциала роста, с различной интенсивностью проявлявшиеся по отдельным параметрам механизма экономического роста и временным интервалам исторического процесса. Вся совокупность приведенных в работе данных свидетельствует, что **к началу 80-х годов в основном завершилось превращение положительного потенциала экономического роста в его отрицательный аналог** (в этом и состоял страшный итог той эпохи, которую ее “перестроечные” критики позже пренебрежительно назовут “эпохой застоя”), и с этого времени началась системная эрозия всего механизма роста, особенно бурно протекавшая к концу 80-х годов — закату коммунистического порядка в его советском варианте.

Именно в этот драматический период аграрной истории Узбекистана в Республике была предпринята первая (довольно успешная — на общесоюзном фоне) попытка затормозить быстро прогрессирувавшее сползание хозяйства к рубежу, от которого берет начало обвальный процесс упадка, путем переориентации отдельных сегментов хозяйства агросферы в сторону экономики рыночного типа (данная попытка включала, помимо прочего, частичную реорганизацию состава хозяйственных агентов экономического роста, предусматривая заметное повышение роли в экономическом процессе индивидуального мельчайшего хозяйства); эта попытка впоследствии, в начале 90-х годов, переросла в то, что было объявлено “экономической реформой”.

Вся совокупность приведенных в работе данных доказывает также, что именно себе сушная власть, пронизывающая весь поток процессов, охватываемых понятием “экономический рост”, но реализующаяся в том, что его касается, безотносительно к его законам (и вопреки требованиям последних), предопределила, в ходе длительного исторического развития, “обратную” перестройку всей модели роста. И в этом смысле кратократия как детерминантный агент производственных отношений сыграла в экономическом процессе ту роль (именно — функциональную роль; см. “Введение”), которую при иной (капиталистически ориентированной) социальной организации общества, выполняет капитал-функция¹⁵⁸.

Непосредственно на механизм “обратной” трансформации экономического роста в агросфере Узбекистана решающее воздействие оказали, на наш взгляд, следующие два обстоятельства, обусловленные властным вмешательством кратократии в экономический процесс.

Во-первых, это - генерируемая кратократией гипертрофия хлопковой монокультуры. В данной области национального хозяйства функциональный беспредел себе сущей власти проявился в наиболее грубой форме, опасной для самого существования общества.

Именно на счет творимого кратократией беспредела, реализовавшегося через экспансию монокультуры, должны быть отнесены не совместимые с нормальной (естественной, т.е. предполагающей стремление к экономии труда, материалов, природного вещества, используемого как средство производства) моделью экономического роста затраты общества по практически всем факторам производственных ресурсов, — затраты, “избыток” которых (выражавшийся в расхищении, уничтожении ресурсов) накапливался в историческом времени в режиме “снежного кома”. (К этому бедствию добавлялось и естественное удорожание природных ресурсов, используемых для расширения посевов хлопчатника; причиной удорожания было освоение новых земель, требующих все более высоких затрат для достижения аналогичной или даже меньшей продуктивности.)

Более того, именно безудержная экспансия монокультуры внесла наибольший вклад в процессы деградации природной среды обитания человека, охватившие огромные пространства Центральной Азии и столь близко придвинувшие угрозу экологической катастрофы для многих населенных районов региона.

Во-вторых, это — особый (внерыночный) способ включения монокультурного хозяйства в общественное разделение труда, детерминированное становлением новой, индустриальной, системы производительных сил. При этом именно кратократия как единственная во внетоварной экономике сила, направляющая потоки макро-воспроизводственного процесса, выполняла определяющую роль “повивальной бабки” при подчинении “периферийного” монокультурного хозяйства потребностям воспроизводства индустриализирующегося

“ядра” общесоюзной экономической системы, а посредством монокультуры — и ориентированного на нее властным принуждением всего местного общества. (Вспомним хотя бы о поголовном закрытии школ, а также высших учебных заведений, многих учреждений на периоды сбора урожая хлопка!)

Такой механизм включения уже “по определению” предполагал, помимо достижения “материальной” цели — обеспечить продукт *in natura* для воспроизводства развивающихся индустриальных производительных сил, **неэквивалентность обмена** между участвующими в нем сторонами, неэквивалентность, параметры которой задавала кратократия и которая столь масштабно проявлялась, помимо прочего, в “экономии” на фонде оплаты живого труда в общественном хозяйстве агросферы: ведь этот фонд, по кратократическим установлениям, формировался, например, в колхозах, доминировавших в общественном секторе производства в сельском хозяйстве примерно до начала 80-х годов, по “остаточному принципу” (впрочем, ограниченному с конца 60-х годов обязательством “работодателя”, т.е. коллективного хозяйства, выплачивать работнику, т.е. члену коллективного хозяйства, за ожидаемые его затраты рабочего времени гарантированный минимум заработной платы).

Суть развивавшегося на этой почве противоречия заключалась в том, что приобретающая новое качество (благодаря индустриализации) энтропия экономического процесса в том, что касалось хозяйства агросферы Узбекистана, не вмещалась в жесткие рамки “старых” производственных отношений и им адекватно соответствовавших форм организации хозяйства (колхозно-совхозная система хозяйства). “Построенные” еще на основе природных (“естественно возникших”, “обусловленных самой природой” — по К.Марксу¹⁵⁹) производительных сил, эти формы в качестве нормы своего бытия предполагали, как и повсюду в СССР, внеэкономическое принуждение обобществленного производителя. Ибо только посредством применения внеэкономического принуждения (в бестоварной экономике!) вообще возможно было выжать из такого производителя прибавочный (и/или необходимый — в определенной пропорции) продукт. Функцию “технического” инструмента по изъятию данного продукта выполняла “рукотворная” система экспроприаторских сельскохозяйственных цен¹⁶⁰. Так себе сущая власть и воспроизводила условия для работы механизма неэквивалентного обмена, при котором страдающей стороной оказывалось хозяйство агросферы, прежде всего его общественный сектор.

Между тем накапливавшийся в ходе индустриализации опредмеченный труд, выступавший в виде новых средств производства, технологий, “ноу-хау” и др. (а основной “капитал” индустриального происхождения, как было показано выше, проникал и в монокультурное хозяйство Узбекистана), все более жестко требовал создания именно рыночной Среды для своего эффективного функционирования, т.е. такого,

при котором издержки контролируются и корректируются рыночной ценой, словом, такого, которое соответствовало бы законам, логике прогресса индустриального ТСП.

По достижении точки “диалектического перелома” (В.И.Ленин), или, если использовать здесь понятие Г.В.Ф.Гегеля, — “узловой линии меры”, противоречие между производительными силами и производственными отношениями разрешилось взрывом накопившихся диспропорций, последовавшим в 80-х годах и выразившимся в том, что “пошли вразнос” практически **все параметры экономического роста в агросфере Республики. То есть речь шла о системной трансформации всей модели экономического роста в ее зеркально-отрицательный аналог.**

От такого вот рубежа взяла старт в агросфере Узбекистана политика реформ и, соответственно, перехода к новой модели экономического роста, открывающей путь, по оценке властей, к выходу из кризисной ситуации с замаячившим на ее фоне (в преддверии 90-х годов) призраком обвальной деградации хозяйства. Становление нового курса экономической политики было, по-видимому, облегчено устранением властного контроля над народным хозяйством Республики со стороны кратократии Центра” (чему способствовали — “нет худа без добра” — драматические события начала 90-х годов, связанные с распадом СССР).

Социально-экономическую основу роста в рамках новой его модели, предполагающей учет законов рынка, творцы политики реформ видят для агросферы Республики (как и для национальной экономики в целом) в создании **многоукладной системы хозяйства**, но при сохранении земли в собственности государства. Какие же изменения социально-экономического характера указывают на начавшийся (на рубеже 80-х — 90-х годов) переход аграрного сектора страны к многоукладности?

К ним относится прежде всего существенное усиление — под воздействием многообразных мер государственной политики — уклада мельчайшего (“личного подсобного”) хозяйства, в котором труд и собственность (созданные трудом человека средства производства) представляют нерасчлененное единство, а производство ориентировано в основном на личное потребление хозяйствующей семьи; но при этом существенная часть произведенной в таком хозяйстве продукции реализуется через сферу рынка — прежде чем поступить непосредственно в фонд личного потребления такой семьи.

На рубеже 80-х - 90-х годов в Республике был не только и не просто увеличен и укреплен производственный потенциал мельчайшего хозяйства, но и дан расчитанный на долговременную перспективу импульс процессам его преобразования **из функционального придатка колхозно-совхозной системы в обладающий признаками самостоятельного бытия общественно-экономический уклад.** Это пока

— самый “свободный” (от кратократического принуждения) тип хозяйства в агросфере Узбекистана.

Данное хозяйство решает (и решает относительно успешно — в пределах своих экономических возможностей) две “горящие” проблемы Узбекистана — продовольственную и занятости. Оно в большей степени, чем все прочие экономические типы хозяйств в настоящее время (кроме разве — частично — крохотной группы фермерских хозяйств), наделено качествами, определяемыми требованиями самоподдерживающегося роста; среди них — наличие у производителя возможности присваивать произведенный его же собственным трудом продукт (сколь бы надуманным это “преимущество” ни выглядело, если оценивать его по естественным критериям частнособственнической экономики, основывающейся на личном труде производителя, в его отрицательной формуле отражена, увы, естественная норма кратократического порядка в агросфере); и вытекающая отсюда устойчивая мотивация у такого производителя к интенсивному труду. Иначе говоря, здесь имеет место **полноценная (или близкая к таковой) реализация личного интереса трудящегося индивида в сфере экономической деятельности** (и мельчайшее — оно же “личное подсобное” — хозяйство Узбекистана это весьма наглядно доказывает), как бы велики ни были несчитанные производственные издержки в хозяйстве такого производителя, если их оценивать в системе рыночных координат.

Далее. Определенные изменения претерпевают формы производства, относящиеся к укладу общественного хозяйства и образующие “несущую конструкцию” всей экономической системы агросферы Узбекистана. (Эти изменения в большей степени пока касаются юридической стороны отношений собственности, чем экономической.) Процесс данных трансформаций развивается по нескольким направлениям.

Во-первых, постепенно сокращается относительный вес производственного потенциала общественного хозяйства — в пользу его частного (псевдочастного) визави. Во-вторых, существенно уменьшается экономическое пространство, занимаемое государственной формой собственности (совхозами), — в пользу различных “негосударственных форм собственности” - колхозов, кооперативных хозяйств, арендных хозяйств (такой реорганизации подлежит примерно три пятых имеющихся в Республике совхозов); кое-что от “пирога” государственной собственности в сельском хозяйстве в ходе ее перераспределения — в частности, в виде земли, воды — достается и “личному подсобному” (мельчайшему частному) хозяйству. Такое сокращение государственной собственности пока происходит путем преобразования непомерно разросшихся к середине 80-х годов “убыточных и низкорентабельных” производственных единиц совхозного сектора общественного хозяйства.

То обстоятельство, что себе сушая власть (в лице государства) постепенно освобождается от столь обременительных объектов

собственности, сбрасывая их в “негосударственные” секторы хозяйства, способствует перекрытию одного из каналов ничем не компенсируемого оттока из агросферы, или — точнее — расхищения, воспроизводимого в ней продукта¹⁶¹. Блокирование влияния этой, обладающей столь большой силой притяжения, “черной дыры” позволяет существенно улучшить условия производства в рамках пока господствующего уклада агросферы — общественном хозяйстве.

В-третьих, новые социальные формы (при “двухрусной” структуре организации хозяйства) появляются на части пространства, охватываемого колхозной системой: часть колхозов преобразуется в коопхозы, из которых выделяются как составная часть новых образований первичные (“внутрихозяйственные”) производственные кооперативы (обычно состоящие из нескольких семей), а во главе их становится “кооператив оперативного руководства”, выполняющий, помимо организационных и распределительных функций, функцию материального обслуживания первичных кооперативов (поставки средств производства, предоставление кредитов и др.). Иначе говоря, в колхозном секторе общественного хозяйства реформа вызывает в тенденции такое “внутрихозяйственное” разделение труда, которое, будучи зафиксировано социально, посредством его кооперативизации, призвано раздробить юридический титул собственника (владельца), принадлежащий всему коллективу подвергнутого реформированию колхоза, между обособившимися (в данном случае — двумя) группами лиц, ныне связанными между собой лишь функционально (т.е. выполнением особых, возможно, взаимодополняемых функций в воспроизводственном процессе).

Рядом с преобразуемыми подразделениями общественного хозяйства возникают крохотные островки предположительно частных (или псевдочастных) — коллективных или индивидуальных — фермерских (деханских) хозяйств, в идеал-типической (официально провозглашенной) модели (но не в практике жизни) занимающих равнопорядковое положение с “левиафанами” хозяйственной системы агросферы Узбекистана — колхозами и совхозами.

Аграрные преобразования, связанные с перераспределением средств производства, дали значительный импульс процессам становления того типа производственных единиц, которые А.В.Чаянов определял как “оптимальные”¹⁶². Эти процессы, охватывающие практически все отрасли сельского хозяйства, развиваются с обеих сторон хозяйственной системы агросферы — и “сверху” (частичное разукрупнение производственных единиц в некоторых звеньях общественного хозяйства), и “снизу” (некоторое увеличение — благодаря существенному приросту землепользования — производственных единиц “личного подсобного”, т.е. мельчайшего, хозяйства). В условиях “землесберегающего” ТСП фактор оптимизации производственных единиц, предполагающий, помимо прочего, экономичное потребление

природных ресурсов производства как особо значимую (базисную) установку всей производственной деятельности, призван внести существенный вклад в восстановление положительного потенциала экономического роста в агросфере.

На достижение этой же цели работает и комплекс преобразований, осуществляемых в собственно механизме воспроизводства в сельском хозяйстве.

В начале 90-х годов, пожалуй, впервые со времени НЭПа, в Республике (как, впрочем, и в некоторых других странах, возникших на территории бывшего СССР) столь отчетливо обозначилось движение к смягчению остроты крайне болезненной (для сельского хозяйства) проблемы — неэквивалентности межотраслевого (межсекторского) обмена. Решение этой проблемы, как отдают себе в том отчет “отцы” политики реформ, — фундаментальное условие для полноценного, посредством использования рыночных детерминант (обратных — от рынка к хозяйству — связей), включения огромной части народного хозяйства Узбекистана и связанных с ней ресурсов рабочей силы в отвечающий национальным приоритетам процесс экономического роста. А все это предполагает последовательное устранение депрессоров многоликой системы внеэкономического принуждения, в которой со времен коллективизации пребывало сельское хозяйство Республики. Начало (хотя и скромное) этому процессу на заре 90-х годов было положено.

Во-первых, была изменена ценовая политика государства в сельском хозяйстве. Закупочные цены по “обязательным поставкам” (и различным “осовремененным” вариантам последних, таким, например, как “государственный заказ”), всегда столь болезненно угнетавшие производителя, лишавшие его мотивации к высокопроизводительному труду, были увеличены; теперь они больше приблизились к тем, которые возмещают действительные затраты на производство (включая, естественно, затраты на оплачиваемый по “остаточному принципу” труд). Иначе говоря, хотя по принятому в Зазеркалье порядку не производитель (т.е. не рынок в конечном счете), а власть, стоящая над ним, его направляющая и принуждающая, определяет цены на произведенный им продукт (как, впрочем, и ценовые пропорции обмена в целом)¹⁶³, кратократия вынуждена все больше оглядываться на диктуемые рынком нормы обмена.

Дала трещину государственная монополия на рынке: она несколько “потеснилась” в пользу других его агентов, в том числе, находящихся за пределами Республики (официальный, т.е. разрешенный, и “подпольный” экспорт сельскохозяйственной продукции). Новый порядок допускает и самостоятельное, хотя и жестко регламентируемое, вхождение хозяйства в “регулируемый” рынок (например, предоставление хозяйству разрешения реализовать на рынке часть продукции из “государственного заказа” по “договорным ценам”, при полном

выполнении последнего, а также “излишек”, произведенный сверх “госзаказа”).

Во-вторых, за пределами сегмента хозяйственной деятельности, ориентированной на выполнение навязанного кратократией “государственного заказа”, т.е. на производство продукта, в лучшем случае лишь половина которого подлежит отчуждению по особенно заниженным — “закупочным” — ценам, производитель — коллективный или индивидуальный — получил в ряде случаев право на самостоятельный (!) выбор, если использовать здесь понятие А.В.Чаянова, “организационного плана” своего собственного производства. (Этот глоток свободы, конечно, нужно оценивать в контексте действующего в Зазеркалье порядка, при котором “колхозы и совхозы были лишены возможности самим определять направление производства — что сеять и что производить”; они “многие годы не могли осуществить свою мечту”(!), т.е. внедрить отвечающий экономическим интересам хозяйства и экологическим требованиям общества в целом севооборот сельскохозяйственных культур¹⁶⁴.)

Наконец, не менее значимым достижением политики реформ нужно считать прорыв ростков реформаторского сознания в идеологическую сферу общества, прорыв, проявляющийся, помимо прочего, в гласном неприятии кратократических порядков в агросфере¹⁶⁵. Пожалуй, впервые за многие десятилетия столь открыто¹⁶⁶ стала обсуждаться в обществе проблема — представляющаяся двойником какого-нибудь образа из театра абсурда при естественной форме экономического процесса, но оказывающаяся реально существующей, обнаженно остро стоящей при порядках, царящих в мире Зазеркалья, — о том, что именно сам производитель — коллективный и индивидуальный — должен быть хозяином (собственником) произведенного им продукта (а вовсе не кратократия)¹⁶⁷. Между тем, и это не будем упускать из виду, последовательное изгнание кратократии как детерминантного агента производственных отношений из полностью подмятой ею под себя сферы распределения воспроизводственного механизма в агросфере знаменовало бы собою тот фундаментальной важности факт, что **процесс становления многоукладной системы хозяйства в свободной форме ее бытия¹⁶⁸, наконец-то обретает адекватные себе социальные условия**; ибо отношения собственности при такой “смене вех” в социальной эволюции изменяются во всем их объеме **в пользу производящего субъекта агросферы¹⁶⁹**.

И здесь мы подошли к, возможно, стержневой проблеме экономической реформы, ориентированной на включение хозяйства в поле рыночных отношений. Почему реформа “пробуксовывает” или, может быть, точнее сказать — обречена на “пробуксовывание”? Дело, думается, в том, что, как свидетельствует уже достаточно значительный опыт, накопленный в странах СНГ, преобразование экономической системы, при которой детерминантным агентом производственных отношений

выступает себе сущая власть, в каких бы конкретных формах в данном качестве она ни проявлялась, — процесс несравненно более трудный, нежели тот, который протекает в условиях экономических порядков, основанных на частной собственности как конституирующей данную экономическую систему форме собственности. Ибо:

а) при кратократическом устройстве общества отчуждение факторов производства от производящего субъекта не только идет гораздо глубже, оно и осуществляется **на качественно ином уровне** (властный беспредел себе сущей власти как **норма** социально-экономической среды, в которой функционирует этот производящий субъект);

б) отчуждающей силой здесь является не частное (отдельное) звено данной социально-экономической системы (например, по терминологии К.Маркса, “политическое”, т.е. как функция власти проявляющееся, насилие, генерируемое крупным, еще не преобразованным в капиталистическое, землевладением, что имело место, в частности, в Российской империи накануне Октябрьского переворота 1917 года), а выступающая как **органическая целостность**, не дифференцированная, простирающаяся на все пространство бытия общества, подчиняющая себе всю экономическую, социальную, политическую, духовную сферы его жизни, себе сущая власть.

В первом случае преобразование содержательных аспектов собственности влечет за собой уничтожение ее возможных специфических функциональных “довесков” (например, ее способности осуществлять “политическое”, по К.Марксу, т.е. властное, насилие); во втором случае, напротив, именно преобразование многолико проявляющегося функционального бытия власти (власти-функции) только и может повлечь за собой изменение содержательных аспектов отношений собственности (т.е. устранение власти как агента производственных отношений). Как объект реформы этот второй случай — несравненно более сложен, требует особого комплекса преобразований (обсуждение которых, однако, не входит в задачу настоящей работы).

Поэтому, по-видимому, закономерно, что при кратократии как типе общественно-экономической организации общества и его хозяйства, как показывает уже достаточно значительный опыт, в частности, рассматриваемого здесь Узбекистана, первые шаги на поприще экономической реформы неизбежно начинаются с “исправления” старых экономических форм, при сохранении их сущностного начала, а содержательный потенциал действительно новых форм подвергается интенсивным процессам выхолащивания.

Так, хотя уже появляются “ростки” рыночной конкуренции, этого имманентного свойства рынка и рыночного хозяйства, аграрная экономика Республики в огромной части своего ареала (за частичным исключением зоны “личного подсобного” хозяйства) продолжает работать на принудительный “заказ” в его государственном виде, и, соответственно, ее динамика еще не детерминируется движением цены,

которая определялась бы рыночным равновесием спроса и предложения, адекватно учитывала бы издержки производства (при корректирующем воздействии со стороны государства или вовсе без такового). Более того, механизм неэквивалентного обмена, выпестованный кратократией в ходе ее длительного господства в агросфере Узбекистана, хотя и поколеблен, еще отнюдь не сломлен¹⁷⁰. Он продолжает действовать во всех звеньях воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве, деформируя, помимо прочего, пропорции обмена, если использовать здесь рыночные понятия К.Маркса, между участвующей в производстве рабочей силой и противостоящими ей средствами существования (представленными фондом заработной платы и общественными фондами потребления).

Особенно это касается, конечно, общественного сектора сельского хозяйства, на который приходится подавляющая часть продукта, реализуемого в форме “госзаказа”, т.е. по принудительно установленной цене на несвободном (“обязательном”) рынке. Самостоятельный же выход общественного хозяйства на рынок происходит в обстановке жесткого противоборства с кратократией, стремящейся, невзирая ни на какие издержки для общества, навязать свои, разрушительные (для хозяйства), силовые “правила игры”¹⁷¹.

Специфическим объектом кратократической “неприязни” являются потенциально частные формы хозяйства, к каковым в агросфере Узбекистана относятся “самостоятельные дехканские (фермерские) хозяйства” и содержательно родственные им субъекты хозяйственной деятельности (коллективные и индивидуальные; выделившиеся из колхозов-совхозов “свободные товаропроизводители” и отрезанные от самостоятельных контактов со свободным рынком властным посредником — колхозом — совхозом “внутрихозяйственные” производители: арендные коллективы в колхозах, коопхозах и др.).

Переход к рынку императивно потребовал формирования адекватного последнему экономического агента. И себе сушая власть вынуждена была допустить становление хозяйств, такового агента представляющих, — фермерских хозяйств. Но она существенно ограничила их численный рост¹⁷². Более того, себе сушая власть постаралась (и во многом преуспела в этом) накрепко привязать эти хозяйства к их общественному визави, управляемому кратократией непосредственно, и в результате превратила эти стуски потенции частных предприятий в **функциональные придатки колхозно-совхозной системы**. Фермерское хозяйство, этот “чуждый (для кратократии) частный элемент”, поставлено в худшие (по сравнению с “протежируемыми” общественными формами хозяйства) условия воспроизводства, касается ли дело обеспечения его землей¹⁷³, доступа к материальным ресурсам производства¹⁷⁴, средствам кредита¹⁷⁵, рынку сельскохозяйственной продукции (так и не ставшая реальностью свобода рыночного выбора, как отмечалось, подменена принудительной “работой на заказ”, поглощающий весь объем или — в лучшем случае —

подавляющую долю потенциально товарной продукции хозяйства)¹⁷⁶. Иначе говоря, перед нами — феномен становления в ходе экономической реформы **института псевдофермерства**, охватывающего значительную часть лиц, отнесенных в официальной “табели о рангах” к категории “фермеров”.

Все это позволило некоторым исследователям сделать весьма жесткий вывод: “...преобразование экономического механизма во многих хозяйствах (фермерских и первичных кооперативах. — В.Р.) происходит формально и зачастую проявляется лишь в “смене вывески”, без какой-либо существенной реорганизации производственных отношений”¹⁷⁷.

Иначе говоря, по-прежнему имеет место **экономическая реализация себе сущей власти как собственности**. Но при этом масштабы продукта, присваиваемого властью в этом ее качестве, относительно, возможно, сокращаются, а в мертвящем ледовом покрове кратократического порядка появляются рыночные “окна”, в которых “поселяются” *bona fide* производители-собственники.

Главное — лед тронулся... Понятие “поэтапный переход к рыночным отношениям”¹⁷⁸, возможно, действительно отражает начавшийся в Узбекистане процесс отмирания (преобразования) многоликой, многофункционально проявляющейся системы отношений внеэкономического принуждения и формирования подлинных предпосылок движения хозяйства агросферы Республики к рынку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из советских (российских) исследователей первым, кто обратился к изучению характерных параметров “восточной” модели ТСП (на примере Китая) в их исторической динамике, был А.С. Мугрузин, вернувший (в буквальном смысле слова) в наше обществоведение забытое имя выдающегося российского ученого-востоковеда Е.Е. Яшнова (см.: *Мугрузин А.С.* Е. Е. Яшнов об особенностях хозяйственного строя и истории Китая. — Народы Азии и Африки. М., 1984, № 3, с. 154—166). В наиболее полном виде А.С. Мугрузин развернул аргументацию по поводу упомянутого ТСП, причем в контексте его воздействия на весь ход исторического процесса, сначала — в своей докторской диссертации (1988 г.), а впоследствии — в своем фундаментальном труде: *он же.* Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. М.: “Наука”. Издательская фирма “Восточная литература”, 1994 (см. главы 3, 6, 14).

² Этот яркий образ, описанный словами В.К. Тредиаковского, напомним, запечатлел в виде эпитафии к своему бессмертному “Путешествию” А.Н. Радищев.

³ Из уже многочисленных работ А. И. Фурсова по данной проблематике хотелось бы выделить: *Фурсов А. И.* Глава I. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории. — Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1995; а также серию публикаций в журнале “Социум”. М., №№ 8, 9, 10—11, 12 за 1991 г.; №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 за 1992 г. Не оставит без внимания заинтересованный читатель и работу: *Семенов Ю. И.* Россия: что с ней случилось в двадцатом веке. — Российский этнограф. Этнологический альманах. № 20. М., 1993. (В статье обосновывается концепция “индустриополитаризма”).

⁴ Цит. по: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., с. 119.

⁵ Автор в связи с этим ссылается на Устав бывшей КПСС, предоставивший даже первичным ячейкам партийной организации право

контролировать деятельность управленческих структур в любой сфере (см. там же, с. 119).

⁶ Там же, с. 119, 120.

⁷ Цит. по и подробнее см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., гл. I, VI.

⁸ См. *Фурсов А. И.* Послесловие. — Капитализм на Востоке во второй половине XX в., с. 598.

⁹ В истории государственной отчетности по Узбекской ССР был такой эпизод, зафиксированный главным статистическим ведомством СССР (по времени он относится к самому началу 80-х годов).

Один из бывших подследственных по так называемому “узбекскому делу” (подробнее см. прим.122) привел в своих показаниях весьма любопытный факт: “Я был на совещании в Ташкенте, на котором присутствовал Брежнев. Тогда Рашидов пообещал в год дать свыше пяти миллионов тонн хлопка [-сырца.— *В.Р.*]. Как сейчас помню реплику Леонида Ильича: “Округли, Шарафчик, до шести миллионов!”. И ответ Рашидова: “Есть, Леонид Ильич”. А на другой день — лозунги по всей республике, призывы” [Цит. по: *Овчаренко Г., Черненко А.* Колонна. — “Правда”. 17.07.1988]. И округлили! По данным ЦСУ СССР, опубликованным в 1986 г., в 1981 г. валовой сбор (закупки) хлопка-сырца в Узбекистане составлял 6023 тыс. т, в 1982 г. — ровно (какая точность!) 6000 тыс.т, а в 1983 г. — 5921 тыс. т; с 1984 г., когда в Узбекистане стало “раскручиваться” “хлопковое дело” о “приписках”, эти показатели быстро “поползли” вниз: в 1984 г., по сведениям того же ЦСУ, сбор хлопка-сырца составлял 5292 тыс. т, а в 1985 г. — 5382 тыс. т; всего же в пятилетии 1981—1985 гг. в среднем за год, в соответствии с данными государственной отчетности, в Узбекистане якобы производилось 5782 тыс. т хлопка-сырца (см. Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., с. 210). Уже через два года в эту отчетность пришлось вносить существенные коррективы. По “уточненным” данным среднегодовые сборы за пятилетие составляли лишь 5159 тыс. т (см. Народное хозяйство СССР в 1987 г. М., с. 189). Иначе говоря, “приписки” к государственной отчетности о сборах хлопка-сырца за пятилетие 1981—1985 гг. достигали 11% от их “уточненной” величины. Официально выявленные (до конца ли?) соответствующие “приписки” за пятилетие 1976—1980 гг. были меньше: их величина составляла лишь 6,4% (подсчитано по данным указанных источников, те же стр.).

Для 1983 г. имеются более детальные оценки (см. прим. 119, 122). В этом году “приписочный” (“воздушный”) объем сборов хлопка-сырца в Узбекистане превысил пятую часть величины его реального (точнее сказать — “очищенного” лишь от выявленных “приписок”) сбора (20,1%), или 991,7 тыс. т из указанных в государственной отчетности 5921 тыс. т; а официально показанная урожайность хлопка-сырца (т.е.

включающая “приписочный довесок”) обозначена величиной 31,4 ц/га

(см. Народное хозяйство СССР в 1985 г., с. 210); если допустить, что сведения о площади посевов хлопчатника адекватно соответствовали действительной, фактическая урожайность хлопка-сырца в лучшем случае не превышала 26,1 ц/га. (Социальный смысл так называемых “приписок”, их функциональную роль в движении воспроизводимого продукта мы специально рассмотрим в другом месте работы. См. раздел 7.)

¹⁰ Подробнее см.: *Аминова Р.Х.* Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.). Ташкент, 1963, с. 261, 274, 275, 300, 304, 305.

¹¹ Мир в цифрах. Статистический сборник. 1992 (Статистический Комитет СНГ). М.: Финансовый инжиниринг, с. 373, 375.

¹² Подсчитано здесь и ниже по: Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917—1927. ЦСУ СССР, [б. м., б. г.], с. 214-219; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 года. Под редакцией П.И.Попова (Репринтное воспроизведение издания 1926 года). М.: Госкомстат России, 1993, с. 130.

¹³ СССР в цифрах. Статистический сборник. М., 1958, с.183; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.—Л., 1932, с. XXXIX.

¹⁴ Подсчитано по: см. прим. 12.

¹⁵ Народное хозяйство [России] в 1915 году. Петроград: Комиссариат Финансов, 1918, с. 142.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 года, с. 143.

¹⁸ См. *Аминова Р. Х.* Аграрная политика Советской власти в Узбекистане, с. 293—298.

¹⁹ Р.Х. Аминова обращает внимание на следующую закономерность: “Эти изменения (замена технических культур продовольственными. — *В.Р.*) привели к тому, что дехканские хозяйства, утрачивая товарный характер, превращались в натурально-замкнутые” (там же, с. 302). Это положение нуждается, однако, в некотором уточнении. В отличие от России, где послереволюционная натурализация крестьянского хозяйства стала органическим элементом структурных изменений в хозяйстве агросферы, в высокоспециализированном земледелии Туркестана процесс натурализации был лишь временным моментом, определяемым исключительно изменением динамических характеристик рынка.

²⁰ Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 года, с. 144; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917—1927, с. 171; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932, с. 183.

²¹ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917—1927, с. 162.

²² Подробнее см.: *Крылов В.В.* Традиционализм и модернизация деревни развивающихся стран в условиях НТР. — Аграрные структуры стран Востока. М.: “Наука”, 1977, с. 275—277.

²³ Народное хозяйство [России] в 1914 году. Петроград: Министерство финансов, 1916, с. 132; см. также Народное хозяйство [России] в 1913 году. Петроград: Министерство финансов, 1914, с. 169, 171.

²⁴ Нес потери мелкий производитель-хлопковод и как “чистый” товаропроизводитель — в результате неэквивалентного обмена на рынке.

Так, кокандский биржевой комитет, проводивший оценку изменений в его положении в связи с начавшейся в 1915 г. инфляцией, отмечал, что несмотря на “сильно увеличившийся приток денег” в Фергану “благосостояние хлопководов едва ли значительно улучшилось. Если дехкань и получил за свой продукт приблизительно на 50% более, чем в нормальное время, зато, с другой стороны, за предметы своего обихода он принужден был платить на 100% более, чем в нормальные годы” (см. Народное хозяйство [России] в 1915 году, с. 141).

²⁵ *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: “Экономика”, 1989, с. 429, 430.

²⁶ Принцип приоритета общесоюзного разделения труда над национальным (республиканским) кратократия даже местного уровня отстаивала вплоть до падения коммунистического порядка в Узбекистане. Незадолго до распада СССР “Первое Лицо” Республики с гордостью утверждало (в ответах на вопросы представителя прессы — “в чем суть возможной новой программы для Узбекистана?”): “В решительном переходе от “престижных” целей в развитии экономики к действительно повышению ее эффективности (об этом — подробная речь впереди. — *В.Р.*), **ее отдачи во всесоюзном разделении труда...** Мы считали и считаем хлопководство не “бременем”, а воистину и своей национальной гордостью, **и своим интернациональным долгом**” (Подчеркнуто нами. — *В.Р.*) (Цит. по: “Известия”. 21.04.1988). В этих словах нехватает разве что “пустячка” — мысли о повышении уровня жизни узбекского народа (многочисленные слои которого населяют “зону бедности” — см. ниже) как центральной задаче возможной экономической стратегии тогдашнего республиканского руководства.

²⁷ См. *Оболонский А. В.* Драма российской политической истории: система против личности. М.: “Юрист”, 1994, гл. I.

²⁸ Ср. у А.И. Фурсова фундаментальные положения о взаимодействии субъектного и системного потоков исторического развития (теория культурно-исторического субъекта) (см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX века, гл. I).

²⁹ Видимо, в этот период была заложена в Узбекистане (как и во всей стране) и бурно расцветшая в 70-х — 80-х годах практика “приписок” в государственной (официальной статистической) отчетности, призванная свидетельствовать о “социалистических” успехах сельского хозяйства. В частности, эта практика получила импульс от самого

верхнего эшелона власти тогдашнего СССР — при обнаружении тезиса о якобы выполненных (причем — досрочно!) наметках первого пятилетнего плана (подробнее см.: *Лацис О.* Проблема темпов в социалистическом строительстве. — “Коммунист”. 1987, № 18; см. также “Известия”. 31.05.1995).

³⁰ О. Лацис рисует менее красочную картину успехов в “социалистическом строительстве” в хлопководстве СССР в период коллективизации. По его данным (ставшим доступными после 1985г.), урожайность хлопка-сырца за период “скачка” 1928— 1932 гг. упала с 8,1 ц/га до 5,9 ц/га, или на 27% (см. *Лацис О.* Проблема темпов в социалистическом строительстве, с. 85). Главной ареной этого драматического спада, свидетельствовавшего, помимо прочего, о резком падении экономического интереса у коллективизированных производителей добывать “белое золото”, были, как явствует из предыдущего раздела, республики Средней Азии. Между тем официальный показатель урожайности хлопчатника в главной хлопкопроизводящей зоне страны — Узбекистане (две трети — три пятых общесоюзного производства; см. табл.10), разработанный в 30-х годах, был совсем иным: для 1932 г. он составлял 8,2 ц/га (см. табл. 1).

³¹ Составлено по данным табл. 2.

³² *Murdal G.* Agricultural Development and Planning in Underdeveloped Countries outside Socialist Sphere. — Fourteenth International Conference of Agricultural Economists, Minsk, USSR, August 1970. Theme Papers. Oxford, 1970; *Hayami Y., Ruttan V.W.* Agricultural Development: an International Perspective. L.: John Hopkins Press, 1971.

³³ Uzbekistan. Economic Review. Wash.: IMF, 1994, с. 92.

³⁴ К этому нужно добавить, что к концу 80-х годов в некоторых районах хлопководства постепенно стала ощущаться нехватка воды для полива: ведь используемые в отрасли технологии основывались на возможности безбрежно-расточительного расходования этого ресурса производства; складывавшаяся ситуация императивно требовала экономии затрат, вещественный компонент которых обеспечивается Природой.

³⁵ Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 111.

³⁶ Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938гг.). Статистический сборник. М.-Л., 1939, с. 147.

³⁷ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1964 г. М., с. 279, 349; Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 218, 219, 241; Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., с. 470, 491; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 208; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г. Ташкент, 1989, с. 236.

³⁸ Подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 239; Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., с. 458; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 471, 492; Страны-члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 458.

³⁹ Подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Ташкент, 1988, с. 98, 100; Страны-члены СНГ. [1992], с. 457, 458.

⁴⁰ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 году. М., 1962, с. 326, 327, 349; Народное хозяйство СССР в 1967 г. М., 1968, с. 375, 376; Народное хозяйство СССР. 1922—1972. М., 1972, с. 245.

⁴¹ Подсчитано по: Страны-члены СНГ. [1992], с. 457, 458.

⁴² Подсчитано по: там же.

⁴³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 22, 23; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 216, 218, 238, 239.

⁴⁴ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 году, с. 346, 352; Народное хозяйство СССР в 1967 г., с. 371, 379; Народное хозяйство СССР в 1973 г., с. 394, 396, 398, 400; Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 221, 222; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 100; Страны-члены СНГ. [1992], с. 458.

⁴⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 100, 109.

⁴⁶ Подсчитано по: там же.

⁴⁷ Мир в цифрах. [1992], с. 372, 373.

⁴⁸ Подсчитано по: Agricultural Statistics of the Punjab. Pakistan (The Board of Economic Inquiry, Punjab [Pakistan]. Publication № 97). Lahore, 1950, с. 71, 72, 97; Pakistan Statistical Yearbook 1955. Karachi, 1956, с. 16; Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1970. Bangkok, с. 283; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1982. Bangkok, с. 409; Pakistan Economic Survey 1989-90. Islamabad, 1990, Statistical App., с. 43, 45.

⁴⁹ Об экспортной специализации зерновой и хлопкопроизводящей отраслей сельского хозяйства Пенджаба в колониальный период и о влиянии на этот процесс мирового рынка подробнее см.: *Растянников В.Г.* Аграрные отношения в Пенджабе (1900—1947 гг.). М., 1954, гл. I (канд.дисс.). За период 1900/1901 — 1920/1921 гг. на мировом рынке (т.е. исключая внутренний рынок еще неразделенной Индии) было реализовано 29% валового сбора пенджабской пшеницы (там же).

⁵⁰ Так, на рубеже 60-х — 70-х годов, с развертыванием в Пакистане “зеленой революции”, государство установило закупочную цену на зерно, вдвое превышающую мировую (подробнее см.: *Falcon W. P.* The Green Revolution: Generation of Problems. — American Journal of Agricultural Economics. Lexington, 1970, vol. 52, № 5, с. 702).

⁵¹ См., например, Народное хозяйство [России] в 1913 году, с. 169, 175.

Фактически же туркестанский хлопок реализовывался на российском рынке, по-видимому, по более высоким ценам. Например, цены на хлопок-волокно ферганский 1-го сорта, наличный, проданный в Москве, были в расчете на один пуд выше цен на импортный хлопок (40%—50% его ввозилось из США), исчисленных таможенным

ведомством России, на 56% — в 1910 г., 62,5% — в 1911 г., 89,3% — в 1912 г., 66,6% — в 1913 г. (подсчитано по: там же. При расчете данных показателей была принята среднегодовая цена на туркестанский хлопок, исчисленная как среднеарифметическая величина за двенадцать месяцев.)

⁵² Например, с 1953 г. зерно “закупалось” государством в колхозах России по 2,5 коп. за 1 кг (в масштабах цен 1961 г.)! И даже незадолго до развала СССР государственная закупочная цена 1 кг пшеницы составляла всего 9 коп., и при этом исчислялась она в валюте, стремительно подвергавшейся инфляционному обесценению.

⁵³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 140.

⁵⁴ *Трушкин Э.* Вода стоит дорого. — Экономика и статистика. Ташкент, 1993, № 4, с. 60.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Валовик О.Е.* АПК Узбекистана сегодня и завтра. Ташкент: “Мехнат”, 1989, с. 19.

⁵⁷ Там же, с. 18, 19.

⁵⁸ Uzbekistan. [IMF. 1994], с. 92. “Неэффективная практика полива, применение минеральных удобрений в чрезмерно больших количествах, отсутствие соответствующего условиям полива дренажа вызвали интенсивные процессы заболачивания и засоления почвы, выход грунтовых вод на поверхность. Из-за эрозии земли и по другим причинам площадь под хлопчатником в Узбекистане сократилась с 2 млн.га в 1987 г. до 1,65 млн.га в 1992 г. ...На здоровье людей и окружающую среду отрицательное влияние (оказывало. — *В.Р.*) чрезмерное использование в хлопководстве химикатов”(там же).

⁵⁹ Подробнее о совокупности мер технического, фискального и экономического характера, призванных способствовать становлению новой культуры поливного земледелия, см.: *Трушкин Э.* Вода стоит дорого, с. 60—62.

⁶⁰ *Валовик О.Е.* АПК Узбекистана сегодня и завтра, с. 21.

⁶¹ Там же, с. 20.

⁶² Основательно аргументированное исследование причин, вызвавших экологическую катастрофу на Арале и в Приаралье, провела М.Ю. Морозова. См. *Морозова М.Ю.* Аральский кризис: история, реальность, перспективы. — Восток. М., 1994, № 6, с.72—80.

⁶³ Например, в одиннадцатой пятилетке (1981—1985 гг.) (т.е. в период, когда уже ярко обозначились огромные масштабы экологического кризиса) на мероприятия по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов были израсходованы суммы, составляющие 1,32% общей суммы средств, затраченной на капитальное строительство (Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 313; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 299).

⁶⁴ Составлено и подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М.: Госстатиздат, 1962, с. 98—99; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т.V. М.: “Статистика”, 1973, с. 170, 224, 247; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987г., с. 208; Мир в цифрах. [1992], с. 83; Мир в цифрах. Статистический сборник 1993. М.: Финансово-статистический инжиниринг, 1993, с. 81, 78; Страны-члены СНГ. [1992], с. 447, 448; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 16.

⁶⁵ Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с. 20—22.

⁶⁶ Statistical Abstract of the United States 1990. Wash.: US Bureau of the Census, 1990, с. 560, 659.

⁶⁷ Труд в СССР. [1988], с. 253—255.

⁶⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: “Наука”, 1992, с. 22; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987г., с. 200; Страны-члены СНГ. [1992], с. 447.

⁶⁹ Об этом сообщалось на пленуме ЦК правящей партии, состоявшемся в начале 1988 г. (См.: “Правда”. 05.02.1988).

⁷⁰ См., например, Труд в СССР. [1988], с. 71—73, 76.

⁷¹ Составлено и подсчитано по: Труд в СССР. [1988], с. 72, 76; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 200, 208; Сельское хозяйство СССР. [1988], с. 16, 421; Мир в цифрах. [1993], с. 78.

⁷² См. Социалистическое строительство Союза ССР (1933 — 1938 гг.), с. 147.

⁷³ Подсчитано по данным табл. 1, включая прим. 20.

⁷⁴ Первый секретарь ЦК КП Узбекистана эпохи “перестройки” Р.Н. Нишанов свидетельствует: “В Узбекистане сейчас свыше полумиллиона человек не заняты общественным трудом, тогда как в стране в целом (имеется в виду СССР. — *В.Р.*) — ощутимая нехватка трудовых ресурсов. Есть и такие, кто с азартом наблюдает петушинные бои, в то время как дети убирают хлопок” (Цит. по: “Известия”. 21.04.1988, с. 2).

⁷⁵ Царившую в обществе моральную атмосферу, складывавшуюся под влиянием “хлопкового прессинга” со стороны кратократии, хорошо передает один из очевидцев на страницах “Нового мира”: “Дни сбора хлопка в Средней Азии напоминают мертвый сезон. На два—три месяца закрываются двери школ, институтов, учреждений. В половину мощности работают заводы, фабрики, запираются двери райкомов и горкомов: все на хлопке, под палящим солнцем. И школьники, и студенты, и кормящие матери, и старики, и врачи, и учителя. Никому никаких поблажек и скидок. Уже в наше время в этом крае родились поговорки: хлопок не посадишь — тебя посадят, хлопок не убережешь — тебя уберут. В такие дни здесь все говорят о хлопке, все следят за сводкой выполнения плана.

Газеты, радио, телевидение служат одному богу — хлопку. ...22 сентября, Ташкент” (Аральская катастрофа. — Новый мир. М., 1989, № 5, с. 187).

⁷⁶ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 158, 164.

⁷⁷ Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 94. (Показатель — Международного консультативного комитета по хлопку.)

⁷⁸ *Breman J. Taming the Coolie Beast. Plantation Society and the Colonial Order in Southeast Asia. Delhi: Oxford University Press, 1989, с. 99, 270.*

⁷⁹ Исследовательница проблем хлопковых плантаций Юга США Н.Э.Вудраф свидетельствует: “Плантаторы Дельты (р. Миссисипи. — *B.P.*) в 40-х годах бились над решением проблемы, каким образом лучше всего модернизировать плантационное хозяйство, сохранив в то же время общество, в котором действует формула гражданства, исключаяющая из последнего большинство населения”. Они стремились “реформировать плантации, не изменяя отношений власти, как раз и определявшей формулу гражданства”. Между тем “пугающая нищета с ее типологическими признаками — лачугами арендаторов, слабой образованностью населения, сопутствующими нищете болезнями” — царили на плантациях. Землевладельцы “выражали озабоченность по поводу потерь от низкой эффективности труда, причиной которых было использование полуголодных и неграмотных рабочих” (*Woodruff N.E. Mississippi Delta Planters and Debates over Mechanization, Labour, and Civil Rights in the 1940's. — The Journal of Southern History. Vol. 60, 1994, № 2, с. 263, 274).*

⁸⁰ Подсчитано по данным табл. 5.

⁸¹ Uzbekistan. Economic Review. Wash.: IMF, 1992, с. 1.

⁸² Например, только вследствие ненадлежащего хранения хлопка-сырца после уборки урожая его потери по республике “достигают ежегодно несколько сотен тысяч тонн” (*Кудратов Г. Хлопковый подкомплекс нуждается в реформе. — Экономика и статистика. 1993, № 5, с. 33).* По Союзу в целом потери хлопка-сырца составляли “более 10% урожая” (цит. по: Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходный период. Вашингтон: Всемирный банк, 1993, с. 239).

⁸³ См. Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 240; Страны-члены СНГ. [1992], с. 92, 459.

⁸⁴ Подсчитано по: Народное хозяйство в Узбекской ССР в 1988 г., с. 206.

⁸⁵ Там же, с. 207.

⁸⁶ Страны-члены СНГ. [1992], с. 453; Экономика Содружества Независимых Государств. Краткий справочник. (Статистический комитет СНГ). М., 1993, с. 43.

⁸⁷ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 88.

⁸⁸ Данная таблица (№ 9) нуждается в некотором комментарии. Мы видим, что различия (иногда — весьма глубокие) по степени

рентабельности производства между хлопковой и зерновой отраслями сельского хозяйства наблюдаются как в колхозах, так и совхозах — до конца 80-х годов. Только после неоднократного повышения закупочных цен в это драматическое десятилетие совхозы, наконец-то, показали положительную рентабельность в зернопроизводстве, а также молочном хозяйстве, “подтянули” рентабельность производства к уровню таковой в колхозах — в хлопководстве и овощном хозяйстве. Но это уже не могло остановить набравший скорость оползень экономических деформаций в общественном хозяйстве.

⁸⁹ Дусматов С., Шамирзаева Г. Проблемы аренды и фермерства. — Экономика и статистика. 1993, № 7, с. 39.

⁹⁰ Маркс К. Капитал. Т. III. Ч. II — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II, с. 451.

⁹¹ Подсчитано по: Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 6.

⁹² Составлено и подсчитано по: Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 60, 93; Внешнеэкономическая деятельность государств Содружества. Статистический сборник. М.: “Финстатинформ”, 1993, с. 150, 155; Финансовые известия (“Известия” — “Financial Times”). № 1. 29.10.1992; № 2. 05.11.1992; № 42. 20.08.1993.

При определении соотношения между обоими уровнями хлопковых цен был использован специально рассчитанный коэффициент “волоконной” части цены единицы массы хлопка-сырца. По сведениям Статистического комитета СНГ, в 1991 г. хлопкоочистительные предприятия Республики поставили для экспорта в страны дальнего зарубежья 259,5 тыс. тонн хлопка-волокна (22,1% общего объема его экспорта) на сумму 1850,6 тыс.руб. “во внутренних ценах”, т.е. по 7131 руб. за тонну. Закупочные же цены на хлопок-сырец составляли в этом году 2612 руб. за тонну. При удельном весе выхода хлопка-волокна в 30,3% (конец 80-х годов), для того, чтобы произвести тонну волокна, необходимо было переработать 3,3 тонны сырца — на сумму 8620 руб. Если принять, что оба вида цен относятся к одному и тому же ценовому ряду (“внутренние цены”), а хлопкоочистительные предприятия еще не были наделены экспроприаторскими функциями, как в 1993 г., получим, что цена единицы массы очищенного хлопка (хлопка-волокна) равняется 82,72% цены той массы хлопка-сырца, которая нормально используется на производство единицы массы волокна (стоимость работ по джинированию данной массы хлопка-сырца учтена). Остальную часть цены составляет цена семян и, по-видимому, как всегда обильные “накладные расходы”, заложенные в закупочную цену хлопка-сырца. (Подсчитано по: Внешняя торговля стран-членов СНГ в 1991 г. Статистический сборник. М.: Финансовый инжиниринг, 1992, с. 121; Uzbekistan. [IMF, 1994], с.93).

⁹³ Народное хозяйство [России] в 1915 г., с. 147.

⁹⁴ Там же, с. 145.

⁹⁵ См.: Капитализм на Востоке во второй половине XX века, с. 349.

⁹⁶ Подробнее см.: *Растянников В.Г.* Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М.: “Наука”, 1968, с. 90—91.

⁹⁷ Подсчитано по: Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 18; Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 67.

⁹⁸ Ср.: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 12; Народное хозяйство СССР в 1987 г., с. 14; см. также: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 11, и другие выпуски этого источника.

⁹⁹ Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 92.

¹⁰⁰ Там же, с. 93.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 6.

¹⁰³ Подсчитано по: Там же, с. 17, 18; Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 42, 67, 68.

¹⁰⁴ Составлено и подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 263; Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 17, 18; Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 42, 67—70.

¹⁰⁵ См.: Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 17, 18; Uzbekistan. [IMF, 1994], р. 42, 67; Народное хозяйство СССР в 1987 г., с. 14, и другие выпуски этого источника.

¹⁰⁶ Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 18; Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 67.

¹⁰⁷ Uzbekistan. [IMF, 1994], с. 93, 94. Другим фактором, способствовавшим удержанию издержек в хлопковом хозяйстве на низком (в сравнении со среднемировыми издержками, отраженными в цене хлопка) уровне, были “искусственно заниженные цены на топливо” (см. там же).

¹⁰⁸ Местная власть прекрасно осознавала факт присвоения “Центром” части хлопковой монопольной ренты, хотя и не знала ее точных размеров. В истории отношений между Узбекистаном и Россией — правопреемницей финансовых обязательств бывшего СССР сразу же после распада союзного государства был эпизод (рубеж 1991/1992 гг.), когда первый отказался выплачивать рассчитанную для него долю общесоюзного внешнего долга (3,27% общей суммы последнего). По свидетельству МВФ, Узбекистан “не взял на себя это обязательство на том основании, что экспорт узбекского хлопка Советским Союзом в прошлом приносил значительную выручку в виде свободно конвертируемой валюты, что само по себе предполагало, что Узбекистан фактически был кредитором, а вовсе не должником” (см. Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 4-5).

¹⁰⁹ Впрочем, движение заработной платы чутко отзывалось на изменения рыночной конъюнктуры. За один лишь (военный) год - с 1914 г. по 1915 г. поденная плата на основных работах поднялась, в зависимости от их вида, на 20—40—67% (см. Народное хозяйство [России] в 1915 г., с. 138).

¹¹⁰ Подробнее о различных формах эксплуататорских отношений в селе Узбекистана в 20-х годах см.: *Данилов В.П.* Аграрные реформы в республиках Советского Востока. — Народы Азии и Африки. 1972, № 6.

¹¹¹ Цит. по: *Овчаренко Г., Черненко А.* Колонна. — “Правда”. 17.07.1988.

¹¹² *Семенов Ю.И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения. — Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М.: ГРВЛ, 1980, с. 102—130.

¹¹³ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Т. 46. Ч. I, с. 463.

¹¹⁴ Один из участников процесса вторичного присвоения отчужденного у непосредственных производителей продукта показывал на следствии по “хлопковому делу” в конце 80-х годов: “Ни один вопрос без взятки не решался. Кто давал взятку, тому давали все. Вопрос ставился так: или уходи с поста, или живи по законам преступников. Никакой объективности, партийности, порядочности во взаимоотношениях, производственных делах не было” (цит. по: *Овчаренко Г.* Кобры над золотом. — “Правда”. 23.01.1988).

¹¹⁵ За четыре года, с июня 1984 г. по сентябрь 1988 г. в Узбекистане было смещено со своих постов 58 тыс. “ответственных работников” (*Гдлян Т., Додолев Е.* Пирамида — 1. М.: АПС, 1990, с. 39). В интервью, данном Первым секретарем ЦК КП Узбекистана того времени, отмечалось, что с 1984 г. к апрелю 1988 г. в Республике было заменено “две трети работников, занимавших посты” (“Известия”. 21.04.1988). Впоследствии эти смещения были признаны незаконными (подробнее см. прим. 122).

¹¹⁶ Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 1.

¹¹⁷ Подсчитано по: Страны-члены СНГ. [1992], с.456; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 272.

¹¹⁸ Об этом свидетельствовал в своей, сразу ставшей сенсационной, статье “Кобры над золотом” Г. Овчаренко. См. “Правда”. 23.01.1988.

¹¹⁹ *Гдлян Т., Иванов Н.* Кремлевское дело. М.: АО “Книга”, 1994, с. 96.

¹²⁰ Цит. по: “Правда”. 05.02.1988.

¹²¹ Основанием для такого допущения служат следующие соображения. В колхозах, где до 1985 г. производилось около трех пятых всего объема культуры хлопчатника в Республике, удельный вес валового дохода в их валовом продукте составлял в 1980 г. — 57%, в 1985 г. — 69%, в 1986—1988 гг. — от 67% до 71% (Подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 272). В совхозах (соответствующими точными данными мы не располагаем), вследствие меньшей, чем в колхозах, рентабельности производства в хлопководстве (см. табл. 9) и более высокой технической оснащенности хозяйства

(отсюда соответственно — и большая доля амортизационных отчислений) этот показатель, по-видимому, будет несколько ниже. Средняя величина, возможно колебалась между 60% и 65%. Для расчета мы взяли показатель предположенной верхней границы.

¹²² Конечно, при иной системе допущений могут быть получены показатели доли присвоенного частными лицами общественного дохода, отличающиеся в ту или иную сторону от исчисленного выше. Но при принятии исходных показателей (в том числе разработанных официальной макростатистикой) за более или менее достоверные мы все равно приходим к выводу, что размах частного (личного) присвоения общественного продукта был в то время в Узбекистане чрезмерно большим.

Но здесь я должен сделать одну существенную оговорку. Автор не считал для себя возможным делать какие-либо оценки по политическим аспектам исследуемой темы. Но один из них, как это следует из предложенных расчетов, не затронуть невозможно. Дело в том, что определенная часть использованных в основном тексте количественных данных и практически все цитируемые “признательные показания” по вопросам, касающимся “приписок”, “взяточничества”, хищений государственных средств, была заимствована мною из опубликованных в свое время материалов (включая те, которые включены в недавно опубликованную книгу: *Гдлян Т., Иванов Н.* Кремлевское дело. М.: АО “Книга”, 1995. — 477 стр.), выявленных в результате следствия по так называемому “хлопковому делу” в Узбекистане (1983—1988 гг.), переросшему, по словам руководителей следственной группы, в “Кремлевское дело” — дело о коррупции в высшем эшелоне власти в СССР.

Острая политическая борьба, развернувшаяся на рубеже 80-х — 90-х годов вокруг “хлопкового дела” и выплеснувшаяся, помимо других областей политической жизни советского общества, на авансцену в то время “высшего органа государственной власти” — Съезда народных депутатов СССР (ход этой борьбы, воспроизведенной на базе обширных документальных материалов, подробно описан в указанной книге Т.Гдляна и Н.Иванова) в конечном итоге привела, как отмечают авторы упомянутой книги, к “развалу дела” (и соответственно, к официальной дискредитации полученных в ходе следствия данных). Более того, следственная группа была обвинена в “нарушении социалистической законности” (см. с. 322—323); против ее руководителей было возбуждено уголовное дело; в частности, указывалось, что “никакой мафии в Узбекистане не было и нет” (с. 325—326); вместе с тем оппоненты следственной группы подтверждали факт наличия в Республике “сотни, пусть тысячи высокопоставленных лихоимцев и казнокрадов” (цитируются слова одного из членов Комиссии Съезда по расследованию деятельности следственной группы г-на Александрина; см. с. 359). С января 1990 г. началась “массовая реабилитация обвиняемых по делу” (с.

357), освобождение уже осужденных (с. 441). Тем самым весь свод “признательных показаний” и выявленных на их основе количественных данных о “приписках”, “взяточничестве”, хищениях был оспорен и в этом смысле уже не мог служить однозначно доказательным базисом для достоверных оценок масштабов частного (личного) присвоения кратократией общественного продукта. Одним словом — “А был ли мальчик?”.

Но... через два с половиной года, накануне распада СССР, было установлено, что нарушений законности (“социалистической” и иной) следственной группой, расследовавшей “хлопковое дело”, допущено не было, в связи с чем Прокуратурой СССР уголовное дело в отношении Т.Гдьяна и Н.Иванова было прекращено “из-за отсутствия состава преступления” (подробнее см. с. 444—445). Ситуация — применительно к оценке степени достоверности использованных фактов о коррупции и, соответственно, частном (личном) присвоении — и впрямь сложилась уникальная, совсем по формуле, предложенной незабвенным Богомоллом, лечившим Буратино: “Одно из двух: или пациент жив, или он умер...”.

Однако при внимательном ознакомлении с обстоятельствами, сопутствующими “хлопковому” (“Кремлевскому”) делу, “в осадке” можно обнаружить следующие, действительно существовавшие, факты: а) крупномасштабные “приписки” добычи хлопка-сырца все-таки имели место (они, как мы видели, были установлены ЦСУ СССР); б) за “приписанные” объемы хлопка-сырца, “испарившиеся в воздухе”, были действительно выплачены крупные государственные средства. (Можно напомнить и о том, что в раздираемой противоборством Комиссии Съезда народных депутатов СССР были люди, которые, с одной стороны, яростно обвиняли следственную группу в нарушении “социалистической законности”, а с другой, как упоминалось выше, свидетельствовали о наличии в Узбекистане [и Москве?] “сотни, пусть тысячи высокопоставленных лихоимцев и казнокрадов”).

Поэтому сказанное в данном разделе по вопросу о частном (личном) присвоении посредством механизма “приписок”, “взяточничества”, прямых хищений может рассматриваться лишь как **гипотеза**, как бы ни склонялась личная позиция автора в пользу признания собранных в ходе следствия сведений о коррупции достоверными. В пользу такого предположения говорит, в частности, и то обстоятельство, что на партийных форумах (XVI пленум ЦК — 1984 г. и XXI съезд КП Узбекистана — 1988 г.) данный вопрос ставился и обсуждался как вопрос **о событии, действительно имевшем место** в Республике, даже хотя решения этих форумов были впоследствии отменены.

О масштабной “приписочной” деятельности в Узбекистане того времени свидетельствуют и современные авторы, близко стоящие к источникам информации. Главный редактор “Правды Востока”, рассказывая о “недостатках”, “упущениях”, “ошибках” в республике в бытность Ш.Р.Рашидова Первым секретарем ЦК КП Узбекистана, корни

этого “зла” находит в самой природе социализма: “Приписки при социализме стали узаконенным видом преступления”. По мнению автора, «такого вида правонарушения и аморальности, как приписки, до советского социализма не знало ни одно общество. Это было великое “новшество” социализма» (*Сафаров Р.* Светлый образ. — Экономика и статистика. Ташкент, 1993, № 11—12, с. 61). На фоне этой обобщающей формулы, описывающей как бы вне воли людей существующий, т.е. объективный, закон социально-политической реальности, уже менее тягостно воспринимается факт-признание: “Разумеется, были приписки и в Узбекистане. Искажение статистики шло по мясу, молоку, зерну, хлопку” (обратим внимание: оно “шло” по основным отраслям производства в сельском хозяйстве Республики. — *В.Р.*) (см. там же, с. 62). Адекватна содеянному и авторская его оценка: “Невозможно в этих случаях найти сколько-нибудь серьезное оправдание такому беспределу” (там же).

Реальность указанного предположения подтверждают и действительно объективные показатели сложившейся в Узбекистане социальной ситуации. В частности, нужно особо выделить факт фундаментальной значимости — накопление в агросфере Узбекистана ко времени заката СССР признаков (особенно в 80-х годах), свидетельствовавших о формировании в селе Республики обширной “зоны бедности”, распространившейся в первую очередь на общественный сектор аграрной экономики (подробнее см. раздел 10), т.е. о процессе, обусловленном, помимо прочих факторов, широким размахом частного присвоения, осуществлявшегося функционерами местной кратократии (среди же этих “прочих факторов” — чрезмерно высокий темп прироста населения при неадекватном темпе прироста валового национального продукта; апроприация “центром” части продукта, воспроизводимого в сельском хозяйстве Узбекистана и др.).

Наконец, не будем упускать из виду и общесоюзный контекст частного (корпоративного и индивидуального) присвоения. По данным ВНИИ МВД СССР, в конце 80-х годов только “приписки” и “ущерб от возможных хищений государственного и общественного имущества” оценивались в 20,2—35,2 млрд.руб.; эта величина была эквивалентна 3,1—5,5% годового национального дохода страны в 1988—1989 гг. (подсчитано по: Переход к рынку. Концепция и программа. М., 1990, с. 137 [документ разработан под руководством акад. С.С.Шаталина]; Народное хозяйство СССР в 1989 г., с. 12).

Так какая же часть валового дохода, образующегося в сельском хозяйстве Узбекистана, все-таки прилипала (если предложенное предположение — верно) к рукам функционеров кратократии как агентов личного присвоения на стадии перераспределения дохода, присвоенного кратократией как корпорацией агентов присвоения (т.е. коллективным субъектом присвоения)?

¹²³ Подробнее см.: *Растянников В. Г., Кузьмин С. А.* Проблемы экономики Пакистана. М.: ИВЛ, 1958, гл. II.

¹²⁴ Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.), с. 185.

¹²⁵ Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 2.

¹²⁶ Подсчитано по: Страны-члены СНГ. [1992], с. 454.

¹²⁷ См. *Каримов И.* О приоритетах экономической политики Узбекистана. — Экономика и статистика. 1993, № 11—12, с. 11.

¹²⁸ Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 223, 225—228; Народное хозяйство СССР в 1973 г., с. 308, 309, 310, 311, 402; Страны-члены СНГ. [1992], с. 455; Народное хозяйство СССР. 1922—1972, с. 201. Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 77.

¹²⁹ Народное хозяйство СССР в 1987 г., с. 150; Страны-члены СНГ. [1992], с. 455.

¹³⁰ *Камилова Ф.* Надо учитывать наши особенности. — Экономика и статистика. 1993, № 3, с. 60.

¹³¹ См. Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. [1991], с. 20, 21.

¹³² Семейные бюджеты в 1990—1991 годах и за 9 месяцев 1992 года. Статистический сборник. М.: Статкомитет СНГ, 1993, с. 18.

¹³³ *Усманов С.* Узбекистанская концепция экономической реформы: испытание временем. — Экономика и статистика. 1993, № 4, с. 5.

¹³⁴ Экономика Содружества независимых государств. Краткий справочник. М., 1993, с. 144; Страны-члены СНГ. [1992], с. 462.

¹³⁵ См.: Экономика и статистика. 1993, № 7, с. 39.

¹³⁶ Составлено и подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988г., с. 236; Экономика и статистика. 1993, № 6, с. 36.

¹³⁷ “Ассоциации владельцев ЛПХ” для создания “Фонда поддержки” был выделен один миллиард рублей. По-видимому, в рамках этой суммы “для развития ЛПХ” в соответствии с Указом Президента Республики правительством было представлено для распределения в областях 400 млн. рублей. Но не “пошел процесс” в Узбекистане в соответствии с задуманным планом. Освоено было из предоставленных 400 млн. рублей лишь 32.6%. Хуже того, “подразделения Ассоциации владельцев ЛПХ на местах не осознали значимости Указа Президента”. В результате заметная часть выделенных средств вместо того, чтобы стать фактором “практической помощи” мельчайшему хозяйству, была инвестирована в малые предприятия, осуществляющие “торгово-закупочные функции” (см. *Рахимов Б.* Истинный хозяин земли. — Экономика и статистика. 1993, № 6, с. 36). Словом, функционеры кратократии “на местах” стремятся, опираясь на институты власти, получить свой “фунт мяса”, направляя выделяемые государством средства в каналы, сулящие им быстрое обогащение.

¹³⁸ Усманов С. Узбекистанская концепция экономической реформы, с. 5.

¹³⁹ Экономика Содружества независимых государств. [1993], с. 49, 50, 51, 53.

¹⁴⁰ Маматханов А., Додобоев Ю., Мухтаров А. Разгосударствление и защита прав работников села. — Экономика и статистика. 1993, № 5, с. 56.

¹⁴¹ Рахимов Б. Истинный хозяин земли, с. 36.

¹⁴² Каримов И. О приоритетах экономической политики Узбекистана, с. 5.

¹⁴³ Рахимов Б. Истинный хозяин земли, с. 36.

¹⁴⁴ Думается, именно это имел в виду Президент Узбекистана, отмечая, что “выделение земельных участков смягчило очень острую на селе проблему переизбытка рабочей силы, способствовало росту доходов сельчан” (Каримов И. О приоритетах экономической политики Узбекистана, с. 13).

¹⁴⁵ Подсчитано по: Страны-члены СНГ. [1992], с. 458; Uzbekistan. [IMF, 1992], с. 8; см. также: Каримов И. О приоритетах экономической политики Узбекистана, с. 6.

¹⁴⁶ Ср.: Семейные бюджеты. [1993], с. 41, 49.

¹⁴⁷ Например, в 1989 г. ввоз мяса и мясопродуктов, достигавший по своей абсолютной величине 38,5% общего объема их местного производства, обеспечивал 29,2% совокупного потребления этих продуктов в Республике. Зависимость Узбекистана от внешних поставок молока и молочных продуктов была еще выше: соответствующие показатели за 1989 г. составляли 47,9% и 33,3% (подсчитано по данным: Социальное развитие СССР. 1989. Статистический сборник. М.: “Финансы и статистика”, 1991, с. 152, 153; Страны-члены СНГ. [1992], с. 447, 462, 473).

¹⁴⁸ Подсчитано по: Социальное развитие СССР. 1989, с. 152, 153.

¹⁴⁹ Семейные бюджеты. [1993], с. 55.

¹⁵⁰ Цит. по: там же, с. 57; Мировая продовольственная проблема в современном мире. М.: “Наука”, 1983, с. 31.

¹⁵¹ Социальное развитие СССР. 1989, с. 145. По сведениям информантов Мирового банка, подушное потребление мяса сельским населением Узбекистана составляет лишь около 10 кг в год (см. Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. [1993], с. 46).

¹⁵² По данным семейных бюджетов, в Узбекистане в 1989 г. свыше 43% населения имело душевой доход менее 75 руб. (доход же, равный 75 руб., фиксировал скорее низшую грань минимального прожиточного минимума тогдашнего Союза к концу 80-х годов, особенно, если учесть нарастающую скрытую инфляцию), против 5% в России (см. табл. 14).

¹⁵³ Межгосударственный обмен продукцией производственно-технического назначения в 1991 г. Статистический сборник. М.: “Финансовый инжиниринг”, 1992, с. 45.

¹⁵⁴ Несмотря на то, что согласно данным семейных бюджетов, семьи колхозников Узбекистана к 1990 г. в расчете на душу потребляли в среднем 2810 Ккал в день (после 1990 г. этот показатель резко “покатился вниз”), всей совокупностью показателей тех же бюджетов и статистических опросов выявляется (и надежно, на наш взгляд, доказывается) бедственное состояние весьма значительной части крестьянского населения, занятого в общественном хозяйстве; ибо в данном случае “состояние бедности” по показателям продовольственного потребления проявляется не столько в недостаточной калорийности пищевого питания (хотя и этот факт имеет место), сколько в том, что, по терминологии ФАО, носит название “недоедание”, “плохое питание” (malnutrition), проявляющееся именно в неудовлетворительной сбалансированности по своему качественному составу питания.

¹⁵⁵ О падении в 80-х годах удельного веса массы хлопка-сырца, убираемого машинным способом, по сравнению с уровнем 1980 г. см.: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 29; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 155. Аналогичные процессы затрагивали также другие отрасли сельского хозяйства. В 80-х годах наблюдалось, например, уменьшение (от достигнутого к 1980 г. весьма невысокого уровня) удельного веса работ по механизированной посадке овощей; сократилось использование мощностей по производству продукции животноводства, хотя учетная механизация работ в общественном животноводстве заметно выросла (см. там же, с. 155, 156, 268).

¹⁵⁶ См., например: Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М.: “Мысль”, 1974, гл. I; *Крылов В.В.* Характерные черты социально-экономических процессов в обществах развивающихся стран. — Вопросы философии. 1976, № 9, с. 94—106.

¹⁵⁷ Интересна позиция официальных деятелей Узбекистана по вопросу о месте, которое хозяйство Республики занимало в системе общесоюзного общественного разделения труда в бытность ее в составе СССР. И. А. Каримов (Президент Узбекистана) на одном из заседаний Верховного Совета Республики ненавязчиво подводит своих слушателей к мысли об экономическом неравноправии, существовавшем между “Центром” и “периферией” Державы, подчеркивая, в частности: “В течение многих лет экономика республики была составной частью единого, централизованного комплекса. Но при этом большинство принимавшихся в центре решений было далеко от интересов Узбекистана. Словом, наш край был базой дешевого сырья и стратегических минеральных ресурсов. Он был превращен в удобный рынок для сбыта готовой продукции. Используя природные богатства республики, доходы от этого в то же время получали в отдалении от Узбекистана”. При этом

И. А. Каримов особо отмечает: “У узконаправленного народного хозяйства, основанного лишь на очистке и первичной переработке хлопка, нет перспективы” (см. *Каримов И. О приоритетах экономической политики Узбекистана*, с. 4). У этой логики оценок есть подтекст теоретического характера: общественное разделение труда с такого рода признаками со времен VI Конгресса Коминтерна (1929 г.) в специальной исследовательской литературе именовали **международным разделением труда колониального типа**.

Проблема, однако, в том, с хозяйственным комплексом какой именно “метрополии” при кратократическом порядке, царившем в СССР, возможно было бы соотносить параметры данного “периферийного” (в соответствии с предложенной характеристикой — колониального типа) разделения труда? Ведь, например, и в России (бывшей РСФСР) были обширные районы, хозяйство которых в общесоюзном разделении труда выполняло те же функциональные роли, что и хозяйство Узбекистана с его монокультурной специализацией, и условия жизни основной части населения в которых не отличались от таковых в последнем. При кратократическом порядке “центр” (“метрополия”) территориально вовсе не совпадает с границами какого-либо одного административного образования; подобно этому - и территория “периферии” может далеко выходить за пределы границ отнесенного к ней административного образования (способного в одночасье превратиться в суверенное государство). Характерно, что применительно к развивающемуся миру для того, чтобы обозначить углубляющееся хозяйственное неравенство между различными районами (независимо от того, идет ли речь об отдельных странах в целом или отдельных территориях внутри данных стран), иногда используют такое “мягкое” понятие, как “полюсы роста (развития)”, при этом в иных случаях такие “полюсы” могут активно выполнять функции местных “центров” целостных хозяйственных комплексов.

¹⁵⁸ См. *Капитализм на Востоке во второй половине XX в.*, гл. I.

¹⁵⁹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 3, с. 65; *Маркс К.* Капитал. Т. 1. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23, с. 524.

¹⁶⁰ По иронии истории в собственно “социалистическую” эпоху на “периферии” общесоюзной экономической системы, по-видимому, еще более напористо, чем в “центре”, воспроизводилась формула Е. Преображенского, постулирующая императивы “раннего социализма” в его отношениях с окружавшей его “досоциалистической” средой: “очень щедро черпать из источников досоциалистических (т.е., помимо прочего, доиндустриальных. — *В.Р.*) форм хозяйства”. Дабы обеспечить “еще более быстрое движение”, недостаточность (вечная проблема!) собственной базы индустриального (т.е. современного) роста “социализм” “вынужден возмещать усилением накопления за счет несоциалистической

среды”; а одно из важнейших средств такого возмещения — “неэквивалентный обмен ценностей с внесоциалистической средой”, т.е. акция, определяющая детерминантную роль “политики цен” во всей экономической политике (см. *Преображенский Е.* Основной закон социалистического накопления. — Вопросы экономики. 1988, № 9, с. 110, 120). На ценовое принуждение производителя кратократия делала основную (по сравнению с прочими формами принуждения) ставку в своей долгосрочной политике в агросфере, облагая данью (через систему экспроприаторских сельскохозяйственных цен) прежде всего “рабочий фонд” трудящихся общественного хозяйства. (“Вожжи” в жесткости монопольного ценообразования она стала “отпускать” в сельском хозяйстве Узбекистана лишь к концу 80-х годов.)

¹⁶¹ “Обратное” преобразование совхозов в другие формы хозяйства нужно, конечно, оценивать в контексте всей хозяйственной политики в агросфере на протяжении по меньшей мере двух десятилетий, предшествовавших распаду СССР.

В государственной форме хозяйства особенно впечатляюще проявилось в Узбекистане пагубное влияние кратократии как агента производственных отношений на воспроизводственный процесс в агросфере. Именно при совхозной форме хозяйства, как авторитетно свидетельствует первый вице-президент Академии сельскохозяйственных наук Республики Узбекистан С.Усманов, “крестьяне особенно заметно потеряли связь с собственностью, т.е. производимой продукцией и средствами производства”; более того, “в совхозах не только было потеряно чувство хозяина, интерес к конечному результату (производства. — *В.Р.*), но появилось такое вредное явление, как иждивенчество”. (По оценке С.Усманова, при равных расходах урожайность основных культур в колхозах оказывалась “на треть выше, чем в совхозах”.) Закономерным итогом такого типа развития стало то, что “многие совхозы становились планово(!) — убыточными и жили на дотации (предоставляемые, естественно, государством. — *В.Р.*)”. Столь высокую степень экономической недееспособности совхозного сектора общественного хозяйства академик правомерно связывает с тем, что “в них (совхозах. — *В.Р.*) административно-командные методы проявлялись сильнее, чем в колхозах”. (См.: *Усманов С.* Узбекистанская концепция экономической реформы, с. 7.)

Но в общественном хозяйстве агросферы именно совхозный (государственный) сектор, в полном соответствии с законами Зазеркалья, где “все — наоборот”, опережающими темпами охватывал производство сельскохозяйственной продукции, сосредоточив к концу 80-х годов около половины ее объема в основных отраслях (а в зернопроизводящей отрасли — три четверти). Отгадка этого очередного парадокса мира Зазеркалья лежит на поверхности.

Совхозный сектор бурно разбухал. (За период 1970—1985 гг. число совхозов в Республике увеличилось с 361 до 1085; в 1988 г. оно

составило 1030 единиц. См.: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с. 278.) “Убыточные” колхозы исчезали, оставляя за собой лишь след иронической улыбки Чепирского кота, — с тем, однако, чтобы, подобно птице Феникс, возродиться вновь, но теперь уже в чешуе “убыточных” совхозов. Действительно “многие колхозы, у которых дела шли плохо и которые не в состоянии были даже оплачивать за труд(!), преобразовывались в совхозы”, и ... прочно “садились” на государственное содержание, что естественно, предполагало “необоснованное (разве?) выделение для них огромных средств из бюджета” (цит. по: там же, с. 7). Поэтому-то вынужденный процесс “поднятия коллективной собственности до уровня общенародной” (каковую в агросфере представляла “государственная” собственность в лице ее совхозной ветви) был сопряжен с **уничтожением части национального дохода Республики.**

¹⁶² См.: Чаянов А.В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. Изд. 3-е. М., 1928; см. также: Капитализм на Востоке во второй половине XX века, гл.7, параграф 2 (Становление “оптимального” хозяйства как фактор развития многоукладной аграрной системы).

¹⁶³ “Колхозы и совхозы не участвовали в установлении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и продавали государству продукцию по им же установленной цене” (Усманов С. Узбекистанская концепция экономической реформы, с. 5).

¹⁶⁴ Там же, с. 5, 6.

¹⁶⁵ Хотелось бы упомянуть здесь, что помимо добротного информационного материала, широкий спектр критически осмысленных подходов к преобразованию социально-экономических порядков, сложившихся в аграрном секторе Узбекистана, содержат публикации в журнале “Экономика и статистика” (Ташкент) за 1992—1993 гг.

¹⁶⁶ По меньшей мере на лето—осень 1993 г.

¹⁶⁷ Например, С.Усманов констатирует: “Колхозы и совхозы не могли распоряжаться своей продукцией, не могли реализовать ее там, где выгодно и кому выгодно” (см.: *он же*. Узбекистанская концепция экономической реформы, с. 5). Другой исследователь, Б.Рахимов, настаивает: “Выращенная продукция должна полностью находиться в распоряжении дехканина (фермера. — В.Р.)” (См.: *он же*. Истинный хозяин земли, с.37.) А С. Дусматов и Г. Шамирзаева убеждены в том, что при организации самостоятельного крестьянского хозяйства просто необходимо “определение собственности на производимую хозяйством продукцию”, что должно быть непременно зафиксировано в специальном документе районного Совета Народных депутатов (см.: *они же*. Проблемы аренды и фермерства. — Экономика и статистика. 1993, №7, с. 39). И иначе нельзя: ведь принудительное отчуждение из хозяйства произведенной продукции задарма при кратократическом порядке — не исключение, а закон экономической жизни.

¹⁶⁸ О двух формах — депрессивной и свободной — бытия многоукладной системы хозяйства в агросфере подробнее см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX века, гл. 6, 7.

¹⁶⁹ В Узбекистане переход к рынку, по замыслу творцов экономической реформы, предусматривает также существенное ускорение темпов создания специфической (помимо собственно экономической) инфраструктуры, именно — обслуживающей первейшие нужды личного потребления местных жителей (в том числе, по-видимому, и сельских). Например, по свидетельству И.Каримова, в Узбекистане за 1992—1993 годы было введено в эксплуатацию свыше 21 тысячи километров водопроводных и газовых сетей, т.е. “за два года сделано столько же работы, сколько за предшествующий приблизительно десятилетний период” (*Каримов И. О приоритетах экономической политики Узбекистана*, с. 12).

¹⁷⁰ Это достаточно емко иллюстрируют “новые” принципы сельскохозяйственного ценообразования. Кроме “рядовых” “закупочных цен”, по которым производители (коллективные и индивидуальные), обремененные “госзаказом”, обязаны продавать свою продукцию государству, с началом реформы были установлены “предельные закупочные цены”, которые, естественно, выше просто “закупочных цен”, но ниже введенных тогда же “договорных” вообще и “предельных договорных” цен в частности (ошибочно именуемых “свободными”), которые, однако, не могут быть выше “розничных”, которые в свою очередь субсидируются государством с тем, чтобы при чрезмерно низкой оплате труда последние были бы доступны для трудящегося населения Узбекистана. Такими вот обычными “административными методами”, т.е. посредством властных prerogatives кратократии, и дозволенных ею государственных (бюджетных) расходов на дармовое (субсидируемое) потребление, определяются рыночные цены на сельскохозяйственный продукт. И разрушить цепочку таких ценовых зависимостей практически невозможно: она зиждется на старом еще механизме планово-принудительного ценообразования. (О “новой” системе образования цен на продукцию сельского хозяйства в Узбекистане см.: Экономика и статистика. Ташкент. 1993, № 3, с. 6; № 4, с. 6; № 5, с. 20, 45; № 7, с. 38, 39; и др. выпуски.)

А рядом с этим суррогатом рыночных цен возник с началом экономической реформы мир цен-теней, цен-призраков, принимающих самые причудливые очертания. При “внутрихозяйственных” отношениях (между арендодателем и арендным коллективом, между коопхозом и первичным коллективом и др.) применяются “расчетные” цены в их различных ипостасях. Например, произведенная первичным коллективом продукция реализуется хозяйству-арендодателю “по внутрихозяйственным расчетным ценам” (кроме той ее части, которая произведена сверх “договорных обязательств”). “Материальные ресурсы ... покупаются по планово-учетным ценам, а их расход контролируется с

помощью чеков, или условных денежных знаков”. Для того, чтобы осуществлять этот контроль — методом “безналичного расчета” — каждому руководителю первичного коллектива выдается особая “чековая книжка” (цит. по: *Дусматов С., Шамирзаева Г.* Проблемы аренды и фермерства, с. 38).

В какой бы “упаковке” эти знаки цены ни выступали, все они — “изобретения” себе сущей власти, не подверженные корректировке со стороны рыночных сил; они — наследие постепенно уходящей, но все еще живучей практики властного произвола, прикрытого фиговым листком некоей “плановой учетности”, в отсутствие подлинной основы определения ценовых пропорций обмена, необходимых для развертывания и укрепления положительного потенциала экономического роста в агросфере.

Применение такой практики вновь и вновь доказывает: вне-рыночный механизм ценообразования, как бы его ни “подправляли”, вовсе не избавляет действительного производителя сельскохозяйственного продукта от ущерба, вызываемого неэквивалентностью межотраслевого (межсекторского) обмена. Как свидетельствуют авторы, “проведенные нами исследования показывают, что около половины арендных коллективов республики не удовлетворены работой в условиях внутрихозяйственной аренды”. Среди “основных причин” этой неудовлетворительности — “низкие цены на реализуемую продукцию при высокой плате за землю, скот и технику” (там же, с. 39).

¹⁷¹ Вот один из примеров непосредственного противостояния коллективизированного производителя себе сущей власти.

В соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан с 1992 г. колхозы и совхозы Республики получили право самостоятельно реализовать на внутреннем рынке или “на сторону” половину произведенных ими в рамках “государственного задания” овощей и фруктов, но реализовать в лучшем случае по “предельным договорным ценам”. Продавать продукцию по более высоким ценам (например, ценам колхозного рынка) на внутреннем рынке этим “самостоятельным” субъектам хозяйственной деятельности запрещено (хотя, как показывает опыт, цены на колхозных рынках при увеличении предложения катятся вниз — “до уровня договорных”). Более того, “был ужесточен контроль цен со стороны правительственных органов”.

Хозяйства незамедлительно ответили тем, что “отказались от продажи продукции на внутреннем рынке и предпочли сбывать ее за пределами республики”. Это в свою очередь “вынудило правительство” оказать новое давление на рвущихся из оков кратократических порядков производителей и для этого — “принять решение: заставить хозяйства продавать свою продукцию на внутреннем рынке — в соответствии с составленным им графиком (sic!) и одновременно ужесточить контроль за экспортом продукции”.

Столь откровенное отторжение экономического интереса производителей от производства (см. раздел 2), культивируемое эскалацией насилия со стороны кратократии, неизбежно вызывает жесткую ответную реакцию. “Думается, делают экономически вполне оправданный прогноз исследователи, что это (введение графика продаж и ужесточение контроля за экспортом продукции. — *В.Р.*) может побудить хозяйства снизить(!) производство продукции (не только овощей и фруктов) до объемов государственных закупок” (цит. по: *Низамов А., Кулиев Н.* Когда снизятся цены. — Экономика и статистика. 1993, № 5, с. 20), т.е. вернуться к однажды уже описанному положению: “Бег на месте это называется”. Вот так властный беспредел кратократии, якобы радеющей о “благое народном”, угнетает производящую потенцию общественного хозяйства. О каком уж рынке здесь можно говорить!

¹⁷² Вот, например, какими показателями характеризуется динамика самостоятельных дехканских (фермерских) хозяйств в Узбекистане:

	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.
Число зарегистрированных хозяйств, тыс.	1,4	1,9	5,9	5,3
Закрепленная за ними земельная площадь, тыс.га	9,1	13,7	45,1	>53,0

(См. Экономика Содружества Независимых Государств. [1993], с.144; *Каримов И.* О приоритетах экономической политики Узбекистана, с. 12).

По данным на 1993г., на такие хозяйства могло приходиться не менее 0,2% всей площади сельскохозяйственных угодий сельскохозяйственных предприятий и не более 1,2% площади используемых последними пахотных земель (данные о площади угодий и пашни см. в: Страны-члены СНГ. [1992], с. 456). Между тем хозяйства этого типа, по Указу Президента Узбекистана от 1991 г., должны были получить 200 тыс. га земли (см. *Рахимов Б.* Истинный хозяин земли, с. 37), или не менее 0,8% земли в соответствии с первым параметром и не более 4,5% — в соответствии со вторым.

¹⁷³ Трудности возникают прежде всего, с обеспечением фермеров важнейшим средством производства — землей, которая выделяется им на правах аренды сроком на десять лет. В законодательном порядке (!) самостоятельные фермерские хозяйства могут быть созданы на малопродуктивных землях. “О каком равноправии укладов, — пишут специалисты Института экономики сельского хозяйства Узбекской Академии сельскохозяйственных наук, может идти речь, если часто отводятся земли засоленные, вдали от источников орошения или где-то на отшибе, малопригодные для сельского хозяйства”! Предельная величина земельных паев для выходящих из колхоза-совхоза работников — крайне незначительна (1,5—3 га), чтобы позволить “создать высокорентабельные

фермерские хозяйства”. К тому же “причитающуюся им (выходящим работникам. — *В.Р.*) долю основных фондов абсолютное большинство(!) хозяйств вообще не выделяет. И делается это с негласного одобрения (даже!) местных властей” (см. *Ризаев М., Галеев И.* Альтернатива колхозам и совхозам. — Экономика и статистика. 1993, № 10, с. 37).

Каково же наиболее уязвимое звено в развитии самостоятельно хозяйствующего фермерства? Оказывается, “слабое распространение свободных товаропроизводителей” обусловлено, помимо прочего, тем, что “часто нарушаются правовые основы фермерских хозяйств” (т. е. царит произвол себе сущей власти, в каком бы облике она ни выступала); и более того — “нет каких-либо рекомендаций”(!) по их организации; “отсутствует действенная помощь” со стороны государства (*Дусматов С., Шамирзаева Г.* Проблемы аренды и фермерства, с. 39).

Не менее тяжелы условия, на которых наделяются землей “внутрихозяйственные” фермеры; такие вообще “...лишены хозяйственной самостоятельности”, ибо — вот где “корень зла”! — “фермерство подменяется арендаторством, происходит отчуждение от земли”. При данной форме пользования землей “фермер лишается стимулов и заинтересованности в улучшении плодородия земель” (*Ризаев М., Галеев И.* Альтернатива колхозам и совхозам, с. 36). Еще бы! Ведь около 70% договоров по поводу внутрихозяйственной аренды заключено на срок от одного до трех лет! А “это не обеспечивает арендаторам необходимых гарантий по развитию производства” (*Дусматов С., Шамирзаева Г.* Проблемы аренды и фермерства, с. 39). Риск для самого существования фермерского хозяйства, вытекающий из практически полной незащищенности арендного права арендополучателя, оказывается в Узбекистане весьма велик: в полном соответствии с кратократическим порядком, т.е. по произволу, “иные руководители хозяйств ... кое-где отбирают ранее выделенные (для фермеров. — *В.Р.*) земли” (*Рахимов Б.* Истинный хозяин земли, с. 36).

¹⁷⁴ О трудностях (нарушениях договоров и др.) в обеспечении фермерских групп дехканства техническими средствами производства см.: Экономика и статистика. 1993, № 6, с. 37; № 7, с. 39; № 10, с. 37.

¹⁷⁵ Практика фермерского кредитования наглядно свидетельствует, что в Зазеркалье, где “все наоборот”, “фактор произвола” органически (пока!) вмонтирован в механизм воспроизводства хозяйства предположительно рыночного типа “по определению”. Чтобы получить кредит, дехканские (фермерские) хозяйства должны иметь гарантию предприятия (колхоза-совхоза) по поводу своей платежеспособности, и местные функционеры кратократии не упускают своего шанса принудить фермера (“диктовать” ему условия и т.д.). В результате “третья часть” фермеров вообще отказывается от банковских кредитов, а 20% не могут открыть в банках свои расчетные счета (*Рахимов Б.* Истинный хозяин земли, с. 37). В сделках же по кредитным операциям, когда они все-таки

имеют место, царит присущее Зазеркалью неравноправие: агробанки установили (по данным на 1993 г.) по своим кредитам фермерам ставку 15% — 25%; по вкладам же последних в тех же банках ставка (как можно без труда догадаться — принудительная) составляет лишь 3%, “т.е. идет фактическое ограбление” (*Ризаев М., Галеев И.* Альтернатива колхозам и совхозам, с. 37).

¹⁷⁶ Из материалов анкетного опроса, цитируемых Т.Жураевым, следует, что в коопхозах, возникающих в ходе преобразований в колхозном секторе хозяйства, еще «не преодолен “механизм торможения”». 42% респондентов (представителей первичных производственных коллективов) свидетельствовали, что они “правом выбора объекта производства не смогли воспользоваться”; а 48% респондентов утверждали, что “административно-командная система управления производством продолжала функционировать”. (*Жураев Т.* Уверен, будущее — за коопхозами!, с. 45). Результат этих ориентированных на создание рыночного хозяйства преобразований наиболее точно может быть охарактеризован крылатыми словами В.С. Черномырдина (если чуточку перефразировать их): “Хотели как лучше, а получилось как... в Зазеркалье”, т.е. была “еще больше ограничена самостоятельность в реализации продукции” (там же). “Административно-командной системе” действительно есть где разгуляться на фермерском подворье: “ведь сегодня роль рынка для многих фермеров играет тот же самый колхоз или совхоз” (*Рахимов Б.* Истинный хозяин земли, с. 37) — любимые “детища” себе сущей власти, возвращенные в агросфере.

¹⁷⁷ *Дусматов С., Шамирзаева Г.* Проблемы аренды и фермерства, с. 39.

¹⁷⁸ *Усманов С.* Узбекистанская концепция экономической реформы, с. 6.

П Р И Л О Ж Е Н И Е:

Статистические таблицы

Таблица 1.

Узбекистан: факторы экономического роста в сельском хозяйстве *

Год	Вся посевная площадь сельскохозяйственных культур, тыс.га	Площадь поливных земель, тыс.га	Доля посевов хлопка в общей посевной площади, %	Потребление минеральных удобрений, действующее вещество, кг/га	Урожайность ¹		Использование тракторов, штук на 1000 га	Энерговооруженность труда в сельском хозяйстве, л.с./га	Производительность труда в сельском хозяйстве ²			Удельный вес государственных закупок в валовом сборе зерновых ¹ , %	Посевная площадь на одного занятого в сельском хозяйстве ³ , га
					хлопок-сырец	все зерновые			зерновые	хлопок-сырец	выработка всей продукции на работника, индекс: 1960=100		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1913	2166		19,5		12,2(13,0)	6,9		0,5 ⁴					1,53
1923 ⁵	1839 ⁶		9,9		6,4	10,8		0,37 ⁷				0,05	0,96 ⁶
1926 ⁸	1991		22,4		8,7 ⁹	9,2 ⁹		0,2					0,87
1928	1856		31,7		9,4 (8,2)	8,1	0,6					11,6	1,15
1932	2595		38,1		8,2	5,7	2,7					22,2 ¹⁰	
1937	2654		35,7		16,1	7,3	8,1			(1,1)			
1940	3014		30,4	24,8 ¹¹	15,0	4,1	7,6	0,5				39,7	1,83 ¹²
1945	2418		31,2		10,9	4,3				(1,5)			
1953	2820	2402	39,0	71,9 ¹¹	20,0	5,1	10,5		5,0 ¹³	1,8(2,1)	68 ¹⁴	38,6	1,92

1957	3036	2597	36,7	105,4 ¹⁵	20,5	5,5	11,8		5,9 ¹⁵	1,7(3,1)	78 ¹⁶	31,0	
1960	3038	2694	36,0	111,1	21,3	6,1	20,0	1,5	9,5	1,9(4,8)	100	25,8	2,34
1965	3336	2752	46,5	146,9	21,9	6,7	27,8	2,4	7,2	2,5 (7,6)	117	35,8	2,40
1970	3476	2696	49,2	203,4	25,1(22,6)	7,4	34,8	3,2	8,7	2,5(12,6)	119	47,9	2,40
1975	3723	3006	47,6	238,3	28,5(25,6)	9,5	39,0	4,5	11,3	3,1(25,2)	120	45,8	2,27
1980	3995	3476	47,0	263,1	29,4(26,5)	19,4	39,4	5,2	16,8	3,2	133	43,2	2,17
1985	4080	3930	48,8	285,6	26,7(24,0)	20,8	46,3	6,9	13,9	2,6(45,4)	121	41,1	2,01
1990	4194	4155	47,5 ¹⁷	297,0 ¹⁸	25,7(23,1)	18,1	43,4	6,7 ¹⁹	19,2	3,0	135	49,7	2,03
1992	4240	4239	39,4		26,0	17,8	44,1				129 ²⁰	30,0 ²¹	1,98

* Подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1988; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1989; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., выпуски за 1960 г., 1971 г., 1988 г., 1991 г.; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. М., выпуски за 1932 г., 1956 г., 1961 г., 1964 г., 1978 г., 1984 г., 1985 г., 1990 г.; Народное хозяйство СССР 1922-1982 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистический справочник. М., 1990; Страны-Члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992; Мир в цифрах. Статистический сборник. М., выпуски за 1992 г., 1993 г.; Сельское хозяйство России и зарубежных стран. Статистический сборник. М., 1994; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988; Социалистическое строительство Союза ССР (1933-1938 гг.). Статистический сборник. М.-Л., 1939; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917-1927. ЦСУ СССР, 1927; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918-1923. М., 1924; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И.Попова. М., 1993(Репринтное воспроизведение издания 1926 года); Народное хозяйство [России] в 1913 году. Петроград, 1914; Народное хозяйство [России] в 1914 году. Петроград, 1916; Народное

хозяйство [России] в 1915 году. Петроград, 1918; FAO Production Yearbook 1993. Vol.47. Rome, 1994; Uzbekistan. IMF Survey. 1992. Wash., с.27.

1. Показатель урожайности и государственных закупок рассчитан как средневзвешенная величина за пять лет по периодам: 1953 г.- за 1949-1953 гг., 1957 г.- за 1954-1958 гг., 1960 г.- за 1956-1960 гг., 1965 г.- за 1961- 1965 гг., 1970 г.- за 1966-1970 гг., 1975 г.- за 1971-1975 гг., 1980 г.- за 1976-1980 гг., 1985 г.- за 1981-1985 гг., 1990 г.- за 1986-1990 гг.; для 1926 г. взят период 1925/26 - 1926/27 гг., для 1992 г.- 1991-1993 гг. Цифры в скобках означают: для 1913 г. - средневзвешенный показатель за три года (1913-1915 гг.) для Туркестана (включая Бухару и Хиву); для 1928 г. - показатель среднегодовой урожайности за 1928-1930 гг. "в старых хлопковых районах"(9/10 посевной площади приходилось на территорию тогдашнего Туркестана); для 1970-1990 гг. - показатель, рассчитанный при допущении, что "приписочное" производство составляет 1/10 часть его официального показателя. Удельный вес государственных закупок хлопка-сырца составлял: в 1928 г., 1932 г. - 96%, в 1940-1990 гг. - 100%, в 1992 г. - 95%.

2. Данные о производительности труда (измеряемой величиной выхода продукта в единицу времени) отражают лишь так называемые "прямые затраты труда", обозначающие затраты на собственно процесс труда на земле как таковой, а вовсе не затраты на весь цикл процесса производства (включающие, например, затраты времени на учет результатов труда и др.). Цифры в скобках - показатели производства хлопка-волокна за 1 человеко-час в США, при этом принято, что показатель 1937 г. представляет период за 1935-1939 гг.; 1945 г. - за 1945-1949 гг.; 1953 г. - за 1950-1954 гг.; 1957 г. - за 1955-1959 гг.; 1960 г. - за 1960-1964 гг.; 1965 г. - за 1965-1969 гг.; 1970 г. - за 1970-1974 гг.; 1975 г. - за 1975-1978 гг.; 1985 г. - за 1982-1986 гг. За базисную единицу веса хлопка-волокна в серийных американских источниках (Statistical Abstract of the United States, US Bureau of the Census. Washington) принята хлопковая кипа, применяемая для измерения количества волокна (с линтом) на стадии сбора урожая; такая кипа равна 500 фунтам (226,8кг). Выход хлопка-волокна из хлопка-сырца составляет с небольшими отклонениями в ту или другую сторону 30%.

3. При расчете показателей за 1913-1928 гг. предположено, что удельный вес занятых во всем населении (авторы располагали данными только по категории "сельское население" за эти годы) составлял 43% (показатель колхозного сектора хозяйства в 1959 г.). По данным переписи 1939 г., удельный вес занятых во всем населении Узбекистана и Таджикистана равнялся 46%, Туркменистана - 45%. Если использовать эти показатели для расчета площади посева на одного занятого в категории населения, отнесенного к "сельскому", то получим: для 1913 г. - 1,44 га на одного занятого (Узбекистан), для 1924 г. - 0,89 га, для 1926 г. - 0,81 га (в обоих случаях - территория бывшего Туркестана, включая Бухару и Хиву), для 1928 г.- 1,08 га (Узбекистан). Для 1924 г. расчет сделан по отношению к, по определению источника - "Баланса народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года", - "земледельческому населению". Если указанные коэффициенты использовать применительно к категории "крестьянское хозяйство" (субъект сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.), то в этом случае в 1920 г. на

одного работника будет приходиться 1,1 га посева, либо 1,03 га. Перепись 1917 г. дает соответствующие сведения по отдельным областям Туркестана полностью; в соответствии с ней на одного работника в крестьянском хозяйстве в среднем приходилось в Ферганской области - 1,3 га посева, в Самаркандской - 3,3 га, Сыр-Дарьинской - 1,75 га, Джетысуйской - 1,64 га посева. Показатели за 1940-1992 гг. показывают величину площади посева на занятого за соответствующие годы в общественном хозяйстве агросферы. Для 1953 г. взят показатель за 1954 г., для 1992 г. - за 1991 г. Рассчитать соответствующие показатели по "личным подсобным" хозяйствам не представляется возможным, так как статистика существенно урезает численность работников, действительно занятых в хозяйстве этого типа, т.е. мельчайшем хозяйстве.

4. Данные за 1916 г. Расчет по количеству рабочих лошадей.

5. Данные по Туркестанской АССР в границах того времени.

6. Данные за 1924 г.

7. Данные за 1920 г. Расчет по количеству рабочих лошадей.

8. Данные по Узбекской ССР (включая Таджикскую АССР) и Туркменской ССР.

9. Данные по крестьянским хозяйствам.

10. Данные за 1930 г. по Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР в границах того времени.

11. Данные только по колхозам, которые были доминирующей формой хозяйства. Исходный статистический показатель дан в условных единицах, которые были переведены в единицы питательных веществ по соотношению 1:4,4.

12. Принято, что в общественном хозяйстве было 90% площади всех посевов (в СССР в целом - 87,1%).

13. Данные за 1956 г.

14. Данные только по колхозам за 1950 г.

15. Данные за 1958 г.

16. Данные только по колхозам за 1955 г.

17. Средневзвешенный показатель за 1986-1990 гг.; в 1990 г. - 43,6%.

18. Данные за 1988 г.

19. В источнике (Сельское хозяйство СССР. 1991 г.) приводится величина 7,1 л.с., но проведя расчеты, основываясь на исходных данных, мы получили величину 6,7 л.с., которую и включили в настоящую таблицу; думается, она более реально отражает происходящий в сельском хозяйстве Узбекистана процесс сокращения технических средств труда.

20. Показатель за 1991 г.; для 1992 г. он был равен 123 и получен исходя из предположения, что численность населения, занятого в сельскохозяйственном производстве, не изменилась по сравнению с 1991 г.

21. Данные за 1991 г.

Таблица 2

**Узбекистан: движение посевных площадей под хлопчатником
и зерновыми культурами, 1913-1991 годы ***

Год	Посевы хлопчатника				Посевы зерновых			
	тыс.га	удельный вес во всей посевной площади, %	в % к		тыс.га	удельный вес во всей посевной площади, %	в % к	
			1913 г.	1940 г.			1913 г.	1940 г.
1913	422	19,5	100,0		1540	70,3	100,0	
1928	588	31,7	139,3		1035	55,7	67,2	
1932	989	38,1	234,4		1106	42,6	71,8	
1937	947	35,7	224,4		1362	51,3	88,4	
1940	916	30,4	217,1	100,0	1480	48,7	96,1	100,0
1945	754	31,2	178,7	82,3	1217	50,3	79,0	82,2
1950					1138	39,2	73,9	76,9
1953	1100	39,0	260,7	120,1	971	34,4	63,0	65,6
1957	1114	36,7	264,0	121,6	1015 ¹	32,1 ¹	65,9 ¹	68,6 ¹
1960	1094	36,0	259,2	119,4	954 ²	31,2 ²	61,9 ²	64,5 ²
1965	1551	46,5	367,5	169,3	1275	37,0	82,8	86,1
1970	1710	49,2	405,2	186,7	1160	33,4	75,3	78,4
1975	1772	47,6	420,0	193,4	1129 ³	31,7 ³	73,3 ³	76,3 ³
1978	1824	47,2	432,2	199,3	1194	30,9	77,5	80,7
1980	1878	47,0	445,0	205,0	1174	29,4	76,2	79,3
1985	1991	48,8	471,8	217,3	969	23,7	62,9	65,5
1990 ⁴	1996	47,5	473,0	217,9	929	22,1	60,3	62,7
1991	1720	40,9	407,6	187,9	1080	25,7	70,1	73,0

* Составлено и подсчитано по: Социалистическое строительство Союза ССР (1933-1938 гг.). Статистический сборник. М.-Л., 1939, с.185; Народное хозяйство СССР в 1961 году. М., 1962, с.323-325; Народное хозяйство СССР в 1964 г. М., 1965, с.278-279; Народное хозяйство СССР в 1967 г. М., 1968, с.354,355; Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974, с.383; Народное хозяйство СССР в 1978 г. М., 1979, с.218,219; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г. Ташкент, 1989, с.216; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с.109,110; Страны-члены СНГ. Статистический сборник. М., 1992, с.457,458; использованы также показатели табл.1.

1. Данные за 1958 г.

2. Средняя за 1959-1961 гг.

3. Данные за 1973 г.

4. Средняя за 1986-1990 гг.

Таблица 3

Водохозяйственное строительство в Узбекистане, 1924-1990 гг.*

Показатель	1924- -1940	1956- -1960	1961- -1965	1966- -1970	1971- -1975	1976- -1980	1981- -1985	1986- -1990	1989	1990
Среднегодовые инвестиции, млн. руб.(в сопоставимых ценах)	15,5	91,8	218,2	408,4	790,8	1037,0	1011,6	838,3 ¹		
Введено в эксплуатацию новых поливных земель, тыс.га/год				54,0	102,6	96,4	86,0	32,0	24,5	16,0
Стоимость одного гектара новых поливных земель, тыс.руб.				7,6	7,7	10,8	11,8	21,0 ¹		

* Составлено и подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с. 149 ; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с.266 ; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 496 ; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. 1971, с.365.
1. Средняя за 1986-1988 гг.

Таблица 4

**Страны Средней Азии, Россия: распределение населения,
занятого в народном хозяйстве, по отраслям, 1959-1991 гг.* , %**

Год	Всего занято	В том числе:			
		В промышлен- ности, строи- тельстве, на транспорте и связи	В сельском и лесном хозяйстве	В торговле, обществен- ном пита- нии, сбыте, снабжении	В других отраслях ¹
	Узбекистан				
1959	100	21,7	59,8	4,9	12,7(9,2)
1970	100	28,7	45,1 ²	5,7	19,6(14,0)
1990	100	29,0	39,0 ²	6,0	26,0
1991	100	19,0	42,7 ²	6,2	32,1
	Туркменистан				
1959	100	27,5	49,2	5,5	16,9(11,7)
1970	100	31,6	38,9 ²	6,0	23,5(15,7)
1990	100	27,0	42,0 ²	6,0	25,0
1991	100	16,0	42,4 ²	5,6	36,0
	Таджикистан				
1959	100	19,4	62,9	4,1	12,8(9,1)
1970	100	27,1	49,8 ²	4,9	19,9(13,7)
1990	100	27,0	43,0 ²	6,0	24,0
1991	100	17,8	44,7 ²	5,5	32,0
	Россия				
1959	100	44,7	31,8	5,7	16,0(10,8)
1970	100	50,5	19,7 ²	7,1	22,6(15,1)
1990	100	53,0	13,0 ²	8,0	28,0
1991	100	38,2	13,5 ²	7,6	40,7

* Составлено и подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. V. М.: Статистика , 1973 , с. 164, 170, 186, 190, 203, 224, 272, 284, 295, 297, 300-302 ; Мир в цифрах. Статистический сборник 1992 . М., 1992 , с. 83 ; Мир в цифрах. Статистический сборник 1993 . М., 1993, с. 81.

1. Цифры в скобках - просвещение, здравоохранение, наука и искусство.

2. С учетом занятых в личном подсобном хозяйстве.

Таблица 5

**Общественное хозяйство агросферы Узбекистана: выход
продукции растениеводства и животноводства в натуральной
форме на одного занятого, 1940-1991 гг. *, т/человек**

Год ¹	Хлопок- сырец	Зерно	Мясо (в убойном весе)	Молоко
1940	0,93	0,34	0,05	0,01
1960	2,30	0,40	0,10	0,26
1970	2,83	0,55	0,07	0,28
1975	3,08	0,61	0,08	0,35
1980	3,01	1,22	0,10	0,49
1985	2,64	1,19	0,10	0,42
1987	2,60	0,86	0,11	0,49
1990	2,60	0,86	0,11	0,50
1991	2,36	0,97	0,10	0,49

* Подсчитано по натуральным показателям, приведенным в: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1987, с.87,88,129,132; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1989, с.210; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.72,76; Страны-члены СНГ. Статистический ежегодник. М.: Финансовый инжиниринг, 1992, с.456, 458, 459, 462; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М.:Госкомстат СССР, 1991, с.38,39,42.

1. При расчетах производительности труда в растениеводстве и в молочном хозяйстве в качестве исходной базы использовались средневзвешенные годовые показатели производства соответствующей продукции за пятилетие, а численность работников в общественном хозяйстве бралась за последний год каждого данного пятилетия; при расчете показателей на 1987г. - за трехлетие 1986-1988 гг.; на 1940 г. - за один данный год. Производство хлопка целиком было сосредоточено в общественном хозяйстве. Но с зерновыми дело обстояло иначе. Предположено, что в 1940 г. на общественное хозяйство приходилось 85% валового сбора зерна, т.е. столько же, сколько было установлено и для 1960 г., а в 1991 г. - 96%, т.е. столько же, сколько и в 1987 г. - году, по которому имеются официальные оценки. Показатель удельного веса валового сбора зерна в общественном хозяйстве в 1987 г. был принят и для расчета производительности труда для всего пятилетия 1986-1990 гг. Для расчета производительности труда при производстве мяса использовались годовые первичные данные.

Таблица 6

**Динамика фондоотдачи в общественном хозяйстве
агросферы Узбекистана, 1970-1988 гг.***

Категория хозяйства	Валовая продукция сельского хозяйства на 1000 руб. среднегодовой стоимости основных фондов хозяйственного назначения (в сопоставимых ценах 1983г.): индекс (1970=100)			
	1970	1980	1985	1988
колхозы	100	66	49	42
совхозы	100	70	45	42 ¹

* Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с.160; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с.272.

1. Данные за 1987 г.

Таблица 7

**Изменение энерговооруженности общественного хозяйства
агросферы Узбекистана и России, 1960-1985 гг.***

Страна	Приходится энергетических мощностей на 1 работника, л.с.		Изменение, раз	Приходится энергетических мощностей на 100 га посевной площади, л.с.		Изменение, раз
	1960	1985		1960	1985	
Узбекистан	3,7	14,5	(+)3,9	153	691	(+)4,5
Россия	6,6	41,8	(+)6,3	70	339	(+)4,8
Во сколько раз в Узбекистане меньше(-), больше(+)	(-)1,8	(-)2,9		(+)2,2	(+)2,0	

* Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.248 ; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1989, с.154.

Таблица 8

**Индексы себестоимости продукции и прямых затрат труда
на производство единицы продукции сельского хозяйства в
совхозах Узбекистана, 1971-1987 гг.(показатель хозяйства
колхозного сектора принят за 1)***

Культура (продукция) и экономический показатель ¹	1971- -1975	1976- -1980	1981- -1985	1985 ²	1987
Хлопок-сырец					
I			1,22	1,24	1,21
II	0,81	0,83	1,00	0,84	0,82
Зерно(без кукурузы)					
I			1,63	1,91	1,56
II	0,64	0,68	0,81	0,94	0,66
Овощи					
I			1,09	1,23	1,16
II	1,01	1,07	1,04	1,04	1,00
Картофель					
I			1,11	1,26	1,21
II	0,88	0,92	1,11	1,05	0,88
Привес головы круп-ного рогатого скота					
I			1,35	1,41	1,24
II	0,71	0,91	0,97	0,87	0,81
Молоко					
I			1,19	1,20	1,13
II	0,93	1,00	1,00	0,77	0,83
Яйца					
I			0,92	0,84	0,82
II	0,18	0,18	0,21	0,20	0,20

* Подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с.174, 273, 281.

1. I - себестоимость производства единицы продукции ; II - прямые затраты труда (человеко-часов) на производство единицы продукции.

2. 1986 г. - для показателя II.

Таблица 9

Рентабельность производства продукции сельского хозяйства ¹ в колхозах и совхозах Узбекистана *

Культура, продукция	1980	1985	1987	1988
Хлопок-сырец				
• колхозы	26,9	41,7	35,9	34,5
• совхозы	15,3	24,2	21,0	27,7
Зерновые культуры				
• колхозы	11,9	36,0	25,5	32,6
• совхозы	-1,0	-2,0	14,0	47,2
Овощи				
• колхозы	20,3	18,9	28,4	29,8
• совхозы	0,3	-2,8	11,9	13,4
Картофель				
• колхозы	-23,8	-5,5	-3,6	-0,1
• совхозы	-20,9	-22,4	-19,2	-12,0
Крупный рогатый скот				
• колхозы	-9,5	-12,9	-22,0	-18,3
• совхозы	-7,2	-22,5	-31,1	-22,1
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)				
• колхозы	7,8	8,4	6,4	12,0
• совхозы	-10,0	-6,8	3,9	11,0
Яйца				
• колхозы	-32,6	-34,6	-37,5	-39,5
• совхозы	18,1	5,9	15,0	17,6

* Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г., с.274,282.

1. Отношение прибыли к себестоимости реализованной продукции, в процентах.

Таблица 10

Узбекистан: динамика хлопкового хозяйства, 1913-1992 гг.*

1. Производство и потребление хлопчатобумажных тканей, 1913-1991 гг.: Узбекистан и Россия

Год	Удельный вес производ- ства хлопка-сырца в бывшем СССР, %		Удельный вес производ- ства хлопчатобумаж- ных тканей в бывшем СССР, %		Производство хлопча- то-бумажных тканей на душу населения, м ²		Потребление хлопчато- бумажных тканей на душу населения ¹ , м ²	
	Узбекистан	Россия	Узбекистан	Россия	Узбекистан	Россия	Узбекистан	Россия
1913	69,5			96,0		11,4 ²		
1932	67,5 ³		0,3	98,0	1,24	17,5		
1937			1,8	95,9	8,7	23,0		
1940	61,9		2,7	93,8	11,6	23,4		
1950			4,1	90,7				
1960	65,8		3,7	86,8	21,9	35,6		
1970	64,0 ⁴		2,8	82,1	14,6	38,7	22,0	21,6
1973	64,0 ⁴		2,7	80,6	13,5	39,3		
1980	61,3		2,5	70,1 ⁵	11,4		21,7	24,8
1985	61,5		4,5	71,6	19,1	38,2	22,2	26,8
1990	60,9		5,9	71,4	23,1	37,8	21,9(24,2)	28,4
1991	59,8		5,9	79,7	18,5	35,7	13,6(24,3)	28,0

2. Баланс производства и потребления хлопчатобумажных тканей, 1990-1992 гг., млн.м²

Год	Производство	Экспорт	Импорт	Предполагаемое потребление	Чистый импорт	Удельный вес чистого импорта в потреблении, %
1990	502,1	160,1	207,9	549,9	47,8	8,7
1991	392,0	47,3	170,7	515,0	123,4	24,0
1992	427,8	47,0	109,7	490,5	62,7	12,8

3. Баланс производства и потребления хлопка-волокна, 1992 г., тыс.т

Год	Производство	Экспорт	Импорт	Предполагаемое потребление	Чистый экспорт	Удельный вес чистого экспорта в производстве, %
1992	1306	1067,3 (466,3) ⁶	0,5	238,7	1066,8	82

* Составлено и подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1956 г., с.84; Народное хозяйство СССР в 1961 г., с.9,249,250,252, 357; Народное хозяйство СССР в 1973 г., с.9, 308-310, 402; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с.67,420,472; Социалистическое строительство Союза ССР 1933-1938 гг., с.74,185; Страны-члены СНГ 1992, с.56,328,337,355,358,447,455,459,474; Торговля СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1989, с.30; Экономические взаимосвязи стран-членов СНГ. М., 1992, с.45; Межгосударственный обмен продукцией производственно-технического назначения и потребительскими товарами в странах-членах СНГ. М., 1993, с.21,47; Внешнеэкономическая деятельность стран-членов СНГ. М., 1993, с.149,152; Экономика содружества независимых государств. М., 1993, с.45,59,60; FAO Production Yearbook 1993. Rome. 1994, vol.47; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с.77,200,237.

1. Без учета расхода тканей на производственно-технические нужды и производство товаров народного потребления. Показатели в скобках - общая величина предполагаемого потребления хлопчатобумажных тканей, приходящегося на душу населения (рассчитано по балансу производства и потребления хлопчатобумажных тканей).

2. Территория бывшего СССР в границах после 17.09.1939.

3. Данные за 1928 г.

4. Данные за 1971-73 гг.

5. Производство тканей всех видов; удельный вес производства хлопчатобумажных тканей в общем объеме производства тканей всех видов составлял в СССР в 1980 г. 65,8%.

6. Экспорт в республики бывшего СССР.

Таблица 11

Узбекистан: динамика личного подсобного хозяйства в агросфере *

Год ¹	Пашня у личного подсобного хозяйства		Доля личного подсобного хозяйства в производстве				Поголовье коров в хозяйстве:				Надои молока от одной коровы в хозяйстве:		Производство мяса на одну голову крупного рогатого скота в хозяйстве ²	
	доля в общей площади пашни	приходящаяся на одно хозяйство	всей продукции	мяса	молока	овощей	в от-расли	в лич-ном под-соб-ном	в обще-ствен-ном	на одно личное подсоб-ное при-ходится	личном подсоб-ном	общест-венном	личном подсобном	общест-венном
	%	га		%			тыс. голов	%	%	голов				
											кг/год		кг/год	
1923											553 ³		15,7 ³	
1940											893 ⁴	438	31,7	
1950				33	75	34	410	63	37		923	533	20,8	29,8
1955	2,3 ⁵			30	70	36	584	59	41		722	433	18,9	38,4
1960	2,9	0,12		34	60	46	915	61	39	0,53	742	784	28,0	44,8
1965	3,9 ⁶	0,11	18,0	35	66	42	1054	67	33	0,51	796	824	24,5	50,4
1970	3,0	0,10	20,4	47	70	36	1195	69	31	0,48	984	952	34,1	47,0
1975	3,0	0,10	21,2	50	67	35	1216	70	30	0,46	1259	1473	43,1	49,1
1980	3,0	0,10	22,0	47	62	47	1360	69	31	0,48	1343	1811	43,6	57,7
1985	3,2	0,10	24,6	46	62	48	1560	70	30	0,50	1391	2038	45,2	71,4
1990	6,7	0,14	25,0 ⁷	49	65	44	1702	71	29	0,39	1498	2033	53,8	80,4
1991		0,17	28,5	59	71	53	1900	75	25		1672	2016	65,5	77,0
1992	9,9 ⁸	0,20	30-35	51 ⁹	66 ⁹	49 ⁹	2100	80	20					

* Подсчитано по: Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с.20,21,24,38-42; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И. Попова. М., 1993, ч.П, с. 53-76, 126-156; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., выпуски за 1960 г., 1971 г., 1988

г., 1991 г.; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. М., 1956, с.104,105; Народное хозяйство СССР в 1961 году, с.407; Народное хозяйство СССР в 1964 г., с.264,355,356; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с.280; Экономика и статистика. Ташкент. 1993, № 5, с.55; № 6, с.36; № 7, с.39; Страны-Члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992 г., с.456,464.

1. Все показатели с 1950 г. по 1990 г. (кроме данных по пашне и поголовью коров) - среднегодовые за пятилетия, обозначенные в таблице последним годом пятилетия; например, показатель за 1950 г. означает среднегодовой показатель за 1946-1950 гг.; 1955 г. - за 1951-1955 гг. и т.д. Поголовье коров дано по состоянию на 1 января последующего года, например: для 1940 г. на 1 января 1941 г.; для 1950 г. на 1 января 1951 г. и т.д. Данные по мясу получены путем соотнесения среднегодового производства мяса за пятилетний период с численностью поголовья скота, установленной на последний год данного периода (кроме показателей за 1923, 1940, 1991 гг.).

2. Имеется в виду говядина и телятина, которые составляли, по нашим оценкам, в 1940-1955 гг. 64% совокупного производства мяса, в 1960-1990 гг. - 61%, а в 1991 г. - 65%. Эти оценки, легшие в основу наших расчетов, сделаны на базе данных: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И. Попова, часть II, с.61; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917-1927, с.188, 192; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. [1971], с.294,296; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г., с.129; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах (л.п.х.) населения. 1991,с.30; Страны-члены СНГ. 1992, с.461-464.

3. Усредненные данные по Туркестанской АССР, ЗСФСР и Дальневосточному округу (ДВО).

4. Показатель расчетный, исчисленный исходя из предположения, что пропорция распределения поголовья коров между личным и общественным хозяйствами была такой же, как и в 1950 г.

5. Предположено, что доля пашни в площади сельскохозяйственных угодий л.п.х. составляла 70%, так же как и в 1960г.

6. Этот показатель нуждается в некотором объяснении: с 1955 г. до 1965 г. площадь пашни в л.п.х. выросла с 70 тыс.га до 140 тыс.га (в 1960 г. - 90 тыс.га, 1964 г. - 150 тыс.га). Смена режима в "центре", происшедшая в 1964 г., мгновенно отразилась на величине приусадебного участка дехканина: в 1967 г. общая площадь пашни в л.п.х. сократилась до 79 тыс.га (в 1970 г.- 106 тыс.га).

7. В 1986-1990 гг. на долю л.п.х. приходилось в Республике 51,9% общего объема производства продукции животноводства и 10,8% продукции растениеводства (если исключить производство хлопка, то последний показатель будет равен 27,8%).

8. Показатель расчетный; удельный вес пашни в площади сельскохозяйственных угодий л.п.х. (550 тыс.га) предположен для 1992 г. равным показателю 1990 г. (78,9%); в этом случае площадь пашни составляет 434 тыс.га.

9. См.: Мухтаров А.М. Аграрная реформа и механизм ее реализации. Ташкент, 1993, с.8 (Автореферат канд.дисс.)

Таблица 12

**Узбекистан: параметры душевого потребления и производства
некоторых сельскохозяйственных продуктов ***

Год	Потребление на душу населения, кг/год,			Производство на душу населения ² , кг/год,				Поголовье коров, число голов на 100 душ сельс- кого населения
	хлебных продуктов в пересчете на муку	мяса и мясных продук- тов ¹	молока и молочных продуктов	зерна	мяса в убой- ном весе	молока	хлопка- сырца	
1924	226	14,8	88	220	13,8	87,2	66	15,0 ³
1926	206			219			113	12,9
1940				90	12,5	68,8	212	12,5
1959				81	16,9	97,6	371	14,4
1970	160	29	150	70	31,6	116	368	16,1
1979 ⁴	177	31	185	168	20	138	342	15,2
1986	172	29(27)	176	77	21	134	268	14,9
1989 ⁵	170	31(28)	207	91	23	144	258	14,2
1992	143	24	163	93	21	160	195	15,5

* Подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1988, с.200, 238; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Статистический справочник. М., 1990, с.96; Страны-Члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с.447-464; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917-1927. ЦСУ СССР, 1927, с.214-219; Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923: за пять лет работы ЦСУ. М., 1924, с.113; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И. Попова. М., 1993, ч.II, с. 53-76, 126-156; FAO Production Yearbook 1993. Rome 1994. Vol.47; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., выпуски за 1960 г., 1971 г., 1988 г., 1991 г.; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. М., выпуски за 1978 г., с.221, 1984г., с.209; Экономика содружества независимых государств. Краткий

справочник. М., 1993; Семейные бюджеты в 1990-1991 годах и за 9 месяцев 1992 года. Статистический сборник. М., 1993, с.49,181; Перепись населения СССР в 1939 г. М., 1993, с.22.

1. Потребление мяса в 1970-1992 гг., включая сало и жир, в скобках приведены данные по потреблению мяса без жира.
2. Производство зерна и хлопка-сырца на душу населения подсчитано как средневзвешенное за 2-3 года, например: 1926 г. за 1925/26 - 1926/27; 1940 г. за 1940-1941 гг.; 1959 г. за 1958-1960 гг.; 1970 г. за 1969-1971 гг.; 1979 г. за 1978-1980 гг.; 1986 г. за 1985-1987 гг.; 1989 г. за 1988-1990 гг.; 1992 г. за 1991-1993 гг.
3. Данные за 1920 г.
4. Данные по потреблению продуктов на душу населения относятся к 1980 г.
5. Данные по потреблению продуктов на душу населения относятся к 1990 г.

Таблица 13

**Узбекистан и Россия: калорийность потребляемых
продовольственных продуктов на душу населения в день ***

Год	Общая калорий- ность ¹	В том числе:						
		хлебные продукты в пересчете на муку	мясо и мясные продукты	молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	расти- тель- ное масло	сахар	карто- фель	прочие
УЗБЕКИСТАН								
1923/24 ²								
ккал	2324 ³	1981	77	140	54	21	13	38
%	100	85,2	3,3	6,0	2,3	0,9	0,5	1,6
1970								
ккал	2313 ³	1403	151	238	202	218	64	37
%	100	60,6	6,5	10,3	8,7	9,4	2,8	1,6
1980								
ккал	2503 ³	1552	161	204	256	224	66	40
%	100	62,0	6,4	8,1	10,2	8,9	2,6	1,6
1990								
ккал	2632(2810)	1464	166	334	345	195	86	41
%	100	55,6	6,3	12,7	13,1	7,4	3,3	1,6
1992								
ккал	2180(2210)	1269	126	263	270	125	80	47
%	100	58,2	5,8	12,1	12,4	5,7	3,7	2,1
РОССИЯ								
1923/24 ⁴								
ккал	2683 ³	1806	108	135	54	29	484	67
%	100	67,3	4,2	5,0	2,1	1,1	18,0	2,5
1926/27 ⁴								
ккал	3163 ³	1955	235	277	66	63	488	79
%	100	61,8	7,4	8,7	2,1	2,9	15,4	2,5
1990								
ккал	2586(2949)	850	364	601	172	329	214	56
%	100	32,9	14,1	23,2	6,6	12,7	8,3	2,2
1992								
ккал	2409(2877)	928	291	470	150	262	238	70
%	100	38,5	12,1	19,5	6,2	10,9	9,9	2,9

* Подсчитано по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1988, с.200,238; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917-1927. ЦСУ СССР, 1927, с.214-219; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И. Попова. М., 1993, ч.П, с.126-156; Семейные бюджеты в 1990-1991 годах и за 9 месяцев 1992 года. Статистический сборник. М., 1993, с.40,49,55,57,178, 181,183, 185; Перепись населения СССР в 1939 г. М., 1993, с.22.

1. В скобках - показатели общей калорийности дневной диеты у колхозников.
2. Данные по Туркестанской АССР.
3. Рассчетная величина.
4. Потребляющая полоса России.

Таблица 14

**Свод показателей личного потребления в странах
Средней Азии и России к началу 90-х годов ***

Показатель	Узбекистан	Таджикистан	Туркменистан	Россия
Распределение населения по среднему душевому совокупному доходу в 1989 г.				
Семьи, имеющие на душу населения,%,				
• менее 75 руб.	43,6	51,1	35,0	5,0
• свыше 200 руб.	3,8	2,8	6,1	27,8
Потребление материальных благ и услуг на душу населения в 1989 г.				
В процентах к средне- союзному уровню	62,6	58,1	67,1	110,5
Наличие пассажирских легковых автомобилей в личной собственности в 1989 г.¹				
На 100 семей, шт.	24(13)	24(12)	27(16)	17(10)
Расходы семей на покупку непродовольственных товаров в январе-сентябре 1991 г.				
На члена семьи приходится, руб.	396	405	490	957
Распределение семей по уровню среднему душевому потреблению продуктов в домашнем питании во II-ом квартале 1990 г.				
Удельный вес семей (%), потребляющих мяса и мясoproдуктов:				
менее 1кг на душу в месяц				
• все обследуемые семьи	20,9	36,6	7,3	7,4
• колхозники	31,7	49,8	8,9	12,4
свыше 5кг на душу в месяц				
• все обследуемые семьи	5,2	3,3	12,0	21,3
• колхозники	0,7	1,5	3,9	29,9
Удельный вес семей (%), потребляющих сливочного масла:				
менее 0.2кг на душу в месяц				
• все обследуемые семьи	48,4	63,8	30,8	20,9
• колхозники	74,6	74,8	52,3	40,9
свыше 0.9кг на душу в месяц				
• все обследуемые семьи	3,9	2,4	8,2	6,7
• колхозники	2,5	3,0	3,7	5,5

* Составлено по: Социальное развитие СССР 1989. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991, с.119,133,150; Семейные бюджеты в 1990-1991 годах и за 9 месяцев 1992 года. Статистический сборник. М.: Статкомитет СНГ, 1993, с.59,60,69,70,193.

1. В скобках - показатель за 1980 г.

Таблица 15

**Средние цены покупки продуктов питания
в Узбекистане и России, 1990-1991 гг.*, руб/кг**

Вид продукта	Узбекистан ¹				Россия ¹			
	1990		1991		1990		1991	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Хлеб								
пшеничный	0,39	0,38	0,48	0,47	0,39	0,32	0,85	0,72
Мясо								
говядина	5,78	6,18	13,93	14,41	3,16	3,16	8,87	6,51
баранина	6,08	7,35	15,70	19,20	2,80	3,78	7,48	9,47
свинина	3,60	5,07	10,44	8,74	3,36	3,37	9,48	6,86
Молоко и молочные продукты								
молоко цельное	0,32	0,40	0,51	0,68	0,30	0,34	0,53	0,57
сметана, сливки	1,83	2,94	3,97	5,50	1,24	1,45	2,47	2,75
творог, сырковая масса	1,18	1,42	2,31	3,09	0,96	0,91	2,10	1,80
масло животное	3,70	3,78	9,31	9,76	3,50	3,83	8,98	9,58
Прочие основные продукты								
масло рас- тительное	1,52	1,55	2,67	2,72	1,71	1,40	3,66	2,42
сахар	0,87	0,90	2,18	2,06	0,90	0,84	2,24	2,12
картофель	0,55	0,50	1,93	1,70	0,43	0,38	1,39	1,18

* Семейные бюджеты в 1990 - 1991 годах и за 9 месяцев 1992 года, с. 85, 86, 91, 92. .

1. I - все обследуемые семьи; II - семьи колхозников.

V.G. Rastyannikov

UZBEKISTAN
Anomalies in Agricultural Growth
through the XXth Century

Contents

Some introductory notes: Uzbekistan agrosphere as a unique phenomenon — formation process; cratocracy ("power of power") as a moving force of economic growth in non-market economy; peculiarities of statistical materials used in the work.

1. Market-based economic growth in farm economy: last years (precollectivization decade). Diversification of Turkestan agricultural economy with cotton-growing to rise as a major branch of the farm production; the functions and market parameters of grain economy; the type of prevailing economic system.

2. Cotton monoculture is on the march (a history of expansion since late 20s to early 90s). The birth of "the system-centered" (collectivised) farm economy. Historical stages in growth of cotton monoculture; extensive and intensive phases in development of cotton production potential. Some manifestations of the crisis in monoculture economy towards the late 80s.

3. Grain-producing sector of farm economy versus cotton monoculture. A number of vital branches of agriculture has been deprived of the necessary production resources (land, water, material elements). Grain farming becomes a functional link of the cotton farming economy; its historical dynamics; an incomplete "green revolution" and the changing structure of grain production. The result: the bulk of the grain consumed is imported. The policy to support the priority crop farming; a comparison of Uzbekistan with Pakistan.

4. Irrigation potential and its use: environmental and economic costs. Expansion of irrigation during the Soviet period. The increasing cost of production in farm economy (more investment is required per unit of newly irrigated lands); the squandering way of the use of natural resources and its consequences for the environment. Traditional agriculture versus industrial coercion.

5. Dynamics of surplus labour resources in farm economy. The historical phases of changes in surplus labour resources; the negative

consequences of their pressure for the economic growth; the second (reflection) agrarization of labour power resources (developments towards 90s).

6. **The nature of distortions in economic growth.** The manifestations of distortions in agricultural growth: deterioration of factors determining productivity of labour, that of land, expenditure of natural, energy and material (capital) resources; an increase rather than reduction of overall expenditure required per each unit of farm output. (Some comparison with Russia and USA.) Inefficient economy becoming more inefficient. Formation of the negative model of economic growth which is characterized as a phenomenon governed by the laws of the "Through-Looking-Glass Lands".

7. **Something on distribution (and redistribution) of gross income which is generated in agriculture (little theory based on statistical material for cotton farming economy).** Two-tiered mechanism in private appropriation of a part of revenue produced in socialized economy - by the cratocracy functionaries. Monopoly rent and turnover tax: the base of formation and the principles of redistribution. Quantitative estimations of the part of gross agricultural income privately appropriated through cratocracy power monopoly.

8. **Industrialization versus cotton monoculture (the industrial revolution that failed).** Why Uzbekistan could not foster her industrial transformation based on primary agricultural (cotton) resources of her own. Republican cotton complex at the background of the USSR cotton economy (viewed through historical retrospective).

9. **Pettiest farming phenomenon: a "rescuer that germinates"?** The changing place and macroeconomic functions of the "personal auxiliary" farm economy. The pettiest farming-support-based policy towards the beginning of the 90s. Why? (two major reasons responsible for this).

10. **The formation of "poverty zone".** The nature of the food problem in the Republic. The trends in personal consumption: a comparison of Uzbekistan with Russia (20s to early 90s)..

Conclusion: at the headwaters of a market model of economic growth formation (developments in early 90s). Whether can the old socialized economy of the agrarian sector be the actual economic agent of the transition process towards market economy; the institutional distortions; the role of expropriatory agricultural price system; slow steps towards the market; new institutional forms in farm economy appeared; the troubles on the way of the formation of a farmer economy sector.

References

Appendix: Statistical tables (15).

Научное издание

Растянников Виктор Георгиевич

УЗБЕКИСТАН

Экономический рост в агросфере:

Аномалии XX века

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Младший редактор М.С. Грикурова

Редакционно-издательский отдел

Института востоковедения РАН

103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12.

Заведующий отделом Ю.В. Чудодеев.

Лицензия ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Подписано к печати 16.07.96. Формат 60х90/16

Бумага типографская № 2 Усл.п.л. 10,5

Уч-изд.л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № 150.

Типография № 3 РАН.

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28.